

26.9.1014/2

№ 9

МОЛОДАЯ

ГВАРДИЯ

**ЦКРКП
ЦКРЛКСМ
МОСКВА**

РАДИОТЕХНИКА

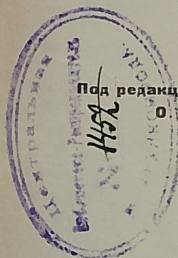
0
М-25

Год издания 3-й

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК РКП и ЦК РЛКСМ

Под редакцией: Л. Б. Каменева, Бела-Куна, Ф. Ф. Раскольников, О. С. Тарханова и А. В. Мандельштама-Одиссея.

№ 9

МОСКВА — 1924

24-11

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Литературно-художественный отдел.

А. Дорогойченко — Кандидаты (рассказ).....	5
А. Ясный — Стихи.....	18
С. Малашкин — Стихи.....	21
Д. Крутинов — Голуби (рассказ).....	22
В. Заводчиков — Стихи о себе.....	33
Шилов — Паника (рассказ).....	35
Чаплыганец — Огненные брызги (рассказ).....	44
Н. Шильдкрит — Генерал с каштановым волосом (рассказ).....	48
Я. Швецов — Стихи.....	57
В. Тройка — Дурак (рассказ).....	58
С. Огурцов — Поэма.....	60
М. Голодный — Стихи.....	63

Общественно-публицистический отдел.

М. Зелинман — Международное товарищество рабочих.....	65
Лившиц — Социальные невзгоды в жизни Карла Маркса.....	81
А. В. Мандельштам-Одиссей — 7-ой год.....	91
Минусон — Китайский узел.....	97

О т д е л б ы т а.

Лепешинская — Комсомольцы (отеря).....	123
Венюков — Смена идет.....	133
С. С. — За океаном.....	139
Фурман — По Семиреченскому тракту.....	146

Критика и библиография.

Славкин — Стихи.....	167
П. Коган — Памяти Брюсова.....	168

П. Ноган — Памяти Анатоля Франса.....	Стр. 172
В. Вешнев — Тов. Сосновский и гр-н Пильник.....	173
А. Беркович — Половой вопрос.....	181

Научно-технический отдел

Е. Хмельницкая — Чем вредна политическая экономия А. А. Богданова.....	187
Горещенко — Как и почему летает планер.....	196
Некчев — О работе ЦНТА.....	206

Научная хроника

Г—нз — 2-ое Всесоюзное планерное испытание.....	211
А. И. — Золото из ртути.....	213

Письмо в редакцию

Шахматы

Кандидаты.

1.

В пустом поповском доме нажваривает фисгармонь:

Я гармошку—несчастливку
Замену дитарою ю-ю...

Срывающийся диковый мальчишеский басок выносит верхи,
а хор подхватывает:

Тятюку с мамкой в переливку—
Ни к чаму нам старое-я-я...

Ветер летний вбегает из палисадника, дразнит смородиновым духом, мякиною пылью щекочет раздувшиеся ноздри молодые, стриженные головы ерошит. Хватает ветер охапкой — треплет на площади перед окнами волисполкома лоскутья криков, отребье частушки, роняет их в густой зеленый подорожник.

Гуляка—ветер!

— Ого, народу, как людей!... Что за экстренность такая? И Васька здесь. Ты, рази, в рекесе? Тебя, кажись, вышибли за самогон...

Лисья у Кошкина физия, ухмылка ехидная.

— Вот те на, так Васька же наш ответсекретарь!

Кошкин притворно глаза вытаращивает:

— Кто??

— Свиное пыхто!

Взъерошились белесые брови Васькины. Веснушное скуластое лицо кровью налилось. Сверкает в Кошкина белками:

— Смотри, ты, язва!

— Ощерился, бугай. Пошутить нельзя.

— Язык твой—помело поганое. Вот садану под едала!

— Что вам пьяным-то. Долго ли.

— У-у, мать твою...

— Ай да секретарь у нас. Малина!

— Не задирай!

— Тпру—те, на-те, дерьмо на лопате. Не тронь меня—завяну!—
Нежного воспитания.

— Заткнись!—багровеет Васька.

Хикает Кошкин ехидно.

— Драться? Давай!

Встает в позу, закликает, как на кулачках:

— Стой! Стой!

— Стою, хоть, дай!

в боевую позу становится.

Сяткин, коренастый подросток Васька мордвин, решительно встает между:

— Кошкин, не скалзубь. И ты не хулигань, секретарь называешься. Сяткин авторитет непререкаемый: учится в губсовпартшколы, да и комсомол-то он организовал.

Мотнул крупнотелой головою Васька, отошел в сторону, уставился косо в пол.

Здоровяк парень. Говорят, глотнет самогону, — достается парням суходолинским, да и нагорным парням достается.

— Что вы собачитесь?

Молчит Васька — секретарь деревенского рекесема. Белки сверкают только.

— А что он на кулаки надеется, — оправдывается Кошкин.

— Брось бузить, знаю тебя: Июда ты хорошая.

— Какой же он секретарь? Не видать его никогда — не унимается Кошкин. — А ты какой член? Тебя видать?

Оглядывает собравшихся парнишек Сяткин, колет их раскосыми глазами, головою покачивает:

— Знать, никовошеньки да ничевошеньки у вас не видать.

Петя Тихонов — совестливый паренек зарделся, выхлебнул взволнованно и горячо:

— Что правильно, то верно. Крах... Деморали... то бишь... демиралы... Споткнулся, спутался и стих внезапно.

Нахохлился Сяткин:

— Хотя раз собирались без нас?

Еще кошке потупился Васька, еще ниже шею нагибает:

— Ни разу. Ячейка Рыкапы лопнула. Женотдел тоже: одна Мария осталась. Ну и мы... одно к одному.

— А нынче вдруг что за экстренное собрание?

Оживляется Васька:

— Пришла тут бумажка от укома — на наш район место в рабфак.

— Что!

— Сколько?

— Рабфак?

— Чего же ты молчал!

Стабунились вокруг Васьки, бумажка голубкой порхает.

Косится Васька на Сяткина. Улыбается Сяткин:

— Ага — за...

Свирепеет Васька:

— Чего „ага“. Сам учишься, да агакаешь. Каждому хочется.

— Ну, кого пошлем? — кричит он.

— Не тебя ли уж посылать? — язвит Кошкин.

— Може и меня. С прошлого года в кандидатах состою, а про-

грамму всю на зубок.

Петя опять:

— Товарищи, знамо, каждому хочется. Я тоже готовлюсь и мечтаю.

Голубые у Пети глаза, мечтательные. Голос звенит тоненько.

Подтрунивают над Петей-тихой ребята, но к словам его при-

слушиваются: бескорыстный мальчишка, не выдаст.

— Крой, Петька!

— Да вы опять ругаться будете...

— Крой наотчистую! Рабфак не фунт гвоздей. Кого по твоему?

Петя на табуретку: больно маленький Петя ростом, да к тому,

признается, нравится Пете оратором быть.

— Товарищи! По моему... Рабфак! Да, ведь, это нельзя сказать, что за такое для нас, деревенских мальчишек. Туда надо, чтобы достойным был. А мы еще ничем не проявили свое стойкое классовое самосознание передовых активистов...

— Загнул загогулину.

— Оратор!

— Вы не перебивайте меня, не перебивайте...

По моему, никого нельзя послать. Мы же ничего не делаем. Даже из остальной молодежи не привлекаем. На что уж — Клавдия наш элемент, а до сих...

— О Клавке, браток, лучше помалкивай, — прерывает Кошкин.

Вспыхнул полымем Петя:

— Да ладно, верим — продолжай!

— Товарищи... она... я не из личных отношений... Клавдия... Мы...

— Любовные дела нас не касаются. Валий дальше! — ободряет Васька.

— Да никакой любви и нет же... А так...

Язык не ворочается, подбородок прыгает.

— Да ладно, верим — продолжай!

Прилип язык и пляшет подбородок. Скорее с табуретки, чтобы не видели слез.

Загалдели ребята — на мужичью сходку похоже.

— Чего там рассусоливать? — работать надо!

— А чего работать-то? „Труженики“.

— Надо знать, с чего начать...

— Послать, кто всех лучше сработает...

— Тише мыши. Коли так, — я сказану!

Покрыв всех: знатный у Васьки басок.

— Тихоня правду сказал. Никого!.. Работать сперва. Факт! Бесспорно. А чего работать? Под носом работа! Надо с корню все переменить. Страда! К шаху монаху спятакли, митинги. Надо настоящую работу работать.

Сяткин шурится:

— Ну, а что же бы ты стал делать конкретно?

— Кокретно? Скажу, чорт вас раздери, коль на то пошло.

— Слушайте!

2.

Горят поля на солнышке. Кипят поля трудом. Все в золоте поля. А люди все в поту.

Нырют жнецы во пшеницах. То и дело взмахивают золотыми веерами колосьев.

А косцы во пшеницах плавают стоймя. Взметывают золотую воду пшеницы.

А солнце — степной председатель.

Глаз его острый да ласковый!

Не забудет, не пропустит солнце никого.

Лучем ленивого жнеца уколует. Опахнет прохладой замаявшего косца. Бросит тень под телегою, чтоб заснул малыш грудной, насосавшийся мамкиной титьки. Вспенит солнышко бока лошадиные, чтобы людям не досадно: вот этим мужикам, купающимся в соленом и пахучем поту.

Только на Марию Козину — организатора женского — сердито глядит солнышко: лишняя она на полевой дороге. Идет она мимо полей, по деревням, сквозь леса дубовые да сосновые.

В город.

Не любит солнышко города: мужичье солнышко.

А Марье не до солнышка в полях.

Лучше закрылся б красный воспаленный глаз на небе седую облачной векою.

На что оно, когда каждый по-прежнему норовит—сам по себе.

На что оно, когда опять свои шестки, свои горшки, горшки, горшки печные.

Скажет Марья Козина об этом в городе.

Скажет она: хорошо писать бумажки, а работать, работать-то на местах каково.

— Никак в город? На нас, на баб жалиться?

Ухмыляется враждебно недавняя помощница в работе коновод—баба Гусарова.

А бурешка мычит приветливо, язык свой толстый коровий высушила—рада отдохнуть от хомута лошадиного, от навьюченного снопами рыдванчика.

— Не артаться, Марья, не мучай баб. Фонды мы никакой не жеем. Разделим на току по-божески.

— Ослепла ты что ли, Гусарова? Нельзя артель ломать: съедят нас.

— Подавятся. Мы костлявые.

Уверенная баба Гусарова.

А бурешка мычит, старается комылом рогом хомут сбросить.

— Марья, последний мой сказ: пусть лучше на корню сгниет, а на фонду мы не согласны. Ну, прощай. Тпрука, ты, виноходец!

Хлестнула прутиком под вымя. Взбрыкнула бурешка сразу всеми четырьмя, шею к земле, туда-сюда метнулась, выпрямилась—заскрипел рыдванчик под гору.

— На току будем делить!—кричит Гусарова издали.

— Кто подменил ее?

Скажет об этом Марья Козина в городе.

Скажет она.

Треплет-издевается ветер степной, бьет снаскоку осиротелую рожь. Осыпается рожь женотдельская. Карта в 5 десятин хозяйственных. Что поделает она с одним серпом? Трое суток жала—не больше осьминника. Некому убирать рожь общественную. Туманятся Марьины глаза. И в этом знойном, душном тумане плывет на Марью—официальная бумага:

„Подходящим до уженотдела констатированным сведениям работа среди женского пролетариата во вверенном вам районе совершенно замерла. С получением сего предлагается вам еще усиленное приступить к организации женщин в кадры сознательных и стойких борцов за переустройство мира на новых коммунистических началах. Ввиду мелкобуржуазных тенденций нэпа и для борьбы с отрицательными явлениями такового ставится вам на вид, что все общественные посевы должны быть убраны в первую очередь коллективным трудом, хлеб забронирован в общий фонд, причем наемный труд при уборке не допускается. Поведите немедленную агитацию“.

Бьют по лицу ровненькие буквы пишесмашиночные, мозолью садятся на затуманенный глаз. Трудно дышать, будто бревно навалилось на тугую грудь. Ити нет мочи.

И—светлая и крупная упала на пыльную дорогу слеза.

Остановилась, выпрямилась, смотрит на мокреть от слезы.

Вздрыгнула, бухнулась на меже, взревела прорвавшейся плотиной.

Голова по жниве катается.

Длись, безнадежный день воскресный.
Ночь одинокая, настань хоть сейчас.
Все равно!

.. Очнулась—на меже лежит. В поле незнакомом. Солнце за-полдень Ити!

На дачную пристань поспеть до заката.

Сказать:

Помогите. Не двужильная.

Сказать:

Хорошо писать бумажки, а работать, работать-то на местах каково!

Вон он—город.

Маячит в дальней синеве, маня и пугая.

Знает ли он, строгий город неприветливый, что в селе Большой Каменке осыпается рожь женотдельская?

3.

Решили—крышка!

Раз рекем—знай!

Солнце еще не проснулось, как следует: румяное ото сна, косоглазое. А они уже на выгоне табунятся с косами, серпами, вязью для снопов. Хохочет озоря.

Мычат коровы. Стреляет ременный кнут подпaska. Пыль густая, несусветная. Бабы заспанные гонят коров, косятся—сердитые—на молодежь. Переговариваются бабы:

— Шайкой, шишиги, выходят.

— И работают-то не по-людски.

— Спортились на-нет.

Хихикают ехидно бабы, переливая сплетки про молодежь.

У Марешки—молoduшка Сеньки Богатова,—чирий на языке: не терпится съязвить:

— Медом што-ли вас накормили, Васек?

— А тебя беленой! Говорят, в детстве ты белены объелась, и от того всю жизнь язычишься.

— Ах ты самарский горчишник, голах, фулиган!

Хохочет озоря.

— Брось, Васька, связался! Стоит с ней слова терять—кулацкий элемент!

Оглядывает Сяткин собравшихся ребят: довольный, даже благоволил улыбнуться:

— Ай, да помочь!

А Ваське неймется, гогочет, лоснится от веселого молодого задора.

— Взво-од сми-и-ирнэп! Полк, слушай мою команду-у-у...

С хохотом карабкается молодежь на Чиханскую гору. А из-за горы карабкается красное невыспавшееся солнце. И кажется: атакуют ребята солнышко, поймают солнышко за волосы.

А за Чихан-горою распахнулись большекаменские ржаные жирные поля.

Мечется под горою баба, машет прутиком, взвизгивая:

— Клавка, куда ты с ними? Клавка, вернись, неслушница!

В ответ со смехом голос девичий:

— Ужо-о.

Прутик сломился, топает ногами баба:

— Клавка, отец узнает—косы выдерет! Клавка-а-а...
 — Ма-ам, скажи тятяньки-и: я их остригу-у-у...
 — Серп отдай, самашедшая!
 Васька хлопает Клавку одобрительно:
 — Молодец! Вступашь к нам? Пра, вступай. А то разведутся
 совпартишкольцы—ни одной девченки в союзе не останется. Да и
 Петька о тебе больно беспокоится.

Смеется Клавка, припевает с выносом:

Сирежа-а, Сирежа-а-а
 Лю-лю-бить тебя как жожа-а-а...

Ластится к Пете-тихоне. Жеманится Петя, а Кошкин яду под-
 пускает:

— Чего куетишься? Скрытник! Любовь крутишь. Ну и крути,
 только от товарищей скрывать не гоже. Не по-пролетарски.
 — Помалкивай в тряпочку... Ревнуешь, кот мартовский!
 — Так его, Васинька. Проходу мне не дает,—подзадоривает Клавка.
 — Молчи, бугай! Хошь, самогоном угошу?

Разливается Клавка:

Сирежа-а, Сирежа-а-а
 Ты в рекесем, я жожа-а-а...

Правду, только одна во всем поле... Стыд!

Деловито хмурится Сяткин, останавливаясь около карты несжатой.

— Фю-тю, пустяк—полоска! Потюкаешь!—уныло свистит Кошкин.

— Испугался, злыда!

Глаза горят, раздуваются ноздри у Васьки.

— Эх, раззудись, плечо. Заработаю рабфак, как пить дать!

С треском стаскивает лопнувшую на лопатках рубашку.

По-пояс голый.

— Кожу сожжешь, чортущка! Физику знаешь? Рази можно.

— Все можно! Не люблю одемши работать. Привык.

— Дикие у тебя привычки,—подъязвляет Кошкин.

— Вредно, парень!—урезонирует Сяткин.

— Ни хера!

А солнышко ровно этого дожидалось.

Больно заинтересовалось молодежью солнышко.

Круглый жаркий глаз выкатило, в Васькину бронзовую спину
 гибкую вонзилось.

Девчата с Петькой уже в рожь врезались с того клина, где сде-
 лала зажин Марья Козина.

— Стойте вы там, без разбора. Тут мы косою возьмем. В долки
 идите: куртинками жните, где наливнее и чаще...

Планирует Сяткин, деловитый, по межам шагает.

— А ты, видать, немножко управляющий,—цепляется к Сяткину
 Кошкин.

— А ты немножко дурак.

— Показывай, Сяткин! Скорее! Не слушай балаболку.

— А то Ваське рабфак достанется.

— Вон уж куда он прокос-то прогнал.

— Факт! Бессомненно!—гогочет Васька, не отрываясь от косы.

— Пойдем, Петичка, в долочек.

Тянет Клавка Петю за рукав. А Петя—серп в плече, нарукав-
 ники: жнец заправский. Шагает по меже полевой. За ним девчата,
 парнишки, кто ростом помельче, послабее мускулами.

Хочется и Кошкину с ними. Ой, как хочется. Да—косцем должен:
 старше всех годами. Улучшает минутку, Клавку за груди.

— Не лапай, не купишь.

Лягнула Клавка прямо в бок.

— Эка, халда! Понятия у тебя баржуазные.

— Рассусоливай. Знаю мы тебя, каких ты понятий.

— Да рази ты товар, что тебя покупать надо? Теперь любовь
 свободная.

— Из всей программы только это и знаешь,—подшутил Петя.

— Ах ты, Маркс—сопля возжей! Туда же лезет, тихоня.

— Не лайся, слышали про твою свободную любовь. Все собаки
 сухилинские брешут про нее.

Хохочет Клавка, бедрами поигрывая.

И солнышко хохочет, и вот то жару поддает!

Ой вы, мускулы тугие, молодые, пьяные.

Ой не лопнете вы, мускулы, от задори молодой.

Ой не выпрыгнете груди Клавкины, груди девичьи упругие!

Петька-тихоня, не сжимай так сладко груди Клавкины.

— Торопиться надо, Петя, некогда: осыпается рожь женотдельская.

— Чего вы там сабантуй устроили! Вот брошу, что вы без меня?

Присуждают рабфак загодя!

Смеется Васька, косу точа:

жиги-цыки-чик...

чики-цыки-жик...

Мызжет смолянка вокруг лезвия косы. Остро, смачно, с огнем
 целует раскаленные щеки стальные.

Залихватская музыка!

Раскачивается Васька из стороны в сторону, с ноги на ногу плавно
 переваливается, поворачивается тело молодое полукругом вдоль гиб-
 кого позвоночника. Плышет Васька стоймя прямо в омут, в сердце
 ржаного моря золотого. Гребет окосево, жужжит коса. Широкими ва-
 лами громоздятся—растекаются прокосы.

Ах... жжи...

Ах... жжи... хррр...

Ах... жжи... хррр...

Взмахивает головами, всхлипывает рожь, с теплым стоном опадая:

Ашш—

шшо...

Ашш—

шшо...

А коса все:

хррр...

А рожь косе в ответ:

ашш-шшо.

Хррр.

Ашш-шшо.

Хррашшо.

— Хорошо!

Веснушки—черные от солнышка.

Лицо от солнышка малиновое.

Нос начинает лупиться.

В поту!

К шагу монаху штаны—в одних портках Васька.

Не угонятся за Васькой остальные?

Двое вязальщиц не успеют за Васькой снопы вязать!!

Ведь, когда перезревает рожь наливная,—растопырился колос.

Вылезают золотые зерна из гнезд, клонятся долу золотые колени чатые стебельки. А ветер набежит,—качает головой упористая нива. Дышет нива в лицо духмянохлебным духом.

И от этого распирается грудь у косца, ноздри раздуваются, как у дикого степного скакуна. И хочется косцу полыхнуть со всего плеча.

А Васька ли не косец!

Васька—секретарь деревенского рекесема.

Спина, распаленная до нельзя, в потных волдырях.

Не угонятся за Васькой остальные!

Трое вязальщиц не успеют за Васькой снопы вязать!!

Даже Сяткин в прокосе чуточку отстает. Не торопится парень: плавно водит косою—расступается рожь под косою, как вода. Смотрит, как Васька ретивится, головой покачивает, улыбается раскосыми глазами, с хитрецой.

— Чего ты жижишься? Спину спустишь, смотри!

— Ага, упре! Загнал я тебя.

— Косишь ты по дурачки, ровно пойму, или отаву. Не полыхай так, плачнее води.

— Не впервой. Чего придираешься?

— Да не придираюсь, чубук! Смотри грабельцы: с косою наразне. Рази так присаживаю? Положе надо.

— Учи ученого!

Огрызается Васька, еще звонче врезается в рожь, еще шире прокос загребают.

— Ух, заглади. Уповод! Ребя!

Отдувается Кошкин,—не успевает пот вытирать.

— Какой-те уповод? Злыда! Дуй!!

Скрипят рыдваны—самодельные лебеди, бессильные лететь.

Обок с рыдванами вышагивают важно мужики. Косятя через дорогу мужики на шишиг—комсомолов. Молча шествуют мимо шишиг. А молодые парни задираются:

— Рано жать вышли: зеленая еще.

— Не зеленее тебя,—огрызается Васька.

— До загованья кончите?

Молчат комсомолы. Стоит обращать внимание—кулацкий элемент. Только размашистей вжимают косы. Только яростней вгрызаются, да хрюкают серпы.

4.

— Бог помочь, келя! ¹⁾ Добродушное это приветствие ветерком прохладным опахнуло жнецов.

— Иди на помощь!

— А-а, келя! Здорово живьешь,—хохочет Кошкин, коверкая слова.

Михал Дишин—Барба по прозвищу—громадного росту косолапый мордвин, рыжий, что подсолнух.

¹⁾ Мордовская присловка.

Останавливает кобыленку, шагает по жнивью. Гостеприимными гноющимися глазами молодежи улыбается.

— Васька, дай курыма.

Своего табаку Барба не имеет, на чужбинку больно охотник, особенно—„докурить“. Не то што по скупости, а так: деды-прадеды не курили.

— Бросил я, Барба! На рабфак хочу.

— А-а-а... Дела хороший. Мою Ваньку беспреренно выучу на рыфак. Задачки больно гожа складывают. Баял учительница,—башка у него крепкая.

— Дубовая, в отца пошел!—подтрунивает Кошкин, вынимая кисет.

— Айда, дам курыма. Ублаговторю начальство. Ты, ведь, председатель?

— Как жа?

Приосанился Барба.

— Очеред мой подошел.

— Рази с мордовского конца очередь?

— Знама, келя. От лесу курмыш. А я от лесу—первый.

— Ах, табак твоя сладка-ай. Тантий табак!

— Какой же ты председатель, гузну трешь!—по мужицки—сурьезно—шутит Сяткин.

— Не бай, келя. Миром решили: очередь, грит, твой.

— Отдадут вас под суд за эту „очеред“. Достукаетесь!

— Знама. Я тожин баял. Мир. Старики.

Развел Барба руками—большие, негнущиеся, как оглобли.

— На сколько же тебя запичужили?

— Тихий и больно: на целый месяц, келя. Русски хитры, только по десять ден сидят.

Кричит Васька издали:

— Эй ты, власть на местах! Убрал бы рожь-то женотделу.

Не хуже ветрянки замахал Барба ручищами:

— Што ты, осподь с тобой? Очкнись, келя! Со своим не справлюсь. Целый день на сборне гумаги подписываю. Вороха! А сиклятарь все пишет, все пишет, келя. Вот у нас сиклятарь, ну, келя, сиклятарь! Пишет, что косит: с одного маху. В город бы его, келя, на большого комиссара выйти может. Все мне обмозговыват.

— А ты?

— А я, знамо: гумаги подписываю, да шумлю с кем скажет. Колготня работа! За сто рублей не останусь в присядателях.

— Мобилизовал бы кулаков, тюря!—кричит Васька.

— Вот ето можна. Завсегда.

Расплывается Барба—луна в полнолуние.

— Только воскресенья мой очередь кончается. Пусть другой присядатель, келя.

— Контр-революционеры, черт вас дери. Притворяетесь христосниками.

Напустился Кошкин на Барбу неожиданно.

— Какой я контра? Окстись!

Испугался Барба. О лошади, о доме, о сиклятаре и гумагах—сразу обо всем вспомнил.

— Прощевайте, келя. Выпросился у сиклятара только на раз за снопами слезить. Заругает: что, дескать, долго. Строгий, страсть. Одманул я его: третий уж рыдван.

— Ну, проваливай!

А Васька кричит на Кошкина.
— Будь лясч точить. Коса ждет. Совесть!
— Ну, келя-эн, дай докурить.

Солнце на самую вершинку карабкается: дело к обеду.
Осьминника три смахнули с охотки, не хватились, как завтрак прошел.

Запарился Васька, мутится в глазах от усталости, а первый не хочет уповода прерывать. Пусть другие. Сяткин, чай, догадается: тоже в ручьях весь.

А по живне напрямки два рыдвана тарахтят во весь дух.

С наскоку останавливается жеребец карий, лоснится, рвется.

— Васька! Отец...

— А мне наплевать.

Косит Васька ни в чем не бывало. А рука дрожит, пятнами лицо

пошло.

— Долго буду ждать я!

— Не пойду я, тятя.

— Слышь што-ли: долго буду ждать я?

— Чего пристал, видишь: работаю.

— Убью, сукин сын!

Шагает по живне к Ваське. С налившейся шеей. С поднятым ре-

менным кнутом.

Бросили работу комсомолы, на отца с сыном смотрят молча.

А Сяткин громко и серьезно:

— Ребята! Вот видите. Вы говорили, дядя Яков с кулаками за-

одно. А он первый на помощь за общественными снопами приехал.

Да еще на двоим!

Хохот молодой оглушил дядю Якова.

Остолбенел дядя Яков с поднятым вверх кнутом.

— Садись на вилоходца: в Подчинный за снопами!—строго гово-

рит Ваське, будто не слыша Сяткина.

Васька уставился в землю, косу навстречу кнуту приподнял.

— Тятя, уйди от греха: сказал—не поеду. Решили сначала жеп-

отделу убрать.

— Ага, решили? Так. А решили вы, кто кормить вас будет?

Жрать не дам, стервоза! Домой не являйся, сволота несчастная!

— Ладно. Только уходи.

— Это ты с отцом так? Ай да сыночек! Ты што же в батраки

подрядился. За сколько, антиресно? Плохо хозяином быть?

Молчит Васька, секретарь деревенского рекесема.

— Значит, плохо хозяином быть? Что же ты молчишь, как бык

уперся. Поседеешь? Время-то золотое...

Молчит Васька, секретарь деревенского рекесема.

Белки из-под сизых бровей сверкают.

— Ну, тогда и живи в бардаке этом вашем!

Васька к отцу:

— Дурак ты, тятя!

Отец к Ваське:

— Я? Дурак?

Сяткин встает между ними, спокойно—в упор:

— Да, отец, взаправду дурак.

— И уши холодны!—покатывается Кошкин.

— Шишиги! В тартарары! До белой глинки. Тьфу! Сатанаидолы!!
Тьфу! Тьфу!

Бежит рысцей к лошалям. Побагровевший, неистово бьет жеребца кнутовищем по морде. Несется жеребец в сторону от дороги по живню. Тянется вторая лошадевка на привязи без седока: без Васьки. Где ей, не успеть за жеребцом: повод ременный натянулся, оборвался с хрустом повод.

— Ах, мать вашу...

Увечит лошадей, срамит сына и комсомол.

— Не кричи так сильно, дядя, простудишься!—покатывается Кошкин.

Остервенилась Васькина коса.

Сломался ровный у Сяткина прокос, сажень косую сплеча загра-

бает потемневший Сяткин.

— Молодец! Давай мириться!

Подходит Кошкин, руку Ваське протягивает.

— Ну, тятя у тебя.

Раздумчиво покачивает головою Сяткин.

— Рвусь поэтому в город. Не попаду: или я его вилами сбрушу, или он меня припилилит сердешником. Без людей у нас с ним еще страшнее.

— Наплюй на это дело!—успокаивает Кошкин.—Вот о жратве

напомнил, старый черт, это—зрей. Брюхо урчит.

— Уму от истощения!—кричит Клавка.

— Петька губами накормит: трегубый.

— Обед-то ты-то: не захватили.

А Васька посмеивается, тащит мешок-пятерик изо ржи:

— Тяткина картоха!

Хохочет озорня:

— Ого:

— Слямзил?

— Картошку пещи!

У тятянки на стене
Висит Миколашка-царь
Полубился Васька мне
Рекесемский секретарь

Любуется Клавкою Кошкин:

— Уж выдумала? Ну, дева!

Удивляется Петя-тихоня:

— Откуда это у тебя берется, Клавдя?

А Клавка хохочет:

— Не знай. А так: с ветру.

— Вступай обязательно в союз. Нашей сочинилкой будешь, всех продернем!

А Клавка хохочет:

— Ишь, агитатор какой. Айда-ка лучше за ягодами...

— И я с вами.

— Вот прилипа! Боишься с Петькой целоваться буду. И при тебе захочу, поцелуюсь, а тебе не достанусь—так и знай.

— Кошкин, брось девченок. Воскресенье наверстаем. Айда, в Лещеву яму. Купанемся. Ну! Задунем. Ментом! Иго-го го!—заржал

вдруг Васька, подражая жеребцу. Изогнув шею, голову к плечу—и мчится полукругом с загона на дорогу и по дороге вдаль. За ним Кошкин частой мелкой рысцой.

Сяткин долго смотрит им вслед. На солнце взглянул—и наотмашь отбросил котелок с картошкой: напористым бегом ринулся вдогонку.

5.

То и дело вглядываются в дорогу.

Не проморгать бы!

Кто первый увидит?

Глазастый Кошкин:

— Роба, идет!

Командует Клавка:

— Прячься в рожь! Скорее. Мы—не мы!

Еле-еле плетется Марья Козина.

Ноги разбила, прихрамывает Марья Козина.

И —

Остолбенела.

Смотрит широкими глазами.

Не мигая, смотрит на высокие, на частые скирды.

— Гулюк!

— Фи-лип!

— Гу-люк!!

Сусликами кричит молодежь.

Потом сразу, все, с хохотом окружают Марью.

— Это вы? Ах, чтоб вас разорвало!

Тормошат—кричат прямо в уши:

— Решили крышка!

— Раз рекесем—знай!

— Комсомольческая помощь!

Тормошат—кричат прямо в уши:

— Рабфак подкузьмил.

— Не рабфак, а вообще.

— Да, да. И в частности.

Кроет всех пронзительный Кошкин голос:

— Решить вопрос!

Васька взматывает башкою, будто пыряться собрался:

— Стойте, черти! Я против: докосить сначала.

Храбрится Кошкин:

— Докосим. Раз плюнуть.

Сяткин шутит сурезно:

— Горячий ты, паря, а в заднице лед.

А Петя-тихоня уже на скирде.

Вздувает ветер полевой Петину красную рубашку сатинетовую.

И от этого Петя на скирде—совсем карапузиком. Кричит Петя

тоненько:

— Чего обсуждать? Ваське рабфак! Уступаю!

— Факт, не реклама,—голосит Клавка.

— А, может быть, Кошкину?

— Нос не дорос.

Перебивает Кошкин:

— Не больно нужно. Я и сам не хочу...

Хохот:

— Знамо дело: не хочу учиться, хочу жениться.

— Только я за тебя не пойду!

— А ты как будешь: в церкви или в совете?

Кричит Петя тоненько:

— Внимание. Голосую. Марья голосуй и ты—твоя рука за два голоса. Ты, вроде почетный комсомолец. Кто за то, чтобы за примерную косьбу общественного хлеба, принадлежащего большекаменскому детскому дому при женотделе...

— Опять запутаешься!

— Отправить товарища Василия Яковлевича Большакова. Против? Принято. В косы! В серпы!

Кубарем скатывается Петя со скирды.

— Куда отправить-то и не сказал. Кобыле под хвост? Рази так ведут собрания?

А Васька орет:

— Марья! Айда за мной визать. Черта с корнем сворочу теперь.

Клавка подзадаривает:

Васька ерзал по загону

Вот и эдак, вот и так.

Не пей, паря, самогону—

Провожаем на рабфак.

— Эх, покажу я почем сотня гребешков. Один все снопы на ручной тачанке перевезу.

Язвит обиженный Кошкин.

— Прислонись к скирду, упадешь. Хвальбишка!

— Марья, из ребятишек твоих отряд пионеров сбояю!

— Ох, прыткий!

— Работать, так работать. Страда!

Клавка Кошкина поддразнивает:

Не страдай ты, мой миленок

Все равно внапраслину.

— Смотрите-ка, Клавка-то разливается.

— Ей бы надо, ребя, послать.

Васька/взволнованно:

— Клавка, вступаешь к нам? Рабфак уступаю. Пра. Хошь?

А Клавка, знай, хохочет:

— Падно, вступаю... Как только тебя вышибут.

Рада Марья, улыбается, смотря на Клавку.

И —

Глубоко, глубоко вздыхает.

А. ЯСНЫЙ

Песня.

Сберегла от недоброго глаза,
От тяжелой воды сберегла.
Злой чумой, желтокожей проказой
Незлюбивых людей нарекла.
Только где ж им слепым и упрямым
Разгадать широту наших плеч,
Не смогла моя старая мама
От товарищей злых уберечь.
Не смогла, только месяц да звезды,
Да седа разлучница ночь,
Услышали тревожную поступь
Под родным опустевшим окном.
Ног не чуя, из отчего дома
От себя же куда убежать?
Стал я другом тропе незнакомой
И отточенным, острым ножом,
В ночь лихую свенчался со сталью
Жизнь мою разбросал по мостам.
Стал я злым, как товарищи стали,
И как век мой, веселый я стал.
Что-ж! Веди, моя удаль слепая,
По земле моей милой веди,
Только брат мой загубленный знает
Что еще нам не время простить.
Только месяц, да буря лесная
Только туча, что небом бежит,
Знают час и минуту ту знают,
Что милее, чем песня иная,
Будут нам боевые ножи.

А. ЯСНЫЙ

Варшава.

Памяти Энгеля

Суровы дни,
Но веселей их
Нам не найти в потоке лет,
Как не найти нам на земле,
Страну страны моей милее.
И пусть,
Еще прямой и злей,
Еще угрюмой и железней,
С веселой и задорной песней
Стоим на вздрогнувшей земле.

Земля, земля, она в огне,
Земля моя пылает лавой,
В потоке неостывших дней.
Плывущих Вислой на Варшаву.
И вижу, чуя как во сне,
Я вижу этот город спящий,
Сгорающий на злом огне.
И чую радость этих дней—
Круговорот земли горящей.

И пусть горит он. Дымный след
Костей, размолотых под порох,
Расскажут вздрогнувшей земле,
Как жил проклятый город.
Где чванства—панствующий вздор,
Где жизнь в кандалы загнули,
Где в дырах от жестокой пули
Стоит расстрелянный забор.

Ах, Энгель, Энгель, по над Вислой,
На белом, на седом на льду,
Бессильно тело твое висло
Под дюжиной ружейных дул.
И стал вдруг мир так мал и узок,
Так стал вдруг тесен, что нельзя
Ни сердцу скрыться, ни глазам,
Что пули, целенные в блузу,
Попади по стальным глазам.

Пусть, так. Темноволосой ночью
 На берегу глухой реки
 Он спит расстрелянный на клочья,
 Не удержав своей тоски.
 Но я не сплю. Все горячей
 Горит сжигающее пламя,
 Все злей, упорнее и злей
 Колдует в тишине ночей
 Свирепая колдунья память.

И пусть еще суровой дни,
 Нам не найти их веселее,
 Как не найти нам на земле
 Страну страны моей милее.
 И пусть.
 Еще прямой и злей,
 Еще угрюмой и железней,
 С веселой и задорной песней
 Стоим на вздрогнувшей земле.

ЗИНОВЬЕВ.

С. МАЛАШКИН

Суровый Дант не презирал сонета...
 А. С. Пушкин.

Взошел, вошел пантерой на сцену
 (Пантерой взойдет на эшафот).
 — „Рабочие, вы видите измену!“
 Взмахнул рукой. — „Везде. И там. И вот...“

И вскрикнул Невский. — „За какую цену
 Вы продали тевтонам свой народ?“
 Но речь текла, смывала, словно пену,
 И Милюкова, и Чернова сброд...“

Смешались вечера и дни, и ночи.
 Хлестал жестоко тенора огонь.
 Да выбивал за шагом шаг рабочий...

От гула вздрогнул Петр, как от погонь,
 И, в бездну падая, не вскинул очи...
 И радостно заржал свободный конь.

ГОЛУБИ.

(Рассказ).

I.

Ванькина мать прачка.

Высокая неуклюжая—шест, голубиное пугало. Руки длинные, по локти красные. Глаза в голубиное яйцо. Голубые глаза, озабоченные.

Только всего и было хорошего в матери, что глаза.

Улица ее не любила за сварливый характер.

Всех не любила улица.

Слышал Ванька не раз, как соседки выкрикивали матери вслед:

— Пошла глιστα длинноногая, смотри, крыши не зацепи.

И ребята, как будто не нарочно, просили:

— Тетенька Пелагея, достань воробейчика.

Мать ядовито огрызалась. Выкрикивала визгливо нехорошие слова.

Ванька помнил мать всегда недовольной и всегда за работой.

Знал, что она в лазарете служит.

Знал, что:

— Ироды задерживают полчку—

что:

— Пошли, господи, хоть бы Анафемам скорей конец пришел.

Знал Ванька и кто Ироды с Анафемами. К правде сказать, Ваньке тоже плоховато стало жить.

— Года два тому назад и впрямь лучше было. Заглянешь к ссыпкам Передрягинским, хоть лопатой зерно гребь. Вволю. Девятнадцать пар голубей было. А теперь? Теперь от девятнадцати пар—шесть осталось. Раньше, бывало, чужак залетит, чвак его голубчика:

— Пожалуйте выкуп,—а то на базар. Закон у голубятников такой. Две, три копейки, а то гривенник в кармане дыру вертит. Неделию не думай ни о чем. А теперь? И чужаков словно меньше стало. Да и цена им грош. И не в чужаках дело. Не до них. Своих бы уберечь. Того гляди, от голоду разлетятся, а то подохнут. Что хочешь, выбирай.

Много забот Ваньке. В 8 лет от забот седой станешь.

Первая забота—полковничий двор рядом. Забор общий. За забором только глаза Ванькины шарил. Серьезный полковник. Раз Ваньке сказал:

— Смотри, чертенюк. Я тебе ноги повыдергаю, если что.

— Слышишь, другой раз не повторю.

Знал Ванька за что.

Хороши голуби у полковника. Всех их Ванька пересчитывал не раз.

Д. КРУТИКОВ

№ 9

ГОЛУБИ

23

Десять пар было и каждую пару Ванька, как свою знал—до пера.

— Таких бы завести.—Дело коневое.

Ванькины космачи сизаки. Цена пятачек в базарный день. Полковничьи—турмана, гордые, павлины, да и только. Черные, как смоль. И лет не тот, что у Ванькиных сизаков.—Где там.

А голубятня? Ванькина из ящиков чайных сколочена. Косяк простой из дранок и закрывается просто веревкой.

У полковника голубятня—дворец голубиный.

Все столярное, резное. Крашено в голубую краску. Крыша расписная. Косяк сам закрывается.

— Механический.

Чуть чужак за косяк, косяк—чвак—и готово.

А как—чвак? Пружины что-ли?

Ванькина мечта такую голубятню завести.

Раз соблазнился Ванька. Перелез через забор косяк осмотреть. Насилу ноги унес. После этого и предупреждение вышло. Только в щель заборную любовался Ванька на голубиный дворец. Нарочно и щель расширил.

— Чтобы виднее было.

По вечерам выходит полковник на двор. Грузный полковник. От больных ног или от жиру ходить долго не может. Корней Давыдыч ему стул складной вынесет. Сядет полковник, закурит, а Корней Давыдыч шест возьмет—голубей пугает.

Улица—чины старые—не меняет и прозвища назад не берет.

За кем есть какой чин, так его и величают. Кому прозвище улица дала, ничем не отмоешь, так с этим прозвищем и умрешь. А улица его и детям передает. На век. Уж и революция в третий год вошла, и давно нет ни полковников, ни „Ваших благородий“, а все полковник для улицы—полковник.

На парадных дверях карточка:

Военрук
Леонид Сергеевич
Кураев.

Просто написано, от руки, карандашом чернильным.

Если снять верхнюю карточку, под ней вторая, пожелтевшая от времени и ветра:

Полковник
Леонид Сергеевич
Кураев.

А внизу карточки:

Командир сибирского стрелкового полка.

Хорошая карточка, напечатанная.

Одна карточка другой не мешает. А при случае верхнюю снять легко. Только кнопки вынуть и снова:

Полковник.

Пугает Корней Давыдыч голубей. На шесте тряпка красная. Этот шест по праздникам по теперешним и на ворота вывешивают.

Сидит полковник, в небо смотрит. Губами чмокает. Дым пускает. Корней Давыдыч—Ванькин праг, после полковника первый.

Мать ему кличку дала.

— Кобель полковничий.

Ведь, поди ж ты. И времена свободные. Не полагается ихнему брату денщиков держать, а этот живет, как раньше.

— Ничего, видно, не поделаешь.

Полковник до обеда дома не бывает. За него во дворе хозяйничает Корней Давыдыч.

А в доме полковника.

Но о доме Ванька знает мало. И мать мало, и улица.

— Замкнуто живут. Слово в тюрьме или крепости.

2.

Мать с утра до обеда в лазарете. Ванька на двор за свои дела. Двери на ключ и ключ под порог. Не потерять чтобы.

Дела у Ваньки хватает.

Прежде всего голубей накормить, кормушки почистить, воды налить. Потом,

Корму достать на завтра.

На дворе, где продкомская ссыпка, а раньше Передрягинская.

— Гляди в оба!

Было дело. Шнырял Ванька между возами. Мешки-то не все крепкие. Иной, смотришь, с дырой, и дыра соломой заткнута. Выдернешь солому, золотого зерна горсть, другую в карман спустишь.

— Да гляди в оба.

Кнуты у мужиков ременные. Так опояшет—рубец в палец вскочит.

— Опасно.

Только Ванька такой промысел оставил. Не понутру воровство, и боязно. Другое придумал. Наберет в ведро воды ключевой из своего колодца, кружку жестяную прихватит.

Жара. Мужики взопреют в очереди. Отойти от возов нельзя. Воровство, а пить охота.

Ванька тут как тут.

— Водички холодной! Водички холодной!

Берут, пьют воду. А Ваньке за услугу горсть проса, а то хлеба или пышки кусок. И в хлебе теперь нужда. И Митька Квач, и Сенька Косой и Стешка за Ванькой потянулись. Тоже с ведрами.

— Пускай их! Всем заработка хватит!

К обеду домой принесет мать паек лазаретский. В горшке щей или супу, да хлеба фунт. И Ванька свои куски на стол вывернет.

За обедом мать редко молчит. Как в хату вошла, завела волюнку.

Всем бока перемоем. А после Ваньке:

— Лодырь ты. Оголтелый. Навязался на мою вдовью шею. Мученица я из-за тебя.

Молчит Ванька. Знает, что солоно матери. Да, ведь, и Ванька не виноват. Был бы отец—иное дело.

— Бывало —

не помнит этого Ванька, мать говорит:

— Жили себе, слава богу, в люди не ходили, не кланялись.

— А теперь портки гажные перемывай. А что делать?

— Нет отца! Убит отец! На войне.

После обеда уходила мать в город. Кое-кому кто побогаче, в стирке помогать. Ванька вымывал горшок, миску, ложки. Матери некогда.

Перемыв посуду, запирает дом, и опять принимался за свои дела. Бегал на пустошь к ребятам.

Игры были расчетливые. В пристенок на пуговицы.

В бабки.

Цена пуговицам на деньги—пятачек простая, гривенник—с накладными орлами.

Бабки—пятак гнездо. Все вздорожало, раньше пуговицы ни по чем были. А бабки на копейку два гнезда. А теперь. Холодцу не едят что ли? Вздорожали бабки. И свинчатки вздорожали. Четвертак, не меньше. Хошь бери, хошь нет.

У Ваньки пуговиц штук тридцать. Бабок—гнезд с полсотни. Иной день выигрывает Ванька, иной свои оставляет.

— Дело такое—не жалел.

Когда фартило, приносил домой деньги. Матери отдавал. На то, на се, на чай, на сахар.

— Мать порядок в деньгах лучше знает.

Иногда заперев голубятню на самодельный, хитро придуманный крючок, чтобы

Ни кот, ни кошка—

шел Ванька на реку.

Купался до гусяного пота. Замерзший зарывался по шее в горячий песок. Часами лежал, глядя на небо в медленно плывущие, сероватые, сверкающие краями облака, и думал.

Всякие думы были.

О матери. Почему сварливая. Добрая она и его, Ваньку, жалеет. Сама не дост, а ему и рубашку новую и штаны все во время купит, сошьет. А начнет пилить, хоть из дому беги. Об отце вспоминалось.

Отца Ванька плохо помнит. Больше по карточке, той, что у матери над койкой висит.

Рослый отец, усатый. На погонах по две ленточки. На груди крест и медали.

— Егорьевские.

— Выросту, пойду на войну—решает Ванька.

Вспоминает мать, как она выла, когда узнала, что убили отца.

Передумывает.

— Нет, не пойду. Убьют—мать выть будет. Да и крестов теперь не дают.

Хочется Ваньке сделать такое, от чего бы вся улица ему завидовала.

— Богатым стать. Найти где-нибудь денег—рублей тысячу. Много денег не надо. Буржуем-то плохо быть теперь. А тысячу рублей в самый раз.

Сейчас бы голубей завел, да таких, чтобы лучше полковничьих были. Египетских. Больно воркуют хорошо. Супруг! Супруг!

Матери платок, полсапожки. И из лазарета чтобы ушла. Ему, Ваньке, сапоги. Полсапожки и сапоги заказать у Савелича. Покупные—то дрянь. Гниль.

Или вот еще дума какая.

— Взять да уехать куда-нибудь. На море. На остров необитаемый. Без людей который, одни звери, да птицы заморские.

Зимой, когда бегал Ванька в школу, учительница Наталья Васильевна рассказ читала. Про Робинзона. Хорошая книжка была. Вот бы на такой остров уехать. И мать с собою взять. Нет, мать не годится. Туда Пятницу надо. А, впрочем, и мать за Пятницу сойдет. На улице не будут ее дразнить, да и сама, может, тише станет.—Разные думы у Ваньки.

3.

Есть у Ваньки и друзья.

Первый друг и приятель Савелич.

Семьдесят первый год Савеличу. Седой, белобородый, приземистый. Слово, голубь сизый. Сидит, ковыряет шилом, вполголоса напевает песни старинные, грустные.

Придет Ванька, Савелич шило в колодку, очки стальные на лоб сдвинет.

— Пришел, оголец, садись, садись.

По случаю Ванькиного прихода цыгарку свернет, закурит.

У Савелича интересно.

Поговорив о том, о сем, сбивается старик на старинку. Есть, что послушать.

— Меня, брат, ноги всюду носили. На Балканах был. И за турком бегал и от турка.

Разное вспоминает Савелич, а сам или дратву сучит, или шилом в изодранном сапоге ковыряет.

— Горы Балканы высокие. Ты на них лезешь, а у тебя, глаза на лоб лезут.

Когда добирался до революции, говорил о ней с любовью.

— Революцию я поддерживаю. — А плохо живется, так, ведь, всем плохо. И понимать надо, отчего и кто виноват. — Все от ихнего брата, буржуя. Как и Ванька, не любил Савелич полковников.

(Ну, да Ванька что? У Савелича причины покрепче).

— Сам я служил им много. Горбат не от времени, а от поклонов. И сына им отдал. Под Мукденю погиб Мишка. Да што Мишка. Мишка так-сяк, а вот Сашуху я им не прошу. Сашуху зря убили. Тебя еще, огольца, и на свете не было. Революция тоже была. В прошлом году.

Революцию старик произносит со смахом — через два р и два и.

— Ну, и революция, скажу тебе. Я тогда в Сормове на заводе служил. А Сашуха в Москве у Липгарта. Парень был умица. Он меня на правильные мысли навел, на все эти дела глаза открыл. Книжки читал. Как и что, все это я понял.

Убили Сашуху. А меня с завода. За слова за разные. Больно я озлился тогда. В тюрьму хотели, ну от тюрьмы отвертелся. Только с завода махнули и без права приема.

— Вот я какой, нелегальный, значит.

В белых старик не верил.

— Слаба их гайка. Идут, пускай идут. И придут, ладно. Француз в Москве был, да толку не вышло. Теперь народ не обманешь. Савелич признавал народ только фабричный.

— Наши-то, медвединские, конешно, рады, шантропа потому.

А вот настоящий-то народ не потерпит, недели не потерпит.

Ванька Савеличу верил.

— Если белые придут, хуже будет, — решал он.

Тогда от полковника и вовсе житья не будет.

4.

Любил Ванька Савелича. Но больше всего любил свою голубятню. Плохая голубятня. И голуби неуклюжие, космогоние, и лет у них плохой. Однако, каждого из них Ванька любил и каждого крепко. Имена давал, ласковые.

Любимчик, Касатка, Драчун, Воркун, всем имена были. Часто по вечерам или рано утром, когда закрыта еще, или закрывалась на ночь полковничья голубятня, и уходил со двора Корней Давыдыч, Ванька выпускал своих космачей и гонял с присвистом и гиком, так безопасней было, к полковничьим не пристанут. А то...

Помнит Ванька один случай.

Не парный космач залетел к полковнику. И космач годовалый был, прирученный. А поди ж ты! Ванька шикал, свистел, кидал камешки, да где там, не спугнул. Космач походил по расписной крыше, на косяке с полчаса посидел, а потом чвакнула западня и остался космач в полковничьей голубятне. Корней Давыдыч на двор вышел кур сажать. Птицы разной у полковника много было. Ванька робко просил:

— Дяденька, Корней Давыдыч, космач мой у вас. Отдай.

Корней Давыдыч шеельнул в Ванькину сторону усами. Ухмыльнулся.

— У нас, так у нас. Стереги лучше. Наши, гляди, к тебе не летают.

— Отдай, — просил Ванька.

Ни к чему просьбы. К слезам разве.

До вечера у забора простоял.

Вечером матери жаловался.

— Иди ты от меня к лешему. До голубей тут. Хоть бы и ты-то с ними пропал.

Утром, чуть свет, на двор.

А возле голубятни лежит космач Воркун, без головы. Так и ахнул Ванька.

Закопал космача в углу двора, поплакал.

Целый день ходил, грустил. Даже на пустошь не пошел. Все думал, как бы полковнику за космача досадить. Ничего не придумал.

Жаловался ребятам. Те за полковника.

У ребят закон свой. Он и Ванькин закон, и полковничий.

— Поймал, что хочу, сделаю.

Только Савелич посочувствовал.

— Дьяволы, не люди. Нет на них беды. Голубя и то не жалеют.

— Самим бы азиатам головы скрутить, — рассердился старик.

Была у него в тот день от полковника починка. Бросил, чинить не стал. А когда пришел вечером Корней Давыдыч, Савелич шваркнул ему к двери дырявые ботинки полковничьи.

Разругался Корней Давыдыч.

А Савелич и ругаться не стал. Сказал просто.

— Иди, иди. Я на вас теперь не работник. Больно сердца в вас нет. А за что и как — понимайте. — Так и не стал чинить.

5.

Загудел, зашумел город. Словно буран налетел. Все исподволь, потихоньку, а потом сразу. По улицам стук, гром. Двуколки, обозы, конница, пехота.

По всем дворам солдат разместили. Только в Ванькиной хатке никого, да у Савелича — потому бобыли.

Только в полковничьем доме никого.

Военрук — полковник.

По городу шушуканье, по улице сплетки.

Мать ругается на иродов.

— Скоро вам, голубчики, конец.

От ребят узнал Ванька:

— Конец красным. Белые идут. Сам царь ведет. Отжила коммуния.

Теперь—лобце.

Савелич суровее стал. Вколачивает гвозди в подметку, а сам головой неуверенно качает.

— Брежуг, поди, все.

На площади обучали солдат. И на Трифоновской и на Зеленой.

Ванька на площадь.—Интересно.

Ходят роги. Рассыпаются в гибкую линию, ложатся. Затворами щелкают. В невидимого врага стреляют.

А праг приближался. Город настораживался больше и больше. По почам запирались на засов ворота. Глухо-наглухо замыкались ставни. По почам, просыпаясь от духоты в маленькой комнатке, Ванька лежал, прислушивался. Шум не прекращался и ночью. То двуколка прогремит, то копыта проскачат, то одиночный выстрел избудоражит собак, и лают они потом долго с подвывом. Жутко Ваньке. Часто не выдерживая жуты, перебирался Ванька с своей койки к матери. Стараюсь не разбудить, примащивался рядом.

— Все покойнее.

Мать перестала к обеду приходить.

— Некогда, раненых страсть. Бельница куча. Кровавое все. Стираешь, стираешь, моченьки нет. До костей мясо протерла.

Ванька обедать в прачешную бегал.

Среди вороха окровавленного белья наскоро хлебал жидкие щи и быстро выкатывался на двор.

— Чтобы матери не огсечивать.

Вместе с ребятами бегал на вокзал смотреть раненых. Смотрел, как разгружали санитарные вагоны.

Вглядывался в серые, загорелые, измученные лица раненых. Слушал.

— Сила их, братцы, небольшая. Обрати офицеры одно. Пулеметов тьма. Как жарит, ну и откатывайся пехота.

Шушукала толпа. Шипели соседи.

— Слава те, осподи—конец скоро.

Потом надоело Ваньке все. И солдаты, и разговоры, и сплетки разные. Большие сидел на дворе у своей голубятни.

Город тоже привык, втянулся в военную жизнь. Словно, так и надо.

Мимоходом из города заглядывал Савелич.

— Здесь ты, оголец. Ну-ка, покажь своих воркунов. И пока Ванька отвык от коски и отпирал хитропридуманный запор, Савелич выкладывал городские и военные новости.

— Отбили, брат, их. На пятьдесят верст отдели.

— Теперь наши вперед пойдут. Пятьсот офицеров в плен взяли. Тридцать орудий. Танку живьем захватили.—А вчера вечером Клима Матвеев и милицию забрала. Напились и давай комиссаров ругать. Говорят, судить будут. И по делу! За што, за такое ругать? Их ругать, а хвалить кого?

Голуби высыпали на косяк, взлетали на крышу.

— Хороши голубки. Космы то, космы, ну и космы.—Савелич и сам до войны, до Германской, водил голубей. А как война началась, да бабка Миная померла, бросил. Трудно стало. Однако, толк в голубях старик знал.

— Ну-ка, поглядим полковничьих—

Предлагал Савелич.

Шли к забору и оба, и Ванька и он, припадали поочередно к щели и глядели на заповедный двор.

— Хороши—шептал Савелич.—Да это, я скажу, голуби. Пятерку за пару, не глядя, дашь.

Налюбовавшись на полковничьих турманов, Ванька, по просьбе Савелича, пугал своих. Голуби взвивались вверх, таяли в небе, давали круги, кубырялись, сверкая на солнце белой подкладкой крыльев.

Савелич хлопал в ладоши, по мальчишески подпрыгивал и свистал в два пальца.

— Хорошо! Голуби—занятие хорошее. Потому дух человека радуют.

6

Полковник больше недели во двор не выходил. Видно некогда. Как-то утром заглянул Ванька в щель. Заглянул и рот раскрыл. Глядит, не перит глазами.

— Ведь вчера турмана дома были. Вечером Корней Давыдыч загонял их. А сегодня. Ну дела. Вот так дела!

В полковничьей голубятне ни одного голубя. Косяк открыт настееж, и ни пера.

Ванька оглядел небо—не летают ли?—Нет.

Хорь что-ли поел? Нет, и не хорь. Корней Давыдыч спокойно ходит. Кабы хорь, шумел бы, ругался.—А на другое утро еще хуже. Заглянул Ванька в щель, глаза не оторвет. Голубятня закрыта. а за косяком белые, как снег, как кипень, трубахи. Бьются, вылететь хотят.

— Променил, не иначе—решил Ванька.

Побежал к Савеличу, рассказал.

Савелич не удивился.

— Пусть меняют. Их дело такое, меняй да меняй.

Не в духе был старик. Однако, на голубей пошел заглянуть. Посмотрел, похвалил. Поакковника все-же выругал:

— Буржуй чортов!

С утра началась тревога. С утра зашумел, забегал город.

Ванька на улицу. Ванька на площадь.

— Эвакуация.—

Спросил одного, другого, что за слово, что за шум.

Объяснили.

— Спасайся, кто может. Белые в двадцати верстах.

Слава те, осподи!

До обеда Ванька бегал то туда, то сюда. Смотрел. Из комиссарят выгружали ящики. В толпе сплетки.

— Золото вывозят. Нагребли и вывозят.

Ванька к Савеличу.

— Золото вывозят.

Старик рассердился, молоток в угол швырнул.

— Врут черти. Какое там золото. Бумаги разные вывозят. Не верь никому. Зря боатают.

В обед мать пришла.

— Уходит лазарет-то. Говорят, жалование только тем будут платить, кто с лазаретом поедет. А куда я от ребенка. Это они понимают? Со злости миску разбила. Уходи, приказала!

— Со двора ни шагу. Неровен час, уходить начнут, последнее барахлишко из дома стянут. Ищи, поди.

Ванька сидел на дворе. От скуки мастерил новую кормушку из погнутой консервной банки. Думал:

— Придут белые, плохо Савеличу будет. Полковник на него за сапоги сильно сердит.

Снежный комок метнулся над крышами.

Через секунду Ванька оглядывал полковничий двор. На дворе — ни души. Одни куры возились в навозе, да петух дрался с надутым индюком. В другое время Ванька досмотрел бы драку до конца. Но не теперь.

Оглянулся на голубятню. Сидит турман. Полковничий турман.

Быстро по-кошачьи пробрался Ванька к веревке, размотал ее и отпустил косяк. Высыпали сизаки, забегали, заворковали. Турман перекосил на них голову, поглядел, словно подумал и, перегнувшись через крышу, плавно скользнул в голубятню.

— Чвак! — хлопнула западня.

Ванька заматал веревку на гвоздь, попробовал, крепко-ли. Потом, не спеша, заложив руки в карманы, подошел к забору.

На дворе ни души. Только петух, одержав победу, таскал за красную соплю взъерошенного индюка.

— Не видели. — Ванька подбежал к голубятне. Спешно открыл заднюю дверцу и нырнул в пропавший голубиный пометом ящик.

Поймал турмана и сунул его за пазуху.

Через минуту шарил под крыльцом ключ от хаты. Ключа не было.

— Мать с собою взяла. Видно, сегодня оставить побоялась. Как же быть? — Решил:

— Пойду к Савеличу.

Савелич собирался в город за стельками, когда вбежал Ванька.

— Ты што, оголец?

Ванька вынул турмана.

— Вот он. Попался. Полковничий.

Захлебываясь, рассказывал.

— Я сию, глядь, а он на голубятне, ну, я его, голубчика. Живо.

— Пофартило, значит. Дайко-сь, гляну.

— Хорош, голубок. Это тебе за сизака.

— Приручены крепко были, а вот ошибся. И сизак мой тогда ошибся.

Савелич рассматривал турмана, любовался.

— Я теперь — Петр Савелич, его не отдам.

— Кому отдавать? Твое право полное.

— Только чтой-то турма-то, спутан что-ли?

— А! Какое дело...

Савелич поднял голубю крыло.

— Смотри-ка.

Тонкий шелковый шнурок проходил под перьями, хомутом через шею и обхватывал тельце крест-на-крест. Под правым крылом висел мешочек в две копейки величиной.

— Вот так чудо! Голубю ладонку повесили. Дай-ка, посмотрим. Савелич сапожным ножом перерезал шнурок и снял мешочек. Передал Ваньке турмана. — Держи.

— Ладонка и есть. Скажи, хитрость какая. — Осторожно подпорол Савелич края мешочка и вынул в несколько раз свернутую бумажку. Развернул.

— Мать честная. Вот загвоздка-то!

Савелич подошел к окну и завертел бумажку в руках. Ванька любопытно следил.

— Что написано-то!

Старик посмотрел поверх очков —

— Полковничий, говоришь?

— Турман-то? Полковничий.

— Та-та-та — Савелич щелкнул пальцами.

— Теперь понимаешь —

Быстро сдернул фуражку с гвоздя, нахлобучил на голову.

Ваньку за руку. — Пойдем.

— Куда? — испугался Ванька.

— Пойдем, говорю. Не бойся. Ничего, не бойся!

— А как же турмана?

— Турмана? Бросай его под кровать. Не уйдет.

По улице Ванька едва поспевал за стариком.

Па площади Савелич остановился. Рукавом обтирал с лица пот. Ванька подумал.

— Не удрать-ли?

Но взглянул на Савелича и успокоился.

Тот, улыбаясь, смотрел на Ваньку и качал головой.

— Ну, оголец! Ну и оголец! А? Да ты понимать можешь. Ты теперь, может, революцию спасаешь. Судьбу, может, всей России в руках держишь. Вот что! — и тут не пошел, а уже побежал Савелич к желтому, прежде купеческому, дому с красной вывеской

Военный Комиссариат.

В комиссариате Савелич торопил дежурного.

— Да ты звони, звони скорее. Разговариваешь. —

— Но, однако, вы не очень — оскорблялся дежурный.

— Чего не очень? А это видишь? — совал ему в нос бумажку Савелич — тут, брат, всей революции судьба. Можешь понимать.

Военкома ждали недолго. Вошел он быстро, словно влетел по лестнице.

— В чем дело?

Савелич к нему: Дело секретное, на людях нельзя.

— Пожалуйста в кабинет.

Военком дверь на ключ.

— Ну?

Рассказал Савелич. Передал бумажку. Военком прочитал, перечитал, и быстро подошел к телефону, завертел ручку.

— Присядьте — предложил Савеличу и указал на широкий кожаный диван.

— Срочно. Секретно. Немедленно ко мне начальника штаба. Говорит военком. И командира. Да! Да! Немедленно. Не могу. Говорю секретно. Жду!

Потом запер записку в стол. Ключ в кулак зажал и выбежал за дверь.

Савелич присел на диван.

— Ну, брат, концы. Подвели мы полковнику итоги.

— А записка-то от кого?

— От кого? Ах, ты птенец! Записка от белых, это, как пить дать от них.

— И на турмане?

— То-то што на турмане. — Старик поднял вверх указательный палец и покрутил в воздухе.

— Турмана-то почтовые. Понимаешь? Черных туда, белых сюда. Вот тебе и почта. Очень просто. Это мы, еще как с турком дрались, знали.

Скрипнула дверь. За военкомом вошли двое. Один низкий, широкоплечий, в кожаной куртке с наганом у пояса. Другой высокий белобрый, в шинели с красным значком на груди.

Савелич встал.

Военком вынул из стола бумажку. Прочитали, молча переглянулись. Белобрый расспросил Ваньку и Савелича еще раз, как было дело. Савелич отвечал бойко, словно Корней Давыдыч полковнику.

— Так и так. Так и так.

Белобрый внимательно выслушал. Отошел к стене, где висела карта с наколотым по ней красным извилистым шнурком. Кивком головы позвал товарищей. Втроем рассматривали карту, водили пальцами, тихо переговаривались.

Савелич подмигивал Ваньке.

— Понимай—какое дело.

Выходили из комиссариата сквозь строй любопытных лиц. В коридоре навстречу толпа. Ванька взглянул и уцепился за Савелича.

— Гляди-ка.

Впереди шагал полковник с Корней Давыдычем, а сзади красноармейцы—человек пять с винтовками в руках.

Ванька и Савелич посторонились.

И у полковника, и у Корней Давыдыча руки были связаны за спиной.

ВЛАДИМИР ЗАВОДЧИКОВ

Стихи о себе.

I.

Сам был прост. И это было просто,—
Сироте, зная, нечего жалеть,
Раз без боли маленьким подростком
Смог покинуть золото полей.
Уползла змея в даль дорога,
Поисцезли избы деревень...
Я тогда уже не верил в бога,
Но святым был назван этот день!
Потому, что горше злой полыни
Горечь тусклой жизни батрака.
В день лазурный, васильково-синий,
Шел я счастье в городе искать.
Я поверил в правду чудных сказок,
В чудный замок верить я хотел...
Золотым сказало солнце глазом:
— Не ищи сияний в темноте!..
Полевому солнцу не поверил,—
Я узнать в нем друга не хотел.
И вошел в сияющие двери,
А попал в удушливый вертеп.
Закружился и погроз в вертепе,—
Как пылинку сцапал он меня.
Видел я истлевших жизней пепел,
Но не видел звонкого огня.
Не вспорхнет синицею улыбка..
Знаю: „Я“, теперь уже „не я“!..
Как в болоте тинистом и зыбком
— пустоте забвения стоял.
И когда уйти хотел безродный,
Понял я: мне некуда уйти..
Ночевал на улицах... голодный..
За ночлежку нечем заплатить.
Плыли волны дней и уплывали,
И сменялась гладью зыбь реки,—
Стал другим. Уже не узнавали
Простака Володьку босаки!

II.

Заманила хитрая машина,—
 Страшный хрип гудка не испугал...
 Эх, завод! Завод—седой страшила!
 Я тебе покорнейший слуга!..
 Хоть и смотришь,—воешь диким зверем,—
 Любишь мне из горла кровь пускать,—
 Одному тебе я свято верю,—
 В дни невзгод сумеешь приласкать!
 Жить не мог под избяною кровлей,
 Да, изба—могила сироте...
 Город мой!
 Мучительной любовью
 Полюбить тебя я захотел!
 Родилась любовь в тяжелых муках,
 Как дитя рождает в муках мать.
 Горловая кровь тому порукой,
 Ты ее умешь понимать!

III.

Не сгорая я хотел гореть
 И пылал в горниле не сгорая!
 Я смотрел на смерть, не умирая,
 Умирая, сумел не умереть!

ШИЛОВ

Паника.

(Рассказ).

Спустилась ночь. На темном небе загорелись звезды. На горизонте показалась красная морда луны. Широкая, широкая и, как будто, улыбаясь, заглядывает на землю: „все ли на месте, в порядке?“

Поднялась выше—стала бледнее. Скрылась улыбка: „Все на месте, да люди в беспорядке“.

Глядит.

На площади с. Серогозы (в Таврии) вокруг церкви стоят повозки, кухни; под заборами, под возами и на них лежат скорчась красноармейцы. Ежась от ночного холода, стараясь уснуть.

В степи над балкой лежат цепи стрелков. Блестят штыки; в тылу цепи темнеют орудия.

Тихо.

Иногда такает пулемет.

— В чем дело? Что им надо? Зачем они здесь?—казалось, говорила луна, глядя на землю.

Посмотрела—побелела, поплыла дальше.

— Ну, и холодюка! Ты, Смуть, где ляжешь?—раздался голос откуда-то из тачанки.

— Под забором. Там затишье.

Ушел.

На тачанке ворочался, приспособливаясь уснуть, секретарь военкома. Ругал луну, так нахально глядевшую на землю и своим ярким светом мешавшую ему спать, ругал ветер и холод. Словом, ругался и с руганью уснул.

— Эй, товарищ!.. товарищ!.. проснись!..—говорил разведчик, тормоша секретаря.

— Мм...

— Товарищ секретарь!.. Проснитесь!..

— Мм...

— Приказание от...

— Приказание?! А? от кого? Да что тебе нужно?!—сердито буркал секретарь, вылезая из под нагретой шинели.

— Вы секретарь?

— Ну?—я.

— Вот вам приказание устно: с обозом выехать по рубановской дороге в с. В. Торгаевку, где ждать распоряжения. Смутью передайте приказание готовить обед—тихо передавал разведчик.

— Разве неустойчиво?

— Ну ужно. Прет. Кажется, придется смазать пятки. Прощайте. Еду в полк.

— Прощай.
Рывсчек ускакал.
Зашевелился обоз. Слышна крепкая ругань, поканье, тпруканье, глухие удары по животам лошадей. Гам, шум.

Скоро.
Выстроившись в длинную змейку, обоз рысью тронулся по дороге к В.Торговке. Толог ног лошадиных, дребезжанье разбитых брочек, уланье и зово кухонь, да крепкое словцо нарушали гулкую тишину лунной ночи.

Красноармейцы клюют носами мешки с оасом—так хочется спать! Трусятся, подпрыгивают тела. Заснет—проснется. Всю ночь так! Гремлет обоз, пыль поднимает.

Утром, когда рассеялся туман над балкой, где мирно спало с. Торговка; когда солнце облило своими лучами хаты и играло в клубах дыма печного; когда галки кружились над деревьями, купаясь в солнечных лучах—обоз въехал в село.

Из улицы в улицу—на площадь.

Битком. Негде встать.

Расположились на северной улице.

— Фуражники влево; кухни вправо. и заваривай обед!—командовал Смуть.

Расположились. Братва приспосабливается досыпать недоспанное; кони—доесть недоеденное—вновь данное, а кашевары—варить обед.

Задумали кухни. Дым тянется столбиками к небу. Кухонь пять. Коптят небо, бросаясь искрами. Кашевары гремят ведрами, перемывая мясо, ругаются чистя картофель. Они, да кони, хрустя сеном, нарушают тревожный сон обозников.

Ж...ж...жуууу—жужжит вверх.

— Вот дьявол... пристала!—ругается конюх. Лежит на мешках овса вверх лицом, машет руками и ругается.

— Вань... брось дрыхать!.. вставай!

— Шш...чертова кукла!—продолжал конюх, размахивая рукой над лицом.

— Встань чорт!.. Чего ты машешь!..

— Шмель. Укусит.—резонно сказал конюх, приподымаясь и протирая глаза.

— Какой шмель?

— А жужжит...

— Да это ероплан, дурень!

— Где?!

Сна как не бывало. Быстро спрыгнув с повозки, он стал всматриваться в небо.

— Где? Не вижу.

— Воо...ни... там... над деревьями—говорил разбудивший его, тыча вверх пальцами.

— Да где?

— Эк ты, фефела! да воон там... Дурень, смотри по руке!..

— Ввижу. Ии... какой! Злааровый!

Раскрыл рот, приставил руку навесом над глазами и смотрит. Другие так же, как он.

Глядят.

Аэроплан описывает круги. Что круг—то ниже.

— Врангелевский—решили все.

Базнул выстрел.

Словно то был условный выстрел. Все, как по команде, бросились за винтовками. Поднялась беспорядочная, торопливо-нервная стрельба. Стреляли кто, куда и как попало. Над головами свистали, чуть не задевая, пули, посылаемые аэроплану. Стреляли во всю и так, как могут стрелять только одни обозники в преддверии страха.

Обозники стреляют—аэроплан снижается, как будто и не в него стреляют. Снизился, чуть деревья не цепляет. Описал круг. Подымаясь вверх, хвост его, такая, пустил свинцовую струю. Застукали пули по улице, подымая пыль.

Смокла стрельба. Скрылись обозники, распластавшись в пыли. Льется свинцовая струя—обозники не поворачиваются. Лица не повернут к небу, а уперлись носами в пыль.

— Бомбу бросил!!!—гаркнул кто-то.

Плотнее прилегли тела к земле, глубже ушли головы в пыль. „Сравняйся с землей, быть незаметным“ говорили движения обозников.

— Отодвинись, чорт!

— Тоби шкודה?

— Шкודה, не шкודה, а всё-таки... Ежели лежать поотдельности, то он и не бросит бомбы, а в кучу—скорее.

— А, ма-буть, промажет?—слышался разговор двух приятелей, забравшихся под повозку.

Что-то с грохотом упало на повозку.

— Ох!..—крикнул один из лежащих под повозкой. Прилип к земле, закрывая полую шинели голову.

— Гы, гы, гы! Го, го, го! Ха, ха, ха!—ржали кругом.

— Ловко!

— Ая да герой!

— Тебе под материной юбкой сидеть, а не воевать!

— Эх ты, тюря, камня испугался!

— А я думал бомба!—говорил кацап, вылезая из под повозки, с бледным, глуповато выглядевшим лицом.

— Боонба! Что ж ты думаешь, она стала бы ждать, пока ты закрывай полую голову и этим спасешься? Дудки, брат!..

— А, может—быть...

— Моожет—быть!—перекинул его товарищ.

Умолкли. Глаза в небо. Аэроплан улетел.

Тишина. В воздухе пахнет тревогой. Братва ложится на повозки, слезает и растягивается на земле. Полежит, полежит—встанет, закурит. Беспокойно на душе! Кони, и те что то чувствуют: настораживают уши, перестают жевать, тревожно топчутся на месте, бьют землю копытом, фыркают. Куры с криком, растопыря крылья, перебегают улицу. Дым кухонь стелется по земле. Не шелестят листья на деревьях. Люди слова не проронят, боясь нарушить тишину.

Все молчит.

Воздух тяжел, как свинец. Трудно дышать. Тревогой пахнет, как это бывает перед грозой, когда по небу ползет страшная черно-зеленая туча, перед которой смолкает природа.

Тревожно. Нудно. Жутко.

— Быть грозе, а нам жару—изрек Смуть.

Загудело. Загреломело. Затарахтело. Заухало.

Пыль столбом.

Не гром загремел, не ветер пыль повздымал, а обозники летят на рысях из-за церкви.

Летят, пылят, гремят. Заячий страх засветился в глазах обозников нашей части. Рты раскрыты. Поза к полету.

— Запрягай!!! — орал во всю мощь легких Смуть.
К коням, и повозкам. Торопливое пристегивание постромок. Крик, ругань.

Лава повозок, гудя и бушуя, рвала улицу. Запрудина — стала. Тревожные гудки автомобилей.

Раздалась лава с трудом.
С руганью проскочили два автомобиля.

За ними тронулась лава. Обгоняя друг друга, повозки сцеплялись, кувывкались. „Изысканная“ ругань, свист кнутов.

— Брошевики!!! Кавалерия!!! — раздалось среди шума.
Напряженный слух наших обозников уловил.

Страх перед Смутьем затухал. Вырос страх перед кавалерией. Нерешительность прошла. Постромки отцеплены — конюха верхом.

Ругается Смуть. Машет ногой. Снова к повозкам, долой с коней. Трясущимися руками пристегиваются постромки. Злобное битье и дерганье лошадей...

— Пашка! Пашка! вставай! — толкал секретарь ездового.
— А? — вскрикнул. Услышал грохот, бежать.

— Куда? Завоживай!..
Готово. Свистнул кнут и полетела тачанка. Рванулся и наш обоз.

Гремит, грохочет, клубится пыль. Скачут повозки, гремят кухни, поливая водой пыльную дорогу из открытых кранов. Постромка соскочила с крюка кухни. Заболталась. Лошади в сторону, боком. Конюх и кашевар не растерялись. Вскочили на коней, ловко и быстро перерубили подшейники у конца дышла и поскакали, оставив кухню на произвол судьбы. Покатилась, покатилась кухня, остановилась, уткнувшись дышлом в землю. Сзади налетела мчащаяся подвода. Стукнулась дышлом.

Застонала, охнула кухня. Кони на дыбы, вывернулись из под постромок. Новая рубка подшейников, постромок — новые кавалеристы.

Грохнул снаряд.
Шарахнулись в стороны кони. Наткнулись на заборы — стали, запрудив узкую улицу. Остановилась река обезумевшего обоза.

— Кавалерия!!!
Крикнул один — услышали все.

Исказились, поблдедели лица. Что то дикое, страшное засветилось в расширенных глазах. Сильнее заходили кнуты по спинам испуганных коней, разрывая кожу. Посыпалась крепкая ругань с перечетом всех святых, богов и божьих матерей. Взыблились, рванули кони. Затрещали заборы, повозки.

Рванули — лопнули постромки, сломались в корне дышла. Почуввав легкость, — кони галопом. Бьют постромки по ногам, бьет дышло. Обездолан. Никого. Бьет дышло, бьют постромки.

Мчатся кони. Сзади грохочет и гремит прорвавшаяся обозная лава. В гору.

Храпят взмыленные лошади, храпят люди. Ругань рвет пыльный воздух...

— Посади! — кричит красноармеец ездовому.
— Иди к чорту и так тяжело — в ответ.

— Посади! Жалко? Довезут, пустая повозка-то! — молит боец, уцепясь за борт повозки.

— Уйди! — замах кнутом.
Стрелок хочет прыгнуть в повозку.

— Кудаа!! Ах ты, сволочь!! — взревел ездовой. — Нна! поезжай! — посоветовал он. Свистнул кнут. Узкий ремень ожег спину бойца. Сорвался, с руганью скрылся в пыли.

— Сумка упала! Дайте сюда! Подымите! — орет обозник, жестикулируя и не слезая с повозки.
— Достань сам! — слышно в ответ.

Большая, туго набитая сумка мечется под копытами, под колесами. Все поглядели, никто не поднял: своя шкура дороже сумки с барахлом.

Гудит. Ревет.
Вылилась обозная лава из улицы, разлилась по склону холма. Бухнул снаряд, подняв столб пыли. Засвистали шрапнели.

Снаряд за снарядом. На удар, на шрапнель.
Роят землю снаряды, царапают землю шрапнели. Мечутся обозники.

— Правей! — кричит секретарь ездовому. — Хлещи! Бей! Дай я! — Встал. Взял кнут и сам начал греть спины коней. Скачут кони, из кожи лезут вон, а тачанка как будто на месте.

Нервничает.
Снаряд.
— Бери влево! Теперь прямо! — командует он, настигая лошадей. Кавалерия!!!

Голова быстро повернулась назад.
За деревней летит кавалерия, размахивая саблями. Блестят клинки под солнцем. Блеснет в воздухе — волосы дыбом. Блеснет снова — дышать трудно.

Зверем ревут обозники. На смерть порют коней, рвут кнутами кожу.

Мчатся кони.
Страх светится в каждой складке лица. Соскакивают с повозок, бегут по полю, а кони летят сами без седоков.

„Соскочить?!“ — мелькнула мысль в голове секретаря военкома. „Поймают — убьют, когда увидят папку с партбилетами. Коммунистов не милуют... Соскочить!“ — назойливо сверлило.

— Погоняй!.. Чего спишь!.. — нервно крикнул он.
Взгляд назад. Блеск сабель.

— Бросить папку, билет? Глупо, обожду! Погоняй!..
Не скажут, а прыгают конники. Не летит тачанка, а ползет. „Эх бы теперь да штабных-вороних пару? Они как птицы унесли бы из этого ада!“ — думал секретарь, поминутно поглядывая в тыл, нащупывая папку.

Медленно, медленно, но все дальше и дальше от страшного места. Не видать блеска сабель. Скрылось с. В.-Торгаевка. Кругом поле.

Успокоились малость обозники.
Подводы змейками вытянулись по полевым дорогам. Едут рысцой. Тяжело дышат, глубоко втягивая мокрые бока, лошади. Меньше свистит кнут, меньше ругани.

Нервен, тревожен обоз.
Едут.

Одна из подвод выехала с дороги. Хочет обогнать передних, пристать к своим.

Насторожился обоз. Головы повернулись назад. Вдали маячатся силуэты верховых.

Снова кнуты, снова крики. Снова летят в разные стороны.

Скачет кавалерия—скачет обоз. Кавалерия галоп—обоз тоже.

Храпят кони. Брыжжет пена.

Кавалерия ближе.

Не блещут сабли, не гремит ура. Что-то только лязгает, да звенит.

Нагоняют...

Расступилась пыль, пропустив верховых.

Скорчась, уцепясь за холку, отчаянно подскакивая, на конях мчались ездовые и кашевары, звеня постромками...

Узнали. Успокоились.

Н-рвен, тревожен обоз. Скачет версту, десяток, а к полудню отмочалил целых тридцать верст!

Тридцать верст!..

Кони в мыле, в поту люди.

Стали. Привал.

Побросавших повозки и кухни послали за ними в с. В.-Тор-гаевку.

Поехали. Чутко вслушиваются, зорко всматриваются... Осторожно, с оглядкой, с остановками и поглядыванием назад, приблизились к хатам. Распросили.

— Белые есть?

— Нет.

— Были?

— Нет.

— Как же нет?! А что же за кавалерия была справа и слева села?

— Красные.

— Краасные?!

— Да. Прорвался броневик врангелевский, за ним пехота, а наша кавалерия повернула их назад...

— А мы...

— Сдрейфили! Не ваши ли кухни стоят?—ехидно спросил подошедший красноармеец, указывая на побитые кухни, повозки.

Не ответили. Как будто не к ним.

Подъехали к кухням, повозкам.

Побиты, помяты, без дышел. Кругом валяются помятые и сплющенные ведра, куски мяса краснеют в пыли, белеет чищенный картофель, золотом отдает рассыпанный овес...

Понижали головами.

— Ловко, брат! А мы?.. Эх!—сокрушенно вздохнул ездовой.

— Да, ловко!—ответил в тон кашевар.

ДМ. ПЕТРОВСКИЙ

Потопление Черноморского флота.

Берег порта толпами затоплен,
Как Москва на Пугачева казнь
Вынесла безмольем вопли,
Флот—о гибели приказ.

Видно с крыш, как шляпки опускают:
Бухта—подоженный муравейник.
Сносят сукна целыми тюками,
Поворачивают вправо, влево реи.

Сукна, парусины, форменки, фланельки...
А кому-какому сукному сыну
Быть теперь, как мертвый остров, мелким,
Чтоб таскать под фалдами холстину?!

И, скусив слезу, стальной пудей
Вытекшую с глаза, сел на доски,
Сел на доски красный боцман,—
Плачет вместе с портовой дурой.

Что там боцман? Что там баба дура?
Что там псы—вскормленные морские?
Обозлилась в Черном буря,—
Шла, узлы кусая, мелким штилем.

Закачались именами
Алыми борта,
Их бы вместе лучше с нами
Смыла ты, вода.

Вас забудем, адмиралы,
Не забудем той беды;
Власть на море умирала,
Пропадала власть воды.

Выпелам не выплыть в звезды.
Где-то на Тамани
Немцы брестекою угрозой
Тычутся в туманы.

Пусть по горло труб, по рен
Тонут корабли,
С дальнобойной батареей
Плюй в туманы „пан“!

Выпывали кверху килем,
Клоутиком, как шапкою,
Флаг на фалах алый вскинув,
Шашки взрывом чакнули.

Выходи же пон, „Россия“,
Выходи, „Свободная“,
Где бурлят виры крутые
В море, в бухте окна бей.

„Керчь“ настигнет на увале
Уайтхеда минами,
Ахнет в бок, где не бывало
Бреши в битвах, бивнями.

Отвернется, плача, кукель,
Чтоб глаза не треснули.
В черном дыме, в громе, в стуке
Волны мачты срезали.

Пойте теперь, кораблики,
Картавою пеною побулькивая.
Клянись, рабочий, на фабрике,
Как звезды клянутся над Пулковым,

Что нашей земле не моря вертеть:
Она воздух одела шубой,
И мчится за солнцем без памяти,
В шум мира фабричным шумом.

Прощайте теперь, кораблики,
Прощай, не сердись, Черно море,
Бурун, давай руку, товарищ,
Давай, пожимай ее в горе!

Самую лучшую песню морям я,
Гибели гневную песню,
Руки матросов пожав с якорями,
Шлюпками брошу с отвеса.

Самую лучшую песню морей мне
Со дна волною достаньте,
Петь я хочу великаново время,
Карликам крикнув: „привстаньте“!

Самую лучшую песню моря, вам
Ныче в таверне тесной
Плачу средь трезвых, сильных и равных
Товарищей—грустную песню.

Первая песня
О тебе, море,
Первая звонкая песня.
Голос, дрожа, колоколь в телефоне:
—„Потопили-ль—ответьте, ответьте?“

Огненные брызги.

Рассказ из дореволюционного быта.

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут,
Все это грубая природа,
Изящного немного тут.
(Пушкин. Ег. Онегин)

Жжет, палит, сушит землю зеленовато-золотистое июньское солнце. Улыбается, лучится. Улыбаясь тысячами серебринок, переливается по оцинкованной крыше полостного сарая. Забирается под оборванные картузы, под войлочные шляпы, бегают по бороатым, изможденным, загорелым лицам; перескакивает на светлые пуговицы пальто земского начальника. Играет с ними, с кокардой, с капельками пота на томлящихся лицах; играет с кучкой ребят, воробьями во ржи налетевших посмотреть на игру кошки и мышки, земского и крестьян.

— Знойно!

— Рибяты, купатца!

Гологоловые, звонкоголосые, черные, рыжие, белые, с веснушками и без веснушек, загорелые, бегут ребятишки к гнилой, ряской и осоклой поросшей речушке, поднимая по дороге грязновато-серые, громадные столбы пыли.

Бегут.

Впереди молодым петухом, с особым, присущим только ему вывертом пяток, бежит лохматый, нечесанный, с иссини черными, волосами Васька Халдей.

— Эх, здорово бегают Васька!

А сзади в хвосте, утенком среди цыплят, рысцой трясется Петя Зыбкин, краснощекий, упитанный, в гимназическом кэпи, сын полкулака, подпомещика. Гимназист любит, играет, поминутно вытаскивает из ножен подарок отца-игрушечный кинжальчик.

Доволен.

Выкупались. Сидят посиневшие, мокрые, с мокрыми волосами, не зная, как убить время!

Скучно.

— Рибяты в горелки.

В самом разгаре игры, когда расслаились и покрылись потом детские лица, оттуда, с той стороны речушки, где вросли в землю, накренились на бок старые, ветхие, обросшие мохом и обмазанные смесью из глины и навоза, избушки, надреснутым колокольчиком прозвенело:

— Егорка-а-а, где ты паскудный делси-то, иди скорей!

Колокольчиком же, но не надреснутым, а тонким, серебристым, переливатым отсюда из кучки, котятинами разыгравшихся, ребят закричал Егорка:

— „Заче-е-ем?“

— „Иди, окаинный, тебе говорят-то али нет. Иди лошадь ловить, паскудная твоя душонка“.

— „И-и-иду-у!“

Неожиданно ни для других, ни для себя, бросил стоявшему рядом с ним Петя:

— „Падем со мной кобылу ловить, здесь не далеко за селом“.

Лениво, не задумываясь:

— „Ну, что же падем!“

Лебединым крылом метнулось по небу улыбающееся насмешливое облако, прикрыв на несколько минут зеленовато-золотистое июньское солнце. С камушка на камушек, с кочки на кочку перепрыгивают ребята. С чувством собственного достоинства фантазирует, врет Петя:

— „Ты что не веришь, что на меня с Васей Кораблевым сразу восемь человек напало? Как хочешь, не верь!“

— „Что же не верить то?“ „Верю“.

— „Да! Уж и ловко мы тогда с ними разделились; троих я вот этим самым кинжалом запарол, а у Васи револьвер был, он тоже двоих застрелил, а остальные сами разбежались. С тех пор я человек стал отчаянный, теперь мне человека резать пустое дело. Хочешь тебя хоть сейчас зарежу“.

Шутливо-спокойно:

— „Меня, чево ж меня, я, чай, не поросенок“.

Прибойной волной жгучее желание испробовать свою власть, свою силу над Егоркой, властно захлестнуло Петины мысли, чувства, сознание. Угольным жаром наполняло оно каждую клеточку его организма.

— „Да ничево, возму, да и зарежу, что ты мне сделаешь!“

Тучкой проплыла мысль: а вдруг и впрямь зарежет. И уже не прежним шутливым, а с оттенком тревоги голосом бросил просительно:

— „Ну, ладно, будя шутить то!“

Еще властней, непобедимей тревожно-просительный голос, голос Егорки, разжигал желание натянуть струны власти до последнего предела, после которого они не выдерживали, лопались, как лопаются струны скрипичные.

— „Шутить, никто с тобой шутить то и не хочет. Н-ну становись на колени, а то сейчас кинжал в брюхо! Н-ну!“

— „Петя, голубчик, миленький не нада! Петя не на-д-да!“

— „Становись или нет, говори! Р раз!“

Неловко, путаясь в складках рубашки, с трясущимися, от опьянения сознанием своей силы, руками вытащил из ножен кинжальчик и постарался принять позу виденного на иллюстрации в „Ниве“ черкеса.

— „Н-н ну!“

— „Ладно, становлюсь! Петя, становлюсь!“.

Тяжело, мешком с рожью, упал тщедушный, загорелый, с рассыпанными по лицу веснушками, Егорка к ногам упитанного, с розовыми щеками, Пети Зыбкина.

— „Ну, вот, видишь, и встал, только не надо так больше“.

— „Целуй пятки, сволочь!“

— „Петя, не надо!“

— „Целуй, тебе говорят!“

С криком, без слез, с воплем отчаянным, мучительным, звериным приложился Егорка к пахнущим гугалином штиблетам Пети, и тут же без проблеска сознания, прорезая воздух одним тягучим, протяжным а-а-а, бросился к лесу в кусты.

Оскорбление не оформливалось, но обида горькая, недетская, нечеловеческая, могильной плитой ложилась на сердце.

Злоба бурная, захватывающая, вихревая, стихийная, рвалась вон, искала выхода.

Вечер июньский, росный обнимал землю.

Молча из за кружевных вырезов туч, на горизонте, выкатывается багрово-румяная, туманно-медная, нахально-блестящая ночная странница луна. Красным светом заливает она верхушки угрюмо-перешептывающихся великанов-деревьев. Неприветливо встречает земля свою вечную, верную спутницу, не тянется цветок к холодному, неживому свету, не защебечет ласточка, не заблеет овца, не замычит корова, лишь громче прежнего квакают лягушки в заросшем ряской и осокой пруду, да еще заунывнее, еще протяжнее завывает сыч в карнизх деревянной колокольни.

Улучив минуту, осторожно подкрадывается Егорка к шестку, где спрятаны спицы.

Подкрался, схватил и от жути на миг остановился, замер на месте. Вьюном проскочил в сени, налетел на разбросившееся во сне тело отца.

— „Ты куда пастреленок? Чево спать не даешь?“

— „Я.. я-я. тятка до ветру!“

— „Носит тут тебя окаянного. С вечера то не мог опорожнитца?“

И опять заснул, захрапел, засвистал носом.

От зари долгой, июньской, женственной, с другой утренней сестрой после разлуки встречающейся.

От месяца серебристого, постоянно холодного, неживого, светло как днем.

Осторожно, беззвучно, бесшорожно, в знакомую щель, через заросли иванья, через крапиву пробирается Егорка в барский сад, к овину.

Жгуче по голым пяткам, по рукам хлещет крапива. Рососо обливает, цепляясь за одежду.

Пробирается осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Лунные тени создают леденящие страхи, ничем необъяснимую жуть.

Волнуется, дрожит тело, трясется руки, не слушаются пальцы.

Неуверенно, робко вспыхнул маленький синеватый огонек.

Нежно коснулся золотой, хлебом пахнущей, соломки. Перебежал вдоль, и вдруг сразу перебросился на целый ряд соломинок.

Испуганно, без звука глядел Егорка, как начал загораться овин.

Жуткий страх заполнил все мысли, все, позабылось, отошло назад, остались лишь:

Желто-красные язычки огня, с каждым мгновением захватывающие в свою пасть все больше и больше пространства.

Затрещала солома под бурным сжигающим дыханием огня.

Соломой же вспыхнула мысль: — „Что же я здесь стою? увидают“. Мышью серой проскочил в щель забора, санками с горки покатылся по крапиве.

Перевернулся. Оглянулся назад. Овин. Пахло гарью. Из дому выскочили люди, забегали, засуетились.

Опять страх, жуть острая, комащая, непереносимая, смертная. Не выдержал.

— „А-а-а!“ — вырвалось вон, смешалось с испуганным дон-дон-дон набатного колокола, потонуло в море галдящих криков. Скорей отсюда, туда, где не видно картин разгорающегося пожара, туда, на сеновал, где можно с головой зарыться в душистое сено, и не видеть, как испуганно около овина мечутся люди, не слышать их галдящих криков.

Порывом ветра дунуло, перенесло огненный вихрь на дом Евгения Сергеевича Зыбкина.

Еще надрывней, печальной застонал колокол. Еще испуганней засуетились люди. Ветер дул на село.

Ярким пятном вспыхнула избушка Николая Петухова.

Режуще запричитали, завывали бабы. Обезумело носился по селу скот. Шестипудовый поросенок ринулся опять на свое место и тут же задохся и... сгорел на пороге.

Разыгрался, разгулялся могучий, стихийный, миллионполетний сподвижник и враг человека, огонь.

Словно картонные, слизывал жгучими, длинными языками старые покосившиеся на бок, как старухи в 90 лет, домишки крестьян.

Лег на сеновал, зарылся с головой в сено и не слышал шума, галдежа, гомона раззорившихся мужиков.

Острый, режущий крик сменился тихим прерывистым плачем, потом не стало и плача. Робко затих.

В конце концов детский организм не выдержал. Егорка заснул.

Проснулся от нестерпимой духоты, от непереносимого жара. Едко пахнуло гарью. Кругом слышался шорох, треск. Заглушенно раздавались вой и причитания баб, рев скотины. Случилось что-то важное, сильное, непоправимое, но чего никак нельзя было определить сознанием. Пробел громадный, мучительный прорезал память.

Гарью заполнялся воздух, трудно стало дышать. Сразу вспыхнула мысль — „пожар“, вспомнилось все.

Быстро, рванулся с места, свалил лежащее сено, вскочил и тут же упал от перепопанившего легкое пропитанного гарью воздуха. — „Что же это? Ведь, я горю!“ — на миг промелькнуло в ознании. Хотел крикнуть, но не мог.

Поплыли мысли бессвязные, отрывочные, короткие.

— „А что, Жучку отвязали или нет, сгорит, пожалуй“.

Потом все помнилось, как давеча наткнулся в сенах нае отца. И сделалось смешно, что так удалось его обмануть; хотел засмяться, но не мог, захотелось пить остро, мучительно. Потом мысли стали путаться бледные, расплывающиеся, неопределимые... и когда, наконец, огонь добрался до его платья, Егорка был мертв.

КОНСТАНТИН ШИЛЬДКРЕТ

Генерал с каштановым волосом.

Рассказ.

ГЛАВА I.

Валериан Тимофеевич гадает. Ударится кольцо о стенку стакана, все сбудется, все вернется: и чин генеральский, и шинель с красными отворотами и усадьба дедовская, родовая, потонет в благовесте ликующем вся белокаменная, патриарх на царство помажет избранника божьего, купечество благолепно с хоругвями у Кремля построится, а он, старый солдат, с ног собьется, но от Ходынки шагу не сделает. Никому не доверится, сам делегатов с каждой фабрики отберет, в шеренгу, по цехам разобьет, рядами, десятками, а коммунистов отдельно, в за- тылок, по паре, чтоб виднее было, чтоб ни один от глаз не ушел. И команду непременно сам держать будет: четко, ритмично, удар за ударом, пока не измочалится пасс... Не коснется стакана кольцо—тоска смертная ляжет на сердце, придавит мучительно, изведет.

Больше часу воюет с бронхами генерал.—Чорт знает, что! Столько напряжения и ни к чему.—Сжал плотно губы, хрипит, глотает слюну, сдерживает назревающий кашель. Рука на-весу млеет и ноет, пальцы, указательный и большой, склежились в судороге, покрылись холодными бугорочками, мертво д-ржат волос длинный, женский, каштановый, над пустым чайным стаканом. Чуть-чуть, нехотя, лениво покачивается прикрепленное к волосу обручальное золотое кольцо. Валериан Тимофеевич глаза лучит стеклянные, свистит горлом и носом, набирает полный рот воздуха, раздувает пузырем желтые, утыканные реденькою, седой щетинкою, щеки, не дышет. Мгновение—легко, вольно в груди, только в ушах перезванивает и шипит. Кольцо раскачивается нетерпеливей, размашистей, тянется к стенке стакана серебряным поцелуем.—Терпи, старина,—подмигивает себе генерал и осторожно, сквозь края плотно сжатых губ, втягивает струйку воздуха. Шершаво бежит струйка к груди, скатывается пузырьками, отталкивается тяжело назад, трескуче лопается у горла и вырывается наружу мучительным кашлем... Валериан Тимофеевич падает на кровать, корчится, хрипит, рвет синими пальцами обвисшую грудь, в промежутках выталкивает из горла обрывки проклятий. Отдышавшись, зло поднимается, шаркает к шкалику, раскалывает сахар щипчиками мелко, крупинками, слизывает сухим, серым языком с ладони сладкую пыль, жует долго, старчески-тупо, жадно чавкает. Неожиданно вздрогнул, насторожился.—Стучат, кажется? Так и есть!—метнул зло глазами к окну.—Опять до полуночи! Громко, полною грудью, говорили за дверью, смеялись, топали буцами так, что посуда в шкапчике перезванивалась, а через топот, голоса грубые, слова нешлифованные, простые, бархатно-мягко стелилось:

—А мы-то вас, товарищи, ждали!

—Ты, старый дурень, слышал?—жалит себя желчно Валериан Тимофеевич.—Дочь твоя, Нилочка! А? Кровь дворянская!—Ждали... то-ва-ри-щи!—Тыфу! Гнусность, разврат!..

Голос дрожит, глаза застилаются едко, цыкает раздраженно, горбится, еле передвигает длинными, ноющими ногами, сердито садится на сбитую, слежавшуюся постель. Скрипит что-то в груди, токающе отдается в пояснице, беззубый рот часто хватается застоявшийся, спертый воздух.

—Запыхался, точно переход целый сделал! Вот она тебе и вся жизнь человеческая!..

За стеной голоса сочные, наливные, смех прыгающий, вольный, хлопущими ухае, пенится пьяно-молодо, щекочуще подбирается в каморку забытую, с грудью старой играет, в глаза стеклянные, пустые, махрово смотрит, подмигивает, за собой зовет, в бесшабашность, в вольность неустойчивую, в молодость.

Ворчит, брови густые, свинцовые, супит, руками тонкими уши оттопыренные закрывает, не хочет слушать их смеха, знать не хочет. Передергивает плечами, презрительно морщится, губы, изрытые серыми лучиками, оттопыривает.

—Сейчас чай будут кушать, чавкать до тошноты, потом—окурки в стаканы, плевки, густками, так прямо: на пол. Фу-у, хаммы!

Тупой волной поднимается к горлу ненависть, злоба непримиримая, бессильная, жалкая.—Разогнуться бы, по-военному бы грудь раздать, шпорами звякнуть, крикнуть привычно, окриком генеральским, от которого по полку целому когда-то мороз пробежал, разогнать этих слесарей неумытых!—Увлекаясь, поднимается во весь рост, грозно поводит выпученными глазами, жестко шамкает, пеной желчной выбрасывает слова:—Разогнать!.. Разогнать!.. Разогнать!..—Правый бок осел сразу низко, в пояснице чуть заметною точкой боль острая шевельнулась. Повалился на кровать, завыл слезливо, потом ноги закинул на спинку, уперся стеклянно в потолок, засиженный морщинами сырыми и рыхлыми, как лицо генеральское, изрытый, долго лежал покорный, бездумный. Поднялся—засуетился, злоба между пальцами сжал, поводит осторожно рукой, прищурился: норовил, чтобы кольцо, прикрепленное к волосу, в центре стакана висело; застыл.—Отзвени, кольцо!—губами мясистыми, потрескавшимися, молитвенно шевелит. Гулко сердце стучится, в страхе глаза выкатываются большие, рука бухнет, наливается свинцово, млеет мучительно.—Отзвени! Отзвени!—Чуть колеблется волос, нехотя, лениво раскачивается кольцо. Сомнения лохматятся, собирают в шершавые складки лоб, холодными, частыми капельками стучатся в обвисшую грудь.

За стеной молодо-гулко ухае смех, щекочуще подбирается к старой груди, дразнит, волнуе, а голос Нилочки давит невыносимо смертельной тоской.—Отзвени! Отзвени, кольцо, выручи, старый друг, единственный. Дочку верни, Нилочку!—Ждет напряженно, лицо вытягивает. Волос качается свободней, уверенней, чуть дрожит млеющая рука, глаза застилаются розово: вот-вот коснется кольцо стенки стакана серебряным поцелуем.

—Папочка!—ударилось о череп, разорвалось гранатой в ушах. Вздрогнул, испуганно пальцы разжались, со звоном упало кольцо на дно стакана.

— Как ты смела войти! Как ты смела!
Обидно-весело рассмеялась. — Опять за гаданьем!? Царя в стаканчике ищешь?
Вскочил. Ощупал глазами жестко, непримиримо. — Уйди! Уйди, говорю! — Зашатался вдруг, захлебнулся, закашлялся, упал на кровать.
— Выпей, папочка, выпей! — испуганно тыкала в мертво сжатые губы стакан.
— Уйди! К ним! К банде! К любовнику! — булькал хлюпко, желчью, подкашившейся к сдавленному, старому горлу.

ГЛАВА II.

С утра Валериан Тимофеевич у осколка зеркала возится, щетинку серую на щеках и бобрник белый, жесткий, ножницами равняет, разглаживает упрямо мешочки под глазами выпученными, из сундука достает мундир поношенный, генеральский, на спинку стула вешает, долго ходит вокруг, морщится горько, слюной брызгает, пыль пальцами скатывает, чистит, ради праздника прихорашивается, собирается в церковь...

— Сережа зовет. К нам чай пить, папочка.

Сказала, в тьму лохматую бросила, отшатнулся, желчью залился. — В церковь православные по праздникам ходят, потом о чае заботятся, — жестко выдавил, посмотрел в синие, задорные глаза стеклянню и пусто. — И не смей! Слышишь? Имени его знать не хочу! — крикнул хрипло, придушенно.

Повернулся спиной, сердито чистился перед зеркальцем, долго возился с мундиром, тряслись сухие, тонкие руки, не могли попасть в рукава; наконец, загнул палкой, ушел. Злится, закусывает губу: не держится голова на сморщенной шее, ноги передвигаются тяжело, ноюще-тупо; через силу, на зло себе, вытягивается по-военному, подбородок выставляет вперед, стучит дрябленько палкой, шаг равняет пружинящий.

У ворот обычное:

— Доброе утро. Как изволили почивать?

Генерал с минуту молчит, будто не замечает, потом откашливается грудью, чуть заметно глазами здороваются.

— В церковь-с?

— Знаешь, а спрашиваешь. Язык, видно, не мыл еще?

— Погодка-с, ваше превосходительство? А-с? Аппопонакс, петуний, а не погодка-с?

— Ты почему ко мне не заходишь?

— Тревожить боюсь. Куда уж нам с рылом суконым в калашный ряд!

Пыжится Валериан Тимофеевич, грудь вперед, вверх — подбородок, шаг размеренный, строгий; не выдержит, не вернуть былых лет.

— Отдохнуть разве? — неожиданно предлагает.

— Господи, как же не отдохнуть?

— А вдруг опоздаем?

— Еще к поздней-то и не благовестили.

Сидят на Покровском, — один вытянутый, сухой, желчный, чопорный, другой — маленький, вертлявый, рыбой, заросший до рысьих глаз желтою бородою, заносчивый, лукавый.

— Про агличанку слышали?

— Два ордена английских королевских имею.

— Так Прохрыч-мясник сказывал...

— Ближе подвинься! Сел тоже за версту!

— Я с полным удовольствием, ваше превосходительство, а ежели в другом конце сел, так из деликатности, можно сказать, потому всяк сверчок знай свой шесток-с.

Меленько задергал короткими ножками, дробно подпрыгивая, передвинулся, вытянул шею, чуть слышно новостью с генералом делился.

— В Петрограде. На трех экипажах морских прикатили, сила великая, с генералами, с пушками. И француз с ними. А сама королева ихняя, Ефренца Лозанская, к Троцкому надесь в Кремль, бают, ввалилась: сдавайтесь, иначе никаких тебе царских долгов. Ей-богу, слушал, обхохотался весь, таково уж в самую точку забрало.

Валериан Тимофеевич отдувается сердито, чертит долго палкою по земле, отрывает кусками: — дур...ак... Прох...рыч твой, и ты, Ник...ита, дур...ак!

— Это уж как сами положите! Мы что-ж? Мужики-с! С чего и в уме нам быть... Прохорыч сказывал...

Генерал молчит, в землю уставился туло, чуть покачивает головой, сердито прищипывает. Никита прыжками короткими отталкивается назад, про себя вздыхает сочувственно: — И надо же было дожить-с!..

— Кому? Толком говори, а не ной!

— Вам-с, ваше превосходительство. Смотрю я на вас и тоскую, можно сказать. И что-бы вам годков семь тому назад опочить-с?..

Три года знаком с Никитой генерал, в церкви встретились, а каждый раз, когда сойдутся, один у них разговор.

— И сколько покойничков благородных я цветами отделывал!

Не счесть, истинно говорю. Губернатора обкладывал самого. И-их, кто Никиту не знал! Сызмальства на покойниках, можно сказать. Тоже, ведь, дело сурьезное. Иной раз гробом легче форснуть, чем цветами-с. Потому — и кулir тут, и запах-с и узор деликатный и что какому полу идет. Как ни киньте, а гроб без цветов-с, что барынька без помады.

Никита увлекается и снова подталкивается к генералу.

— К слову сказать, вас к примеру возьмем. На глаз ежели, без малого два и три четверти в живом виде, а как отойдете, все три чуть-чуть в пору: потому, благородный покойник на четверть небес-пременно в росте вытягивается. Вот и прикиньте: крест из белых цветов — прраз! — Загнул палец, прищурил правый глаз, ощупал деловито Валериана Тимофеевича. — По длине душистый горошек с петунией — два-с! В головах настурция с хризантемой — три! Возьми после этого с вашего роста меньше четвертного билета.

Генерал не перебивает, важно слушает, грудь пыжит вперед, потом хитро подмигивает:

— А четверть зачем прикинул? Какой же это дурак на четверть после смерти прибавится?

Никита морщится оскорбленно:

— Как знаете. И спорить не буду. Князей, можно сказать, хоронил. Валериан Тимофеевич приятно улыбается.

— Все-таки, дорогонько, Никита. Слыханное-ли дело — четвертной за свит-пи и какие-то Анютины глазки!

— И не Анютины вовсе. Дамский это цветок. Да и тот не выше штаб-офицерской покойницы полагается. А вам в первую голову крест из роз белых. Вот и прикидывайте!

Оба вздыхают мечтательно, молчат, низко свесив старые головы.

— И почему не упокоились, когда другие, в таком же чине пре-ставились. До чего дотянули? Генерал, можно сказать, а умирать будете чисто ефрейтор какой-то! — первый нарушает молчание Никита.

— Глажу я на вас и тоска разбирает, вот ей-богу, от души говорю. Большевикам только на смех. Человек вы видный, при росте, грудь обвисла, как полагается, в животе не несёшь еще жир пообсох, престаните—как без цветов обойдетесь? Обмердитесь, ведь, прости господи!

Валерий Тимофеевич морщится гадливо, прикладывает к уху ладонь, прислушивается:—Никак к поздней ударили?

— Так и есть, благовестят, ваше превосходительство.

Поднимаются медленно, крестятся долго, с поклонами, идут на благовест, к церкви...

Что ни день—дальше все Нилочка от отца, забросила, не заходит в каморку, неубранную неделями, оборвалась какая-то ниточка общая, развязала, в разные стороны бросила, только в глухой глубине оставила чуть темнеющий след рубцовый.

— Не могу, сам оттолкнул, знать не хочет, главное, потому, что тебя ненавижу,—Сергею жалуется, оправдывается перед собой, перед совестью.—Весь-то он прошлый, из земли вырытый. Вхожу к нему, точно к трехдневному в морг, и запах невыносимый, гнилой, какой-то занозенный, трупный.

Сергей улыбается, не смотрит на Нилочку, в сторону говорит:

— Мыть надо чаще, проветривать, а белье постирать.

— Не я же... да он и не хочет моих услуг.

— И не спорь. Уйдет в церковь—ты по-своему сделай и белье постирай.

Нилочка ищет взгляда больших серых глаз, горячо дышет, прижимается к широкой груди.

— Не лужен он мне. Третью неделю не выходит на улицу, по ночам стонет, а нет у меня к нему жалости. Вспомню, что только и бредит, как бы с тобой когда-нибудь расквитаться, готова убежать от него, вырвать вовсе из сердца. С тех пор, как узнала тебя, чужим он мне стал, если хочешь, враждебным.

— А белье все-таки постирай.

— Как не стыдно шутить!

— Моя сестра непременно бы постылась.

Смотрит обиженно, передергивает плечиками нервно, сиротливо вешает голову.

— Что ты хочешь сказать?

— По-нашему, по-мужиковскому, так: пролетарка—так пролетарка, ничем никакая работа.

Сергей не перестает улыбаться, поддразнивает не зло, играет, как взрослый с ребенком.

— Кто же боится работы? Я все могу, если нужно. Не я ли за хлебом ездила? А для них, прошлых, трехдневных, не хочу, противно до тошноты. Ты вот, смеешься, думаешь, как была институткой, так и осталась? Спроси товарища Федю, как я держалась, когда фабрику осматривала, где он работает.

— Это когда же?

— Ага! — сразу веселеет, торжествующе вскидывает головкой. Целую неделю ходила. В печатном отделении до вечера пробыла. Все рабочие удивлялись. Краски, яд, атмосфера убийственная. Я нарочно широко раскрыла рот и дышала полною грудью, хотела доказать, что их труд не противен мне, а понятен и дорог.

— И очень смеялись рабочие?

Отворачивается капризно, губы пухлым колечком розовым ежит, дуется, носиком вздернутым сопит недовольно.—Несносный! Всегда эти шутки!

ГЛАВА III.

— Ты, Никита, садись.

— Не того у вас, ваше превосходительство.—Поводил носом, подхватил ладонью широкую бороду, к губам поднес, зажевал.—Хоть бы дочку заставили порядок произвести.

Валерий Тимофеевич лежит на спине, кулак синий под затылком держит, языком губы слизывает, жарко губам, всему телу сухо и жарко.

— В баньку бы вас, на полочек, да венчиком-с.

Рысьи глазки по сторонам, на-отлет губа верхняя (от нее носик обрубком красным морщится), через зубы желтые, реденькие, смешок дробный, рассмычатый, катится горошинками по полу, по стенам, по столу, под ногами прыгает, в глаза бьет трескуче, не соберешь, не придавишь, не отмахнешься.

— Али не в мочь?

Лежит, строго вытянувшись, языком губы слизывает, молчит, бровями бегают часто, от горошка мелкого отбивается.

— Годков бы ежели семь назад? А? Ваше превосходительство? Уж так бы убрал, от полного сердца, истинный бог. В головы первым делом настурции с хризантемой, тут бы вот, по бокам-с, по пиончику, а к ножкам горошек с петунией. И по всему гробу, под спинку-с, табачек душистый с левкойчиком: сильный дух держат, наскрозь прошибают!

За стеной голоса сочные, паливные, смех вольный пенится пьяно-молодо, весело к старой груди генеральской подбирается, в глаза пустые, стеклянные, махропо смотрится, за собой зовет, в бешабашность, в вольность неуемную, в молодость.

Тяжело на бок поворачивается, хрипит, уши оттопыренные синими пальцами затыкает.

— Гуляют-с?

— Что?—не слышит, лицо напрягает, морщится.—Ты бы ближе, Никита, подсел.

— Гуляют-с?

Сплюнул, дернул плечом.—Митингуют!

— Скажите, пожалуйста. И как это, можно сказать, генеральская дочь в любовницы к слесарю?

— Не смеи!

Поднялся на локте, изо всех сил ударил себя кулаком в грудь: захрипело, забулькало внутри, трескуче подобралось к горлу, вырвалось надрывным мучительно-долгим кашлем.

— Откушайте, ваше превосходительство, для вас принес.

Сует в губы лепешку мятную.—От нее в грудях легче и на блювотину не так позывает.

Генерал жадно сюсюкает, чавкает, сердито пыхтит, нетерпеливо работает беззубыми челюстями.

— А для духу закурим монашенку. Одну сейчас, а другую—в запасец оставим. Я ее сюда, за образок, ткну.

Дымится свеча курительная, черная, ладаном густо в нос бьет, сладко горло щекочет.

— Божьим духом несет, чисто покойничка обкадили,—умильно глаза жмурит Никита, благоговейно руки складывает на груди, вздыхает молитвенно.

— Ты, Никита, ближе садись. Соскучился я. Все один да один.—Размягченно смотрят выпученные глаза, голос тихий, глухой, примиренно-беспомощный.—В церковь бы в воскресенье сходить.

— Сходим. Пошто не сходить? Чай, православные.
— Один я, Никита. Во всей России один. Если бы ты понимал мать мог.

— Да мы что ж? Рад бы понять хорошего человека.
— Лежу, думаю все... Смерть бы, что-ли, скорей, так не хочется. рано, время еще не пришло, родину жалко, Никита, устои растоптанные, богом, государем утвержденные, дворянством века хранимые. Вчера на кольце гадал. Стукнуло: жалобно, точно птенчик осиротелый. Закрыв глаза, вытянулся, слизнул языком губу.

— А Нилочка вернется, раскается. Кровь дворянская скажется. Для острастки в дальнее имение свое, в Кузовки, сошлю, потом, когда уляжется, в отставку подам, а ее замуж за сына соседа помещика. Ты, Никита, как думаешь? Возьмут дочку генерала Загрявского?...

Подмигнув, откашлялся грудью, с достоинством, снисходительно улыбнулся. Никита рысьими глазками бежит, жует широкую бороду.

— И как это генеральская дочь, можно сказать, и вдруг к слесарю... в эти самые?
— Тюрма, братец. От нее и пошло. Разве допустил бы я, если бы на воле был? За хлебом ездила... Подруга ее мне рассказывала. От полустанка к полустанку пешком вместе ходили, чтоб на вокзале заночевать, день целый работали, пути очищали от снега... Смеялись над ними женщины; только дождутся поезда, смело в вагоны прут: в каждой теплушке, мол, юбки рады. Где-то возле Самары с ног сбились совсем.

Генерал тяжело вздохнул, отвернулся к стене, и, не думая о Никите, вспоминал вслух, для себя.

— Пошла Нилочка с подругой в теплушку. Улеглись подле печки. отогрелись, делайте, что хотите, только бы назад, на мороз не выбрасывали. К полночи, сквозь сон слышит подружка, как Нилочка плачет. Пригляделась, парень какой-то обнял дочь мою, спорит, пугает, требует... Кто-то спичку зажжет. — Кто плачет? — А Нилочка еще пуше. И слов нет, в горле застряли. Ну, и вступился. Парня на станции снял, в Чека слал. До самой Самары спокойно ехали: тот, что вступился, коммунистом оказался потом. И размякла, в герои спасителя своего возвела, так прилепилась, что отца даже забыла. Ходит за ним собаченкой.

Валериан Тимофеевич неожиданно вскочил.
— Лучше бы изнасиловали, только душу оставили. Ведь, отца, родину, церковь, все променяла на какого-то безродного слесаря, род старинный под ноги бросила, растоптала. Стыдно мне. Дух спирает так стыдно!

Задыхал прерывисто, пальцами костлявыми судорожно искал что-то в воздухе, боролся, всем телом сдерживался, не хотел показать бессилия своего перед Никитой, отчаянно дергал челюстями, плакал

Никита в потолок тупо уперся, ладонью перед лицом у себя короткими вдоль стены отплевывая, потом долго ходил шажками махал, длинно, тягуче присвистывая, потом долго ходил шажками густым личинок клоповых, размазывал по стене гадливо-трескуче.

— Рожа бы твоя отвалилась, если бы загода помер, когда человеком был!... ругался про себя, зло рысьи глаза на генерала вскидывал, пылающе плевался сквозь зубы. — Только заработок отбил... Ни себе, ни людям не сделал. Жил генерал, — помрет — ефрейтору позавидует. Тьфу!

ГЛАВА IV.

Целый день Нилочка собиралась, узлы с матерью Сергея, Даниловны, увязывала, вечером к отцу забежала. Генерал лицом к стене лежал, пальцем чертил по клочкам обоев отсыревших, что-то под нос ворчал.

— Проститься пришла.

Приподнял голову, чуть повернулся.

— А это мать Сережи, Даниловна, с тобой жить останется.

— Ты же куда? — выдавил глухо, глаза зажмурил, будто в пропасть взглянул.

— Она добрая, обещалась ходить за тобой. Мы сегодня в Сибирь уезжаем, надолго, Сережу партия делегировала.

Долго говорила, наклонилась низко к желтому, вытянутому лицу, поцеловала в лоб, коснулась руки. Молчал; глазами полукруглыми жутко шупал насквозь, будто сердце нащупывал.

— Прощай.

Ничего не ответил, только рукой холодеющей неопределенно потыкал перед собой, а остался один, сейчас же встал через силу. Итти не мог, вытянулся на полу, пополз к двери, припал ухом к порогу. застыл, остро ловил ее голос, шаги, шорох платья.

— Встать бы, выйти к ней, прижать к полумертвой груди, плакать мучительно, безысходно... — Нилочка, дочь!...

Суетятся, стучат чемоданами. — Готово? — Звонко целуются. — Вы бы, Нилочка, к батюшке еще раз. Стар, ведь, авось, и свидеться-то больше не привечется. — Похолодело в груди. Хочет подняться — не может, крикнуть — не может. Низко спускается потолок, давит, трещит череп, тьма стелется перед глазами липкая, слепая, тяжелая, в ушах сиплый, ноющий свист.

— Он ненавидит меня. Вы только что видели сами.

— А все же зашли бы. Отец, поди, не чужой: в глазах гордость, а внутри слезы горькие, родительские. Тоже, понять родителя надо.

— Нилочка, дочь!

Рвет ворот рубахи: давит петлей; скребет пальцами волосатую обвисшую грудь, кровь темная, хилая, грудится гнездами черными, личинковыми, тягучими, по онемелому телу. — Нилочка, дочь!

Не слышит. Голос молодой, сильный, уверенный зовет ее с улицы. Он, он зовет ее, Нилочку, навсегда, невозвратно.

Тихо. Даниловна что-то в последний раз крикнула, долго потом возилась с дверью, на засов закрывала; зашаркала по коридору.

Неслышно, на живот, полз генерал к кровати. Долго взбирался, закусив губы, крикнуть боялся, чтоб не вошла, не увидела та, старая слесаря мать.

В полночь из-под подушки волос длинный, каштановый, в платок Нилочкин завернутый, вынул, стакан поставил на грудь, локтем уперся в подставленный левый кулак, кольцо к середине стакана приладил, помолился крепко, настойчиво, не просил, требовал, насупив хмурые брови; замер. Глаза выпученные в кольцо впились остро. — Скажи! Выручи! Отзвени! — Чуть дрожит млеющая рука, нехотя, лениво колеблется волос. — Еще жить, для бога, для родины, для государя. Крикнуть по генеральски, чтоб по полку всему мороз пробежал. Команду держать, пока не измочалится пасс... А его, слесаря, сквозь строй, со всеми коммунистами, на веревку намыленную! Отзвени, кольцо, друг единственный!

Медленно, незаметно падает ниже и ниже рука. Серебряно лижет кольцо стенки стакана, что-то холодное ползет широкой струей к груди, вытягивает деревянно тело, в горле отдается хлюпко и горько. Со звоном упало кольцо, задрожало испуганно на дне стеклянном, с шумом хлопнулся об пол стакан, разлетелся в куски...

* * *

Утром хлопотала Даниловна, в милицию бегала: умер старик среди ночи.

Гроб деревянный Никита из ящика старого, яичного, переделывал, ругался.

— Точно смотреть. Генерал, а хуже ефрейтора. Рожа бы отвалилась, если бы годков семь назад помер? Тьфу, обсерделся весь, прости, господа!

Я. ШВЕДОВ

Поволжанка.

Не тебе ли волны сделали зачесы,
Захлестнулась прядь у лба змеей
Полюбились парню косы
Золотые поволжанки молодой.
Полюбил волжанку с мала я.
Только стихнет за углом завод,
Прибежит весела, усталая
И запевку звонко запоет.
Не люблю девчонка жемчуга-рубина я,
Полюбилась Волги-вековухи мать;
У меня ль, у девки, лебединая
Под холщевую рубашкой грудь.
А взгляни, залетка, ночью одичалой,
Распушу я кос степные долгунцы,
Загляни в глаза поглубже мне очами,—
Не глаза—степные студенцы.
Загляни-увидишь блестящие месяца,
Загляни-увидишь, как у Волги гладь дрожит,
На косе моей тяжелой может всяк повеситься,
Надоела если только жизнь.
А взгляни на полукруги-брови,
Попытайся ты такие отыскать;
По моим бровям у многих на становой
Завелась проклятая тоска.
Не одна залетка я таковская,—
Много, много поволжанок нас.
Попытай ка там—веселый у московских
Отыщи такую пару глаз.
А взгляни—пускай, что косы грубые
А зато завитая змеей..
За отвагу, хмелевую удаль
Полюбились очи поволжанки молодой.

Дурак.

ВЛАДИМИР ТРОЙКА

Зубы снежинки!.. Глаза осколочки неба!..
Эх! Сердце не билось, встретил ее, хороша. Сразу прилип. Да и сам молодец, душа на распашку, нравился ей. Ночью сосало в груди. Мысли на нервах бренчали—тревога.
— Съест баба, съест!..—издевалась братва. Как чуть разговор, смех—известное дело охалют.
Вчера вот пошел и вернулся—платочек забыл. Ощетинились все.
— Что вернулся, али страх забирает?..
— Добра Нюська не будет!—гавкали глотки.
Мог ли сказать что? Да нет!
— Бросьте смеяться?—И все. Промолчал.
— Никто не смеется. Увидишь, подолом накроет...
— Га-га-га—ржало вокруг.
За это ругали.
Любил без корысти, без задней мысли. Уважал женский пол. Святыней считал.
Алешка-Кишмиш, с роду дурной комендор окрестил:
— Нюська! Тряпка от старого клеши, а не матрос!..
Так пошло колесить—. „Нюська“ да „Нюська“. „Нюську“ флот весь узнал, пальцами тыкают, щерятся. С соседнего тральщика боцман и то не стерпел—выговор сделал.
— Ты годок, слышала, балуешь, без толку—трусись!.. Стыдись, флот не позорь!..—от души без ехидства сказал.
Напрасно, он и не трусил и холоден не был, а вот просто... ну, он жаждал чистой, крылатой любви. Спорил, доказывал.
— Нюська, закройся!—Кишмиш перехватывал горло. Война-мать детей покалечила, а то чтобы взрослые были невинны... Жадны как кошки они, так и рыщут!.. Нарвешься, она тебе скажет...
Сбили, пошатнулся детина. Стал разбираться по новому. На прошлой неделе встретил ее, сегодня решиться хотел, расхрабился.
Стой, мол...
Лишний раз не любил одеваться. Рожу скоблил по заказу. Ничего не то. Умылся, испачкался пудрой и жоржиком порхнул на толчок. Хлебешник загнал на расход. Как же иначе. Зашел подкрепиться. Делал всегда. Приличное съешь, на душе благодать и в желудке без скрипа. Для запаха Экстру купил. Над тарелкой любимого соуса грусть налетела.
— То-то вот, деньги. Спекулировать не привык, а как хорошо в „Хризантемы“ забраться, выпить и прочее с ней. Сначала тихонечко в шейку чмок, потом в щеку...
— Что, аль служба, моряк, надоела, задумался—улыбнулась торговка.—У нас и горячева можно...

— Эх! Тетя, дай. Для храбрости дай.
— Бог с тобой, родный, не убить ли задумал кого?
— Нет, магь...
В трамвае уперся в глаза голубые пухленькой бабочки. Смерил ее, потрогал талию, чмокнул—глазами. Протяжно вздохнул.
На ходу соскочил. В окне занавеска, стало быть, ждет.
— Это вы. Как я рада...
Пьяный угар улетел. Забыл, что готовил сказать. Она же румяная смотрит, смеется.
Смешно ей...
Глаза маслом одернулись, просятся в душу, горят, ободрили матроса.
За чаем глянул на пышные булочки, вспомнил глаза голубые, трамвай.
Обругал себя: „стыдно, непостоянный, негодный“.
Звон гитары, романс сгладил заминку. Нежное, сладкое срывалось с уст. Украдкой губами коснулся щеки.
Хорошо... Снизухватило, придвинуло к сердцу! Стучали виски. Дыханье все тише и тише. Хотела склониться на твердую грудь. Крикнуть хотела:
— Крепче, скорее целуй.
Дрожит бедная.
— Ну, как. Такая хрупкая, нежная девушка рядом—доверилась*. А сердце. Выскочить хочет. Замри.
Опомнись.
— Нет, злоупотреблять доверием девушки зло-бесчестно... Я недостойн любить, враг—я...
Изменил разговор, перешел на простейшие темы, повертелся на стуле, встал и пошел.
— Что с вами?
Ни слова. Ветром качало беднягу.
Едкое злое расслышал в дверях:
— Дурак!
По улицам шел, спотыкался. Горько, обидно.
— Дурак! Погибшие, наглые женщины!..
В кубрик спустился. Храп, духота и сдавленный шопот:
— Да-а... Только уснешь, бельма прикроешь, она тебе тут. Обоймет да поцелует в „засос“, сковорешню раскроешь, дрожишь. И так каждую ночь... Вот она флотская жизнь!
К койке прошел. Бросил фуражку со зла:
— А, может быть, правда, дурак?
.....
Дуракам закон не писан!..
.....
— Лейся, песнь моя пионерская,
Будем комсомольцами, едем на моря..

Тишина подавилась трепетом.
Молодо, звонко гремит барабан.
Барабан ли гремит?
Слушайте все!
Кирки и заступы роют могилу, яму!
Стыду и любви!

Авдотья Егорьевна.

(Поэма)

Говорите:
Старость—тлен!
А я скажу другое:
В огне великих перемен
В ней востает солнце молодое.
Бывает:
Вспыхнувшая искра
Живым огнем воспламенится.
И если сердце к солнцу близко,
Оно восторгом будет биться.

Такая простая.
Платочек ситцевый.
В глазах—незабудковый цвет,
Но юностью, юностью литься ей
На склоне
седых
лет.

Все-то тужит Авдотья Егорьевна,
Не о прошлом,
Прошлое—нож,
Было жизни-то целое море ей,
Думала:
— «Не перейдешь»
Сколько слез-то,
Печалей-то сколько—
(Хмурых мук—отягивавший путь)
Вспомнить только—
Слез.
Жуть.
А теперь-то, теперь-то,
Родные
Не о чем мне тужить,
Хочется, милые, ноне мне
По новому
Жить.

С. ОГУРЦОВ

Думать о новом
Не поздно, ведь,
Хоть и много
На плечах
лет
Жисть-то ведь—соки медовые,
Жисть-то—маковый цвет.
Сердце старое, старое
Зацвело весной:
— Ах, уж, не спала-ль бываю
Со мной
— На фабрике целая жизнь,
Попробуй,
Попытай-ка!
Тужиль, тужиль,
Отвяжись,
Я тепереча—
Молодая.
Бабушка, бабушка Авдотья,
Маленькая такая—спичка,
Но она говорит:
— Вот я
Скоро буду большевичкой!

В черный день, в заводское раздолье
— Умер Ленин!—
Стоном протекло.
Хмурый ветер плакал не с того-ли
И стучал в Авдотьино стекло.
И когда, в березовых макушках
Воробьиный гомон прозвенел,
Горько, горько плакала старушка
О кумачной, асиневской весне.

Когда загорится в окне
Спелый закат сиреневый
Викну:

На стене
Картинку с Лениным
Зорями даль разузорена,
Весна.
Воробьи кричат...
Глядит Авдотья Егорьевна
Кротко
На Ильича:
— Помер, помер, болезный радетель,
Лучше-б нас в могилу седых!..
Прозвенел за окнами ветер
И в березных верхушках латых.

Гудковые вислоухи пыхали,
Разминаясь в звонкие ручки,
На партийное собрание собирались
Синеглазники — суровые ткачи.

И веселым гудком зачарованный
Вечер плывал по макушкам труб,
Ковыляла
Авдотья Егорьевна
В клуб.

Смотрит
Милые, родные лица,
С ними жизнь, ведь, целая слита,
Пронеслись жизнью вереницей
Прошлых дней — поющие ветра.

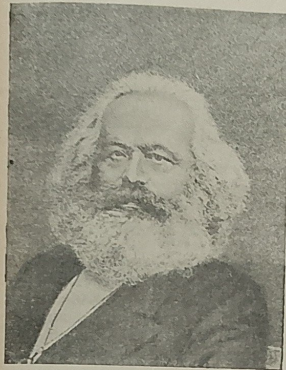
Говорила Авдотья Егорьевна:
— Ильича-то? Не знаю-то, как?
Раз расселся он горькое горе мне,
Мрак.
Человек был — просто — золото,
Каждое сердце
умел
согреть
Как-же, как-же такого то
Мне
Не жалеть.

МИХ. ГОЛОДИШЬ

Страна советская.

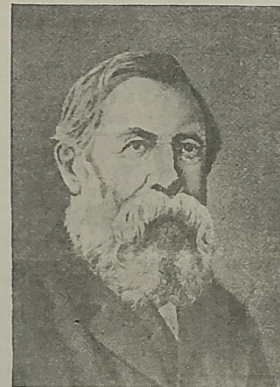
По темным улицам брожу один:
Они, глядя на меня на витрину,
И не видят меня нисколько!
У них был сад, в саду был дом
С железной оградой, с высоким окном
И теперь у них что? — Ничего!
И я начинаю смеяться вдруг,
Но тихо, чтоб не удивить испуг,
Который у них в глазах.
Они нам платят за дом, где живут
За то, что едят, за то, что пьют.
И даже за гвозди в башмаках.
В стране Советов открыт базар,
Они продают на нем свой товар,
Барышей отдавая часть.
Много у нас для них сторожей,
Много у нас в городах фонарей
Для тех, кто хочет украсть!
По темным улицам брожу один.
Они глядят на меня на витрину,
Я в ответ гляжу и смеюсь.
У них в саду был высокий дом,
А теперь он зарос травой и мхом.
А теперь он, как сердце их, пуст!
Они глядят на Кремль, что во тьму
Уперся, а звезды ближе к нему,
Чем к самым высоким домам.
Но им запрещен вход во дворец.
Двери его стережет спящий,
Спрятанный по стволам.
За чужим столом они пьют вино,
Глупые! разве может оно
Спасти от смертельных ран!..

Мир огромен и дышит в потьмах,
Раздвывая обиды, развеивая их прах,
Она опрокинет стакан!..
Совсем поздно и совсем темно
Я уже не гляжу в окно,
Где за столом враги.
Мир огромен, а в нем страна
Такая, как наша, только одна,
И я ускоряю шаги.

Карл Маркс.

Шестидесятилетие Первого Интернационала и его вожди.

Фридрих Энгельс.

Международное Товарищество Рабочих.

Предшественники Первого Интернационала.

То международное объединение рабочего класса, основание которому было положено в Лондоне 28 сентября 1864 г., известно под именем Первого Интернационала. Но отсюда отнюдь не следует, что до сентября 1864 г. не делались попытки создания международного пролетарского центра. Такие попытки делались вначале организованные в Париже в 1836 г. „Союзом Справедливых“, принявшим затем название „Коммунистического Союза“, который может считаться предшественником Первого Интернационала.

Этот Союз состоял по преимуществу из рабочих.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс живо интересовались развитием „Союза Справедливых“, который не имел еще классовой идеологии. Вот как характеризует г. Рязанов в своей книге — „Маркс и Энгельс“ — одного из главных руководителей „Союза Справедливых“ — Вейтлинга: „Для Вейтлинга пролетариат не был особым классом, с особыми классовыми интересами. Пролетариат был для него только частью бедного угнетенного населения, а среди этой бедноты он выделял, как наиболее революционный элемент, — люмпен-пролетариат“.

Связь Маркса с членами „Союза Справедливых“ усилилась, когда в 1845 г., после изгнания Маркса из Парижа, он переехал в Брюссель и вместе с Энгельсом, В. Вольфом и др. основал там „Немецкое рабочее общество самообразования“. Маркс и Энгельс через товарищей, уезжавших из Брюсселя, старались завязать более прочные связи с кружками, существовавшими в Германии, Лондоне, Париже, Швейцарии. В это время Маркс в устной и печатной агитации подвергал резкой критике учение „Союза“. В своих работах того периода, направленных против чартизма, прудонизма и тому подобных теорий, имевших значительное влияние на руководителей „Союза Справедливых“, Маркс доказывает, что социализм должен быть основан на строго-научном анализе экономического строя современного общества, что речь идет о борьбе пролетариата, организованного самостоятельно, как класс, имеющего свои самостоятельные классовые интересы, не только отягчающиеся, но противоречащие интересам буржуазии. Спустя десять лет отношение к „Союзу Справедливых“:

„Мы издавали ряд брошюр, отчасти печатных, отчасти литографированных, в которых подвергли немилосердной критике смесь французско-английского социализма или коммунизма и немецкой философии, составлявшую в то время тайное учение Союза. Этому учению мы противопоставляли научное исследование экономического строя

в буржуазном обществе, как единственно самостоятельную теоретическую основу. И затем мы выяснили в популярной форме, что речь идет не о том, чтобы провести какую-нибудь утопическую систему, а о сознательном соучастии в происходящем на наших глазах историческом процессе преобразования общества“.

Взгляды научного социализма начали распространяться через побывавших в брюссельском марксистском кружке самообразования, которым руководил сам Карл Маркс. Наибольшим влиянием марксистская теория пользовалась в Лондонском комитете „Союза“, при содействии которого Маркс начал подготовку к созыву международного съезда представителей коммунистических групп и отдельных кружков почти распадавшегося к тому времени „Союза Справедливых“.

„Предназначенный сначала для пропаганды среди немецких рабочих“, пишет Ф. Меринг, — Союз принял в Лондоне международный характер. Руководители Союза состояли из оживленных сношениях с эмигрантами из всех стран“. Самый сильный кружок Союза существовал в Лондоне, где этот международный характер Союза особенно выделялся. Вместе с тем, народились новые деятели, наряду со старыми руководителями Союза — Шайпером, Бауэром и Моллем, выдвинулись новые, среди которых особенно выделялся своими способностями портной из Тюрингии, Георг Экарнус, который впоследствии был одним из организаторов и руководителей Первого Интернационала (Экарнус был избран вторым председателем Генерального Совета Интернационала, английский рабочий Оджер был первым председателем его).

В январе 1847 г. Лондонский Комитет Союза прислал своего представителя, часовщика Молля, в Брюссель для переговоров с Марксом относительно созыва конгресса коммунистов. Молль сообщил Марку, что комитет намерен выступить на этом конгрессе с манифестом, в котором критические взгляды Маркса и Энгельса будут положены в основу учения Союза, что для торжества на этом конгрессе взглядов Маркса и Энгельса необходимо их личное присутствие для воздействия на те элементы, которые придерживаются утопических взглядов на рабочее движение и всячески сопротивляются распространению новых принципов. Маркс и Энгельс решили принять это предложение. Летом 1847 г. собрался в Лондоне Конгресс коммунистов, на котором были делегаты из Англии, Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии. Сам Маркс на конгрессе не был. Брюссельских коммунистов представлял на этом конгрессе Вильгельм Вольф, а парижских — Энгельс. Этот съезд постановил объединиться в „Союз коммунистов“ и принял устав, первый параграф которого гласил:

„Целью Союза является свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и частной собственности“.

Второй Съезд Союза коммунистов собрался в Лондоне через несколько месяцев после первого съезда, а именно — в конце ноября 1847 г. К этому времени Энгельс подготовил проект „Коммунистического Манифеста“. На съезде разгорелись ожесточенные споры. Программу научного социализма защищал Маркс, присутствовавший на этом съезде. Наконец, победила на съезде программа Маркса, которому было поручено написать манифест от имени Союза коммунистов. Этот „Манифест“, опубликованный в феврале 1848 г., переведен на все языки и до настоящего времени является основой программ коммунистических партий всех стран.

Члены Союза коммунистов храбро дрались в 1848 г. на баррикадах, и после поражения революции и гибели многих коммунаров (в том числе Молля, игравшего, как мы уже видели, значительную роль в Союзе) снова очутились в эмиграции, где среди членов Союза начались распри и споры, столь свойственные периоду падения революционной волны и наступления реакции. Эти распри привели к концу 1853 г. к ликвидации Союза коммунистов, который за несколько лет своего существования под руководством Маркса и Энгельса успел бросить семена научного социализма во многих странах Западной Европы, где лозунг Коммунистического Манифеста — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — стал лозунгом рабочих и явился кличем Первого Интернационала.

Основание Первого Интернационала.

Эпоха пятидесятих годов отмечается скачком в экономическом развитии капиталистических стран Запада. Даже в крепостную Россию капиталистический способ производства проникает во второй половине пятидесятих годов в таких размерах, что крепостники вынуждены провести реформы (19 февраля 1861 г.), известные в истории России под названием — «освобождение» крестьян. Расцвет промышленности не мог не вызвать роста рабочего движения. Это особенно выразилось в развитии рабочего движения в стране самого мощного капитализма того времени — Англии. Действительно, основание первого всеанглийского профессионального союза машиностроительных рабочих относится к 1851 г. Организация этого союза имела огромное значение для дальнейшего развития английского и международного рабочего движения, ибо в противовес существовавшим до него профессиональным организациям, охватывавшим только рабочих одного цеха одной или двух губерний, всеанглийский профессиональный союз представлял собою мощную классовую организацию, во главе которой становились сами рабочие.

Толчок к более широкой волне рабочего движения как в Англии, так и во Франции и других западно-европейских странах для разразившейся в 1857—1858 г.г. экономической кризис. Эта волна поднялась высоко, особенно в Англии, которая являлась тогда самым крупным поставщиком на мировом рынке. Поэтому промышленный кризис отразился на Англии сильнее, чем на любой другой стране. Началось наступление капиталистов на завоевания рабочих в период промышленного подъема. Пока промышленность переживала подъем, большая часть занятых в производстве рабочих сравнительно легко добивалась повышения заработной платы и улучшения других условий труда. В период расцвета в Англии ощущался недостаток в рабочей силе, и предприниматели, конкурируя друг с другом, шли навстречу рабочим, которых не хватало для удовлетворения потребности в рабочей силе в открывавшихся все новых отраслях промышленности. В эти годы мы наблюдаем большой приток в Англию иностранных рабочих — немцев, французов, бельгийцев, — которых английские капиталисты противостоят. В ответ на натиск предпринимателей, стремившихся повысить заработную плату и увеличить рабочее время, рабочие строились более сильным образом, чем в других отраслях, ответили массовой стачкой (в 1859 г.). Эта забастовка, которая являлась одной из самых крупных забастовок в Лондоне, была поддержана другими

рабочими и привлекла всеобщее внимание не только в Англии, но и во многих других странах. Руководители профессионального движения, среди которых выделяются Кремер, Оджер, развивают большую кампанию вокруг этой стачки. Созывается ряд митингов и собраний, выпускаются прокламации, обращения и т. п.

Эта забастовка строительных рабочих закончилась соглашением, но результатом ее было то, что она наглядно показала рабочим, что нельзя бороться против капитала разрозненными силами, что интересы рабочих одной профессии теснейшим образом переплетаются с интересами рабочих других профессий, что интересы любой группы рабочих касаются интересов всего рабочего класса. Ввиду работавшего тогда в Англии большого количества иностранных рабочих эта забастовка показала, кроме того, что борьба английских рабочих, является вместе с тем борьбой французских, немецких и др. рабочих. В итоге — стачка эта содействовала сближению рабочих масс. Непосредственно это сказалось на рабочем движении самой Англии, где в это же время в Лондоне объединились все профсоюзы в Совет Профессиональных Союзов, во главе которого стали трое рабочих: Оджер, Кремер, и Гоуэл, игравшие затем одну из первых ролей в создании Интернационала. По примеру Лондонского Совета Профсоюзов начинают создаваться и в других местностях Англии также профсоюзные объединения, выдвигавшиеся в первом ряду в качестве органов для руководства политической и экономической борьбы рабочих масс.

Довольно значительный подъем рабочего движения начинается к началу 60-х г.г. и во Франции, где кризис 1857-1858 г.г. оставил не меньший, чем в Англии, след, как на состоянии промышленности, так и на положении рабочего класса. К этому периоду вновь начинают оживать старые социалистические группы, среди которых значительным влиянием в это время пользуется теория Прудона (который в это время жил еще), проповедывающего мютуализм, т. е. что центральной задачей рабочего класса должна быть взаимопомощь. Прудонисты были против стачек, против непосредственной политической борьбы; их программа переустройства общества зиждилась не на свержении буржуазии, а на мирной почве рабочей взаимопомощи. Кроме прудонистов, мы находим в эту эпоху во Франции еще два других оттенка социализма: один возглавлялся Арманом Леви, пытавшимся превратить прудонистское движение в своего рода зубатовщину*, второй оттенок объединял революционеров бланкистского толка, проповедывавшего свержение капитализма посредством вооруженного восстания, заговорщическим образом подготовленного. Среди видных бланкистов этого периода мы находим Поля Лафарга и Шарля Лонге, оба стали впоследствии выдающимися марксистами. Таково в кратких чертах состояние рабочего движения к началу 60-х г.г. во Франции.

Таким образом, в начале 60-х годов рабочее движение во Франции и Англии, а также и в других странах Запада вышло из того состояния задушенности, в которое оно было загнано реакцией 1848—1850 г.г. Вскоре события международного характера послужили поводом к тому, чтобы рабочее движение расширилось за рамки национальных до рамок интернациональных. Эти события следующие: гражданская война в Соединенных Штатах Америки, всемирная выставка в Лондоне (1862 г.) и польское восстание в России (1863 г.).

* Зубатов в конце XIX столетия был начальником охранного отделения в Москве. Он убеждал, что рабочим не надо заниматься политикой, что их экономические требования наилучшим образом могут быть удовлетворены при царском самодержавии. «Зубатовщина» по существу — попытка обеззубить рабочее движение.

В Соединенных Штатах в начале 60-х гг. встал вопрос об уничтожении рабства, ставшего на пути экономического развития. Спор между Южными, стоявшими за сохранение рабства, и Северными Штатами, повлекшими борьбу за уничтожение института рабства, привел к ожесточенной гражданской войне между Югом и Севером. Эта война не замедлила отразиться на экономическом положении Европы, так как Соединенные Штаты Америки были в то время почти монопольным производителем хлопка, которым питалась европейская текстильная промышленность. Европа, начавшая оправляться после кризиса 1857—1858 гг., снова очутилась перед огромным сокращением производства, в первую очередь в текстильной промышленности, и, в зависимости от этого, перед сильным вздорожанием всех родов сырья. Началась массовая приостановка текстильных фабрик и вместе с тем огромная безработица в текстильной промышленности всей Европы.

Лондонский Совет Профсоюзов взял на себя инициативу в организации помощи. Был создан специальный комитет, среди руководителей которого находятся те же рабочие, которые руководили Советом Профсоюзов. С той же целью был создан подобный комитет и во Франции. Французские и английские рабочие уже были связаны после встречи на всемирной выставке в Лондоне. 5 августа 1862 г. состоялся торжественный прием 70 французских рабочих делегатов их английскими товарищами. В речах участников этого торжества высказывались мысли, что рабочим всех стран необходимо объединиться и создать международное объединение для защиты своих интересов, которые совпадают для всех рабочих, вне зависимости от страны, в которой они живут, и от нации, к которой они принадлежат. Эта всемирная выставка, на которой произошло братание между французскими и английскими рабочими, положила основание сношениям между рабочими этих стран. Эти сношения проявились во время хлопкового кризиса, когда были созданы вышеупомянутые комитеты, и особенно проявились во время польского восстания против царского гнета.

Польское восстание было жестоко подавлено. Царский прислужник, вешатель Муравьев, производил такую расправу над польскими повстанцами, что друзья „свободолюбивого“ Александра II—правительства стран Запада вынуждены были предоставить полную свободу действий защитникам польских повстанцев. Во многих европейских странах, в особенности в Англии и Франции, происходит ряд митингов, протестующих против царских палачей. Во Франции для защиты поляков организуется комитет, во главе которого становятся рабочие Толэн и Перрашон. В Англии во главе движения в пользу поляков становятся от рабочих—Кремер и Оджер, а от радикальной интеллигенции—профессор Бизли.

На огромном митинге, состоявшемся в апреле 1863 г. под председательством Бизли, после горячей речи Кремера в пользу защиты польских повстанцев, была принята резолюция, которая призывает французских рабочих к совместным действиям в пользу поляков посредством давления на правительства своих стран с целью добиться вмешательства в защиту разгромленной Польши. По получении этой резолюции представители французских рабочих начали готовить ответный адрес, который они должны были прочесть на международном митинге, состоявшемся 22 июля 1863 г. под председательством того же Бизли. От английских рабочих на этом митинге выступали Оджер и Кремер, от французских—Толэн. На этом митинге речь шла только о польском вопросе. Все ораторы доказывали необходимость восстановления неза-

На другой день после этого митинга состоялось другое собрание, созванное по инициативе Лондонского Совета Профсоюзов и состоявшее из одних рабочих, без участия буржуазных элементов. На этом собрании шла речь о создании более тесной связи между английскими и континентальными рабочими. Такая тесная связь вызывалась не столько соображениями принципиального характера, сколько вопросами практики. Во многих отраслях английской промышленности работали иностранные рабочие. В строительной, мебельной и художественной промышленности работало много французов. Английские профессионалисты искали возможность распространять свое влияние на приезжающих в Англию иностранных рабочих, что легче всего могло быть достигнуто при помощи организации, куда входили рабочие разных национальностей. Принято было решение, что английские рабочие обратятся с адресом к французским рабочим по затронутым на совещании вопросам. Одним из главных авторов адреса являлся Оджер. Среди других мотивов необходимости создания тесной связи между рабочими разных стран в этом адресе находим следующий: „Братство народов крайне необходимо в интересах рабочих. Ибо каждый раз, когда мы пытаемся улучшить свое положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, капиталисты грозят нам привлечением французских, бельгийских, немецких рабочих, которые могут выполнить нашу работу за более низкую плату“.

Парижским рабочим адрес был отправлен в французском переводе в ноябре 1863 г. Этот адрес послужил в качестве материала для агитации по мастерским, где он подробно обсуждался. Ответный адрес был готов в сентябре 1864 г. В этом послании французских рабочих мы, между прочим, читаем следующее:

„Вынужденные силою вещей в потребностях времени, капиталисты объединились в могущественные финансовые и промышленные союзы. Если мы не примем мер обороны, мы будем беспомощно разданы. Мы, рабочие всех стран, должны объединиться и поставить непреодолимую преграду порядку вещей, угрожающему разделить человечество на массу голодных и озверелых людей—с одной стороны, и на клану денежных тузов и откормленных китайских болванов,—с другой. Будем помогать друг другу в достижении нашей цели“.

После речей на митинге, где был прочитан этот адрес, представитель английских рабочих Уилер внес следующую резолюцию: „Собрание приняло ответ наших французских братьев на наш адрес. Мы еще раз приветствуем их, а так как их программа должна содействовать объединению рабочих, то мы принимаем ее, как основу международного союза. В то же время постановляем избрать комитет, который будет уполномочен увеличить число своих членов и разработать проекты правил и статуты предполагаемого союза“.

Эта резолюция была единогласно принята, и собрание приступило к выбору комитета из 21 человека для выработки устава.

Комитет пополнился затем посредством приращения новых сил. Основание Интернационала было положено.

От основания Интернационала до Парижской Коммуны.

Как видим, в весь предшествовавший основанию Интернационала период и во всей подготовительной работе к созыву международного митинга 28 сентября Маркс не фигурирует. Совершенно ошибочно поэтому сравнивать роль Ленина с момента возникновения идеи о III Интернационале, подготовки созыва и проведения первого конгресса III Коминтерна с ролью Маркса при основании Первого Интернацио-

нала. С момента распада Союза коммунистов до начала своей работы в Генеральном Совете Интернационала Маркс не участвовал ни в каких организациях. Для подтверждения этого достаточно привести следующее рассуждение по этому поводу самого Маркса на его письме к Вейдемейеру: «Хотя я в течение ряда лет систематически отклонял от себя всякое участие в „организациях“, по все же на этот раз принял приглашение: дело идет о чем-то, быть может, значительном». Разве можно сказать что-нибудь подобное про Ленина, который был душой и телом организации и ни минуты не мог мыслить себя вне организации? Вот почему эти два момента в деятельности двух великих пролетарских вождей — несравнимы.

Но в день основания Интернационала, на описанном выше международном митинге 28 сентября, Маркс „присутствовал безмолвно, сидя на эстраде“, пишет Меринг. Если, как пишет сам Маркс, он в этот период стоял вдали от организаций, то каким образом он попал на этот митинг и даже был избран в члены комитета? На этот вопрос даст исчерпывающий ответ следующая записка, которую тов. Рязанов нашел в бумагах Маркса и опубликовал в своей книге („Маркс и Энгельс“). „Господину Марксу. Милостивый государь. Комитет по организации митинга просит Вас почтительно не отказать в своем присутствии. Предъявление настоящей записки даст вам доступ в ту комнату, где в семь с половиной часов собирается комитет.“

Преданный Вам Кремер*.

Эта записка Кремера разъясняет многое, что до опубликования ее было неясно. Вполне основательно предположить, что Кремер и другие деятели английского рабочего движения того времени знали о Марксе от руководителей „Лондонского Коммунистического Корреспондентского Комитета“ и от тех немецких эмигрантов (Эккартуса, Мелера и др.), с которыми они поддерживали связь. Будучи избран членом комитета и почувствовав, что „речь идет о чем-то значительном“, Маркс с первых шагов деятельности Интернационала становится идейным вождем его.

На первом заседании Комитета решили назвать созданное общество „Международным Обществом Рабочих“, затем была избрана подкомиссия для выработки программы и устава. В эту подкомиссию был включен Маркс, который затем внес проект учредительного адреса и устава, принятого 1-го ноября 1864 г.

Одновременно с принятием учредительного адреса и устава было решено созвать в 1865 г. в Брюсселе международный конгресс для окончательной выработки и принятия устава и для выбора постоянного Генерального Совета. Ввиду того, что силы Интернационала начали расти и связь его с рабочими многих стран расширялась и укреплялась, буржуазия подвала вой. Первым откликом на вой перепуганной, таким образом, созов конгресса был неосуществим. Решено было созвать в сентябре 1865 г. конференцию в Лондоне. На конференцию съехались представители Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии, Италии и др. Главным предметом обсуждения был вопрос об усилении работы среди континентальных рабочих, слабость движения которых отмечалась на конференции. Было принято отложить утверждение устава Интернационала до общего международного конгресса.

Первый Всеобщий Конгресс Интернационала состоялся в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 г.). В нем приняло участие 60 представителей от 25 секций Интернационала (45 делегатов) и 11 кооперативных това-

ришеств (15 делегатов). После обсуждения Конгресс принял устав и занялся другими вопросами порядка дня, среди которых следует отметить вопрос о введении 8-ми часового рабочего дня, о профсоюзах, о часовом рабочем дне, как максимума рабочего времени; резолюции о профсоюзах подробно останавливаются на роли профсоюзов в прошлом и настоящем и призывает рабочих сплотиться в своих классовых организациях; относительно постоянной армии Конгресс высказался за народную милицию и против постоянной войска. Конгресс утвердил единый состав Генерального Совета, назначил местом его пребывания Лондон и постановил созвать следующий Конгресс в сентябре 1867 г. в Лозанне.

Почти одновременно с международным Конгрессом в Женеве происходил в Балтиморе съезд американских рабочих, который постановил присоединиться к Интернационалу. Об этом съезде Маркс пишет Кугельману следующее: „Большое удовольствие доставил мне происходивший одновременно американский конгресс в Балтиморе. Организация для борьбы против капитала — таков был здесь лозунг, и замечательно, что верный инстинкт рабочих заставил их выставить в Балтиморе почти те же требования, которые я выставил для Женевы“.

Женевский Конгресс привлек внимание многих рабочих, живо интересовавшихся отчетами о Конгрессе. Рост влияния Интернационала пошел ускоренным темпом. Период организации заканчивался, начался период собирания сил. Развернувшиеся вследствие наступившего в 1866 г. экономического кризиса конфликты между трудом и капиталом, как в Англии, так и на континенте, вызвали сплочение капиталистов в локауты. Интернационал энергично реагировал на волну рабочего движения и, по мере возможности, поспешил на помощь борющимся рабочим. Эта помощь бастующим рабочим выражалась в том, что Интернационал через свои секции влиял на то, чтобы затруднить капиталистам возможность ввозить иностранных рабочих для замены бастующих. Кроме того, Интернационал организовывал денежные сборы в пользу бастующих. Многие стачки в Бельгии, во Франции, Англии, Швейцарии протекали при активном участии местных секций Интернационала. Международное Товарищество Рабочих начало завоевывать симпатию все новых и новых слоев пролетариата. За год, прошедший от первого до второго Конгресса, Интернационал сделал огромный шаг по пути внедрения в рабочую массу мысли, что вне международного сплочения своих сил пролетариату не освободиться от цепей капиталистического рабства.

Второй Конгресс Интернационала, происходивший в Лозанне с 2 по 8 сентября 1867 г. собрал 71 делегата и отмечал, что Генеральный Совет провел со времени Женевского Конгресса большую работу. В отчете Генерального Совета о положении секций особое место занимает Англия, где за этот период времени был выдвинут вопрос о расширении избирательного права, и было развито по этому поводу значительное движение, непосредственно руководимое членами английской секции Интернационала.

Одним из животрепещущих пунктов порядка дня Лозаннского Конгресса явился вопрос об отношении к войне и пацифистским мечтам о мире. Вопрос этот требовал немедленного разрешения потому, что одновременно открылась в Женеве конференция буржуазной „Лиги мира и свободы“, пославшая приглашение Конгрессу Интернационала с предложением принять участие в этой мирной конференции. В ответ на это приглашение Конгресс принял резолюцию, в

которой резко проводится принципиальная граница между буржуазными мечтами о мире и пролетарской ненависти к войнам за интересы капиталистического отечества. В заключении резолюция с иронией заявляет „о полном и решительном вступлении Интернационала в Лигу мира при том условии, что она примет программу Интернационала“.

Другим наиболее важным вопросом, вокруг которого разгорелась живейшая дискуссия, был вопрос о том, зависит ли экономическое освобождение рабочего класса от того политического положения, которое занимает в современном буржуазном обществе пролетариат. Вопрос о связи между политикой и экономикой был поставлен во всю ширь сторонниками Маркса, но ясного ответа Конгресс не дал на этот вопрос, а была принята туманная резолюция, в которой не было ни слова о необходимости для пролетариата в интересах своего освобождения захвата власти.

К Интернационалу в промежутке между вторым и третьим конгрессом присоединился ряд организаций, существовавших разрозненно в разных странах. Силы Интернационала росли, но буржуазия также не дремала. В Пруссии присоединение к Интернационалу было воспрещено, бельгийское правительство, озлобленное поддержкой Интернационалом бастовавших в Шарлеруа горнорабочих, начало угрожать, что не позволит подстрекателям из „Международного Товарищества Рабочих“ заседать в Брюсселе, во Франции правительство Луи Бонапарта состроило процесс против французских членов Интернационала с Толэном во главе. Все эти меры не в состоянии были приостановить растущей силы Интернационала. Процесс французских членов Интернационала дал обратные ожидавшиеся правительство результаты: представитель обвиняемых, Толэн, так построил свою защитительную речь, что она явилась ярким обвинительным актом против французской буржуазии и ее правительства. Этот процесс привлек внимание широких масс парижских рабочих и познакомил их поближе с деятельностью Интернационала.

Правительственные репрессии оказались слабее жизненных сил рабочего класса. Не только сам Генеральный Совет отмечал успехи Интернационала, но и враги его не могли не признать их. Например, орган английской буржуазии „Таймс“ вездало до третьего Конгресса писал в одной статье об Интернационале: „чтобы найти что-либо аналогичное этому рабочему движению, нужно было бы вернуться к эпохе возникновения христианства и возрождения античного мира“.

В обстановке растущего рабочего движения собрался в Брюсселе Третий Конгресс, заседавший с 6 по 13 сентября 1868 г. На этом Конгрессе присутствовали 99 делегатов, среди которых было большое число бельгийцев. Среди вопросов порядка дня Конгресса особенный интерес представляют пункты, в которых речь шла: 1) о поведении рабочих всех стран в случае войны и 2) о стачках и организациях сопротивления. Резолюция, принятая единогласно Конгрессом по вопросу о войне, рекомендует рабочим приостановку всех работ, а народам — стачку против войны. Эта резолюция, внесенная Толэном, отмечает, что только социальная революция может навсегда положить конец войнам. Резолюция представляла собою огромный шаг вперед тем, что вплотную поставила вопрос о всеобщей стачке в случае возникновения войны. По вопросу о стачках и организации сопротивления, прудонисты предлагали ограничиться созданием „обществ сопротивления“, своего рода ремесленных союзов чисто цехового типа. Конгресс принял обстоятельную резолюцию, которая не признает стачку средством.

способным освободить рабочего, но признает ее, как вещь неизбежную в условиях современного строя. И в качестве организаций, способных руководить борьбой пролетариата, резолюция рекомендует создание профессиональных союзов и их национальное объединение.

Одним из наиболее важных принципиальных вопросов, при разрешении которого разгорелся ожесточенный спор между прудонистами и сторонниками полной отмены частной собственности на средства и орудия производства, был вопрос о национализации земли. Прудонисты, которые соглашались еще на превращение средств промышленного производства в коллективистскую собственность, категорически возражали против национализации земель. Большинство Конгресса стало, однако, на коллективистскую точку зрения, приняв резолюцию о необходимости экспроприации в пользу рабочего государства всех видов частной собственности на средства и орудия производства. Коммунизм победил на Брюссельском конгрессе. Однако, прудонисты настаивали на том, чтобы этот вопрос был снова обсужден на следующем Конгрессе. Это предложение было принято. Тогда прудонисты начали готовиться к бою по этому кардинальному принципиальному для них вопросу и сплачивать свои силы, во главе которых стал русский революционер Михаил Бакунин.

Период между III и IV Конгрессом отмечен в истории Интернационала, как один из самых боевых периодов. Рабочее движение принимает острые формы и во многих местах приводит к кровавым столкновениям, которые произошли в течение 1869 г. в Англии, Бельгии, Швейцарии, Франции. Даже в такой стране, как Англия, где до того времени рабочее движение было относительно мирным, происходит кровавое столкновение между забастовавшими горнорабочими в Уэльсе и войсками. Настоящая бойня была устроена бельгийскими рабочими Боринажа и Серены. Последствием гнусной расправы правительства с рабочими был рост числа членов Интернационала в Бельгии — до 64.000.

В такой обстановке собрался Четвертый Конгресс Интернационала. Этот Конгресс заседал в Базеле с 6 по 13 сентября 1869 г. и в нем приняло участие 78 делегатов, среди которых был и Бакунин в качестве члена французской делегации. В виду того, что с появлением дезорганизаторских элементов в некоторых секциях наблюдалось недостаточное последовательное проведение решений Конгрессов, Экарнаус от имени Генерального Совета внес предложение о предоставлении последнему права исключать всякую секцию, поступающую вразрез с духом Интернационала, с той, однако, оговоркой, что санкция этого исключения остается за Конгрессом. Это предложение встретило сочувствие всего Конгресса, в том числе и Бакунина, который предложил предоставить в этом отношении еще больше прав Генеральному Совету, что, однако, не помешало ему и его сторонникам выступить впоследствии ожесточенно против „диктатуры“ Генерального Совета, когда это постановление Базельского Конгресса обратилось против самого Бакунина и его друзей.

На Базельском Конгрессе вновь обсуждался вопрос о коллективизме и право на национализацию земли. При предварительном обсуждении этого вопроса в Генеральном Совете Маркс указывал на то, что такое право уже существует, только не в пользу угнетенных, а в пользу угнетателей, так как монарх в Англии является номинальным владельцем всей национальной земли. Конгресс вновь, как и год тому назад в Брюсселе, огромным большинством высказался за право общества превратить землю в пользу государства. Местом ближайшего Конгресса Интернационала был назначен Париж.

Те полтора года, которые отделяют Базельский Конгресс от Парижской Коммуны, могут быть отмечены в истории „Международного Общества Рабочих“ как период высшего расцвета его. Широко раскинулось влияние Интернационала, усилилась атака. Сильные репрессии начали применяться против членов Интернационала во Франции после провокационного „покушения“ на Наполеона. Это понудило Генеральный Совет выпустить воззвание, в котором он протестует против клеветнической кампании буржуазии и ее охранных, отменяет созыв Конгресса в Париже, вместо которого намечается город Майнц, где Конгресс должен был открыться 5 сентября 1870 г.

Но вспыхнувшая франко-прусская война, затем свержение провозглашенной 18 марта 1871 г. Парижской Коммуны, потопленной в крови парижских рабочих, помешали своевременному созыву Пятого Конгресса.

Распад Интернационала.

Во главе восставших парижских рабочих стояли члены Интернационала. Последний целиком поддерживал Коммуну. Клич „Война дворцам, мир хижинам“, раздававшийся на улицах Парижа, был встречен с энтузиазмом всеми секциями Интернационала. Но одного энтузиазма было недостаточно, чтобы поддержать Коммуну. К восстанию в других странах рабочий класс еще не был подготовлен, как показала действительность. Парижская Коммуна была побеждена палачами капитала.

С разгромом Коммуны была разгромлена французская секция, много членов которой были расстреляны, а оставшиеся в живых бежали от виселицы за границу. Жестоким репрессиям подвергались на рабочих организациях и в других странах. На смерть перепуганная Коммуной буржуазия мстила рабочим за отвагу их парижских товарищей. Интернационал значительно ослаб. Необходимо было устроить смотр сил при новой обстановке, создавшейся после падения Коммуны.

Генеральный Совет решил поэтому созвать конференцию, которая заседала в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г. В этой конференции приняли участие 23 делегата, из которых 13 членов Генерального Совета Интернационала. Конференции пришлось заняться вопросом дезорганизаторских действиях, направленных против Интернационала и связанных себе гнездо в юрской федерации, душой которой был Бакунин. Дело в том, что Бакунин до вступления в Интернационал основал „Международный Союз Социальной Демократии“, известный под названием „Альянс“, программа которого в корне противоречила принципам Интернационала. „Альянс“ обратился (в 1868 г.) в Генеральный Совет с просьбой принять его в свой состав, предоставив ему право сохранить свою особую программу и организацию. Генеральный Совет отклонил просьбу „Альянса“. Тогда руководители Альянса с Бакуниным во главе решили схитрить, лишь бы добиться своей цели: они объявили „Альянс“ распущенным и предложили Генеральному Совету принять в состав Интернационала отдельные секции распущенного „Альянса“. На это Генеральный Совет согласился. Со вступлением Бакунина и его друзей раскол Интернационала был неминуем, потому что бакунисты, не имея всех классов вместо уничтожения классов, были в корне несогласны с существованием Интернационала в качестве классовой организации пролетариата. Бакунину удалось упорчить влияние „Альянса“ не только в Швейцарии, но и в Испании и Италии. Распространению

мелко-буржуазного анархизма, прикрытого революционной фразеологией, способствовало то настроение, которое овладело рабочим классом после падения Коммуны.

Поэтому Лондонская конференция занялась вопросом о сепаратистских выступлениях юрской федерации, предвидя назреваемый раскол в Интернационале. Карл Маркс, принявший участие в работах конференции, предложил провести более строгую централизацию и расширить полномочия Генерального Совета в борьбе с непокорными постановлениями Интернационала секциями. Это предложение Маркса было принято. Конференция, кроме того, приняла постановление о том, чтобы право называть себя Генеральным Советом было бы предоставлено только центральному Совету Интернационала, центральные же Советы отдельных секций должны были называться федеральными комитетами. Далее конференция отметила необходимость усиления работы среди женского пролетариата и была принята очень важная для рабочего движения резолюция относительно усиления связи с профсоюзами отдельных стран.

После Лондонской конференции Бакунин со своими единомышленниками открыто поднял форменное восстание против Интернационала. Бакунисты не замедлили созвать 12 ноября 1871 г. съезд своих приверженцев в Швейцарии, и этот съезд выпустил циркулярное обращение ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих. В этом обращении объявляются недействительными постановления Лондонской конференции и отмечается, что Интернационал повел борьбу ради отстаивания доктрин Маркса, сторонники которого ввели для достижения своих целей диктатуру большинства над меньшинством. Юрцы требовали установления принципа автономности для отдельных федераций, отмены всяких „приказов“ сверху, свободу проведения взглядов меньшинства и т. п. Это циркулярное обращение было разослано во все секции Интернационала, и Юрская федерация поставила себя таким образом в качестве второго центра, параллельного Генеральному Совету, которому открыто объявлена была война. Бакунистам удалось сплотить значительную оппозицию против Интернационала в латинских странах (в Испании и Италии).

Помимо дезорганизаторской деятельности Бакунина и его единомышленников, направленной ко взрыву Интернационала изнутри, после разгрома Парижской Коммуны сильно ослабела немецкая секция, вследствие правительственных репрессий, принятых против руководителей рабочего движения (заточение в тюрьму Бебеля, Либкнехта), а в Англии началось движение против Генерального Совета, солидаризовавшегося под руководством Маркса со всеми „ужасами“ террора Коммуны. Одним из возмущившихся подобным поведением Генерального Совета явился не кто иной, как Оджер, который при основании Интернационала был одним из активнейших руководителей его, а теперь вместе со своими английскими единомышленниками демонстративно ушедший из Интернационала. Нечто подобное мы наблюдаем и в нашу эпоху в лице Леви, Фроссара, Хеглунда, бегущих из штаба революции. — III Интернационала в лагерь буржуазии, как тогда Оджер и компания дезертировали из I Интернационала.

При таком положении дел начали готовиться к предстоящему конгрессу обе стороны. Бакунисты развили большую деятельность в подготовке атаки против Генерального Совета, марксисты не менее энергично готовились к отпору. Но обе стороны предвидели, что столкновение неминуемо. В такой атмосфере собрался в Гааге Пятый Конгресс, заседавший с 2 по 7-ое сентября 1872 г. На этом Конгрессе присут-

ствовал 61 делегат, среди них был Карл Маркс, впервые лично присутствовавший на Конгрессе. Энгельс также был среди делегатов, Бакунина отсутствовал. Точка зрения Маркса относительно необходимости для рабочего класса политической борьбы и для руководства ею централизованного Интернационала собрал большинство, сторонники Бакунина, предлагавшие ограничить права Генерального Совета, прекратив его в Бюро корреспонденции и статистики, предоставить полную автономии отдельным секциям, рекомендовать рабочим сторониться политической борьбы, а захватывать отдельные города и устраивать Коммуны и т. п., собрали меньшинство голосов Конгресса. Конгресс подтвердил все принципиальные решения прежних Конгрессов относительно права национализации земли, необходимости политической борьбы, приветствовал борцов Коммуны, а затем занялся вопросом о дезорганизаторской деятельности Бакунина и его сторонников. Была создана комиссия, которая рассмотрела все документы, относящиеся к „Альянсу“, и установила, что это общество, руководимое Бакуниным и Гильомом, и продолжало существовать внутри Интернационала после того, как объявила себя распущенной. Конгресс постановил исключить Бакунина и Гильома из Интернационала.

Ввиду того, что тогдашнее политическое положение в Европе не давало уверенности, что Генеральный Совет может работать в какой-либо стране без боязни быть захваченным вместе с архивом, Маркс и Энгельс решили внести предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. После долгих споров это предложение было принято. Был избран Генеральный Совет из 12 членов, которому было предоставлено право кооптации. Местом созыва следующего Конгресса была намечена Швейцария.

Гаагский Конгресс является по существу последним Конгрессом первого Интернационала, хотя формально за ним последовал еще один Конгресс, созванный в Женеве в 1873 г. (с 8 по 13 сент.). Этот Конгресс показал, что Интернационал окончательно распался, так как в Женеву из представителей секций явился только один австриец и один немец. Остальные участники были женеццы. Даже от Генерального Совета никого не было. Генеральный Совет, генеральным секретарем которого был личный друг Маркса и Энгельса, Зорге, после своего переезда в Нью-Йорк потерял связь с европейскими секциями. Это подтвердилось в Женеве. Продолжавший существовать в Нью-Йорке Генеральный Совет фактически ничем не руководил и никого не объединял. Наконец, оставшиеся в Нью-Йорке члены Генерального Совета создали конференцию из представителей Американской Федерации, и эта конференция объявила Первый Интернационал распущенным.

Преемники Первого Интернационала.

Из изложенного видно, что главной задачей своей I Интернационал ставил себе — создать Международную Коммунистическую Партию, способную служить боевой армией рабочего класса, вынужденного из-за экономического развития современного общества вести войну с свержением класса капиталистов. Конечная цель Интернационала была, — как это видно еще из первого параграфа устава „Союза коммунистов“, — основание нового общества без классов и частной собственности. Попытка осуществления программы Интернационала была сделана парижскими рабочими в 1871 г. Разгром Парижской Коммуны был смертельным ударом для Интернационала, который вскоре перестал

существовать, как мы видим из вышесказанного. Но что следует отметить в деятельности I Интернационала за весь период его существования, это то, что он со дня его основания до последних дней своей политической жизни оставался на **классовой** позиции, никогда не сходя с пути, ведущего к победе пролетарской революции.

Эпоха 60—70-х гг. не подготовила еще пролетариат к этой революции. Капиталистическое производство было уже достаточно развито, но расцвет его еще не был тогда достигнут. Высшей позиции своей капитализм достиг лишь в следующий за эпохой I Интернационала период — приблизительно в 1880—1910 гг. Но Первый Интернационал оставил по себе такие глубокие следы в рабочем движении отдельных стран, что идея о необходимости международного объединения рабочего класса не могла уже умереть. И, действительно, рабочее движение конца 80-х гг. прошлого столетия снова настолько окрепло, что в состоянии было возродить Интернационал.

В июле 1889 г. в Париже был основан II Интернационал, который на протяжении своего 25-летнего существования (до мировой войны 1914 г.) прошел извилистый путь, сведший его с революционной позиции, которую он занимал на первых порах своего существования, до той роли, которую он играет в наши дни в лице Макдональдов, Реноделей, Стаунингов и пр. Второй Интернационал нашего времени является реакционной силой, играющей самую черную контрреволюционную роль, потому что он пытается использовать оставшееся у него от прежнего времени влияние на рабочие массы против пролетарской революции.

Второй Интернационал нашего времени сохранил лишь вывеску довоенного II Интернационала, потому что он является теперь Интернационалом правительственных партий господствующей буржуазии. Существовавший теперь II Интернационал предал полному забвению все те резолюции и постановления, которые принимал довоенный II Интернационал на девяти Конгрессах, созванных за период 1889—1914 гг. Даже решения и постановления Конгрессов предвоенного периода, когда Второй Интернационал уже превратился в насквозь пропитанную оппортунизмом организацию, теперь кажутся героям послевоенного II Интернационала бессмысленными увлечениями молодости, от которых интернационалы Вандервельдов, Шейдеманов и К^о совершенно излечились, став открыто интернационалом правящей буржуазии.

Наша партия, в лице т. Ленина и его единомышленников, предвидела возможность подобного перерождения Интернационала. На международных Конгрессах II Интернационала партия вела героическую борьбу против оппортунизма и соглашательства. Но число сторонников Владимира Ильича во II Интернационале было столь незначительно, что не в состоянии было оказать сколько-нибудь заметное влияние на **коренное** изменение политики Интернационала. Самое большое, что удавалось той незначительной количественно группе последовательных революционных марксистов, которая находилась в недрах II Интернационала, это — вставить поправку в той или другой резолюции, которая на завтра же после ее принятия забывалась Вандервельде и К^о, являвшимися руководителями Интернационала. Война 1914 г. лишь обнажила с чудовишной циничностью ту сущность II Интернационала, которая и прежде составляла душу его, но внешне была прикрыта революционной фразеологией.

Вот почему, когда разразилась война и открытый переход Интернационала на сторону буржуазии стал фактом, Владимир Ильич не замедлил провозгласить: „II Интернационал умер, да здравствует III

Интернационал! Этот лозунг многим казался тогда не так легко осуществимым. Даже те интернационалистские элементы, которые в время войны поколебались и собрались в Циммервальде (в сентябре 1915 г.), чтобы объединиться для борьбы с социал-патриотизмом, в большинстве своем не соглашались с тем, что II Интернационал умер и необходимо создать новый III Интернационал. Так же отнеслось к этому вопросу большинство конференции, собравшейся в Кинтале (в апреле 1916 г.).

Победа русского пролетариата в октябре 1917 г. создала реальную почву для основания нового III Коммунистического Интернационала, первый Конгресс которого заседал в Москве с 2 по 5 марта 1919 г. III Коминтерн, создателем и руководителем которого был т. Ленин, является последовательным преемником программы и тактики I Интернационала, духовным вождем которого был Маркс и Энгельс. Эту преемственность Первый Конгресс подчеркнул в своем манифесте к пролетариату всего мира. В этом манифесте читаем: „Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возведена 72 года тому назад“, т.е. программа, изложенная в „Коммунистическом Манифесте“ и являвшаяся вместе с тем программой I Интернационала, служит почвой, на которой построил свою программу и тактику III Коммунистический Интернационал. Во главе III Интернационала естественно стала РКП (б), закаленная в боях под руководством величайшего из пролетарских вождей В. И. Ленина.

Если I Интернационал помог пролетариату осознать себя, как класс, если II Интернационал способствовал собиранию пролетарских сил, то III Интернационал эти силы закаляет для победоносной борьбы против буржуазного общества.

ЛИВШИЦ.

Социальные невзгоды в жизни Карла Маркса.

Из писем Маркса к Энгельсу.

I.

История знает, какие неисчислимые жертвы принесены народами на алтарь социалистического движения. Но эти отмеченные историками жертвы являются, главным образом, физическими, павшими от нанесенных, непосредственно или посредственно, врагом ударов. Эти жертвы, жертвы тюрем, ссылки, виселиц, эшафотов и расстрелов, заполняют целые томы будущей истории всемирного революционного движения. Но очень мало еще занесено в историю фактов личных и психологических переживаний идеологов и передовых борцов народного движения; мало отмечено фактов и приемов, какие проявлялись и проявляются буржуазными демагогами для психологического влияния на широкие народные массы. Поэтому здесь же отметим один из таких приемов, жертвой которого стал также один из величайших людей прошлого столетия наш учитель—Карл Маркс.

Как известно, широкое социалистическое движение пролетариата породило также сильное движение и среди буржуазии, которая всеми силами старается завербовать рабочих в устраиваемые ею организации для того, чтобы подчинить их своему влиянию и отвлечь от социалистического движения.

И чтобы иметь больший успех, буржуазия всячески старается очернить противное ей социалистическое движение, с этой целью прибегает ко всяким демагогическим приемам, придерживаясь того положения, что цель оправдывает средство, и в первую голову стрелы направляются в сторону руководителей противного лагеря.

Одним из таких приемов, которыми думают нанести удар прямо в сердце, есть широко распространенное слугами капитала мнение, будто идеологи и передовые борцы жили и живут на заработанные тяжелым трудом рабочих деньги, а сами лентяйничают и бездельничают. И это распространяемое мнение не есть что-нибудь новое,—оно так старо, как старо само рабочее движение.

Уже Карл Маркс, еще при жизни, был заброшен его противниками подобной грязью и эта клевета распространилась еще долго после его смерти. И теперь еще среди европейской буржуазии, при упоминании имени Маркса, как у нас в России „пигалистов“, можно услышать такое мнение, что такие революционеры есть тот тип революционе-

ров-агитаторов, который представляет собою лентяев, поддерживаемых тайными комитетами, и шатающихся по миру для того, чтобы подстрекать народные массы к уничтожению существующего капиталистического строя. Но как раз, во всей великой армии передовых борцов за освобождение пролетариата, никто так сильно не страдал от этих распространяемых грязных слухов и от гнета капитализма, как величайший из них — Карл Маркс.

Маркс, от которого буржуазия отрешивается руками и ногами, в рядах рабочих еще и поныне считается сыном буржуазии. В действительности же Маркс, дух которого витал только в области социальной революции, в позднейшей своей жизни, унаследовал от буржуазии только свое голое происхождение и принадлежал тому классу до тех пор, пока начал самостоятельно мыслить.

Правда, Маркс имеет отношение к господствующему классу еще и потому, что был женат на дочери прусского государственного советника барона фон-Вестфалена. Но и женитьба эта, по всей вероятности, не состоялась бы, если бы не надежды бар. фон-Вестфален на то, что жених его дочери, доктор философии Карл Маркс вскоре займет профессорскую кафедру. Надежды эти, однако, не оправдались; вместо профессуры Маркс занялся редактированием основанной им „Рейнской Газеты“.

С выходом „Рейнской Газеты“ его отчужденность от класса буржуазии уже подчеркивается самым резким образом.

„Рейнская Газета“ ярко определяет революционные идеи Маркса. Вскоре она обращает на себя внимание администрации, которая высылает редактора из Пруссии, а газета приостанавливается. Вместе с высылкой в жизни Маркса наступает резкая перемена. После высылки из Пруссии Маркс поселился в Париже. Там жизнь его уже носит на себе тяжелый отпечаток. Марксу было страшно тяжело смотреть, как „рейнская душа“ его молодой жены томилась, скучая по родине. Материальная сторона жизни также не ласкала его.

Маленькое состояние, которое раньше имелось у Маркса, было истрачено на издание „Рейнской Газеты“, после высылки даже остались долги. Посылаемые им в Германию литературные труды попадали под запрет прусско-германской полицейской цензуры, да и сами буржуазные книгоиздатели ему их охотно возвращали обратно. Но в Париже Маркс все же кое-как перебивался.

Вместе с наступившими революционными событиями 1848 года, пребывание Маркса в Париже стало преследоваться, и в конце концов французское правительство нашло его для себя опасным элементом и выслало за пределы города.

В письме к Энгельсу от 28 августа 1849 г., Маркс по этому поводу сообщает:

„Я выслан в департамент „Morbihan“, в поитинские бозота Бретани. Ты, конечно, поймешь, что на такую откровенную попытку меня убить я не могу согласиться, и я покидаю Францию. В Швейцарии мне паспорта не хотят давать и я вынужден ехать в Лондон“...

И в Лондоне у величайшего из пролетарских идеологов начинается настоящая пролетарская жизнь, в самой ее неприглядной форме. Жизнь Маркса, о котором врагами из буржуазного лагеря распространялись слухи, что он эксплуатировал рабочих, а сам лентяйничал, — благодаря социальным невзгодам, причиной которых явилась господ-

ствовавшая тогда в Германии реакция, в действительности представляла собой сложную печальную историю.

Приехав в Лондон, Маркс поселился в какой-то бедной и жалкой гостинице. Затем он снял маленькую квартирку в беднейшей части рабочего квартала; позже мы его уже встречаем в тесной и негигиенической квартире, вместе с семьей, где он поселился лишь бы, по его выражению, на голове была крыша.

Нужда его была страшная, а с появлением детей она еще больше обострилась, и тяжелое положение себя еще сильнее дало чувствовать; особенно угнетающе действовала квартирная обстановка. В одной и той же комнате, где находилась вся семья, выполнялась вся домашняя работа и стирались детские пеленки; здесь-то Маркс и писал первые главы к своему „Капиталу“.

Что должен был Маркс переживать, какие моральные страдания он испытал, когда в один прекрасный день его пожитки были выставлены на улицу, за неимением квартирной платы. Что должен был Маркс перечувствовать, когда он однажды очутился в полицейском участке по той причине, что, желая заложить в ломбард имевшиеся в его доме какие-то серебряные вещи, наследственные драгоценности фамилии его жены, был заподозрен в чем-то нечестном!

Вместе с материальной нуждой стали умирать дети. Один ребенок умер потому, что на нем оказалось плохое молоко из груди измученной и изголодавшейся матери; другой мальчик — от недостатка питания стал бледнеть и хиреть, и вскоре тоже пал жертвой нужды.

И так продолжалось в течение 2-х десятков лет. Маркс с неослабевающей энергией продолжал вести борьбу за существование, но за эти долгие годы попытки Маркса улучшить свою жизнь, расширить источник своих материальных доходов, сплошь да рядом разбивались о внешние преграды.

II.

В описываемое время, от начала 1847 до конца 1868 года, Карл Маркс был беднейшим из бедных. Ради его идеи, ради его революционной деятельности, всецело захватившей его, особенно после революции 1848 г., семья его терпела страшную нужду и горе. Благодаря отношению к нему со стороны буржуазии, ему никак не удавалось устроиться материально, и единственный небольшой заработок ему давали корреспонденции в „Нью-Йоркскую Трибуну“.

Нужда и горе были постоянными спутниками семьи Маркса. И чем больше отдельных моментов в его жизни мы узнаем, тем мрачнее она для нас становится. Самую ярко-печальную и полную ужасов картину этого великого человека нам нарисовал сам Маркс в своей переписке с Энгельсом.

Оставленный дочерью Маркса Лаурой (жена Лафарга) материал, который обработан Бебелем и Бернштейном и издан на немецком языке в 1913 году под названием „Переписка между Марксом и Энгельсом“, дает нам очень много ценных моментов для всесторонней иллюстрации материальной стороны личной жизни Маркса. К этим письмам и перейдем.

Маркс и Энгельс жили в различных городах Англии и огромная, в 4 объемистых тома, переписка между ними касается почти исключительно вопросов общественных и литературных. О личных делах они писали редко, между прочим, постольку, поскольку они друг другу помогали в трудную минуту деньгами, или когда известные обстоятельства оказывали влияние на их литературную и общественную работу.

Все же среди этой переписки мы находим достаточно материала, который нам дает возможность осветить интересующую нас в данн. статье тему, — жизненные условия Карла Маркса.

Уже в письме своем от 31-го марта 1851 г., где Маркс рассказывает Энгельсу о том, что ему необходимо было оплатить 2 векселя за деньги, взятые для „Новой Рейнской Газеты“ и как тяжело ему удалось оттянуть срок уплаты, для которой у него не было денег, он дальше пишет:

...Одновременно (28-го марта) моя жена разрешилась от бремени. Роды были легкие, но, вместе с тем, она сейчас больна и больше, из-за общих причин, которые на нее сильно влияют, чем от физического состояния. Притом у меня в доме буквально не имеется ни единого геллера, а мелкие торговцы, мясник и пекарь, которым я должен, требуют немедленной оплаты счетов. Ты согласишься, что весь этот союз слишком неприятен и что я головой завяз в этой мешанской грязи. Притом, говорят, я рабочих эксплуатировал! Что я стремился к диктатуре! Как это гадко! Но это еще не все. Фабрикант, который мне в Брюсселе одолжил денег, явился теперь ко мне на квартиру и требует их обратно... Я должен прервать письмо, меня больная зовет...

Маркс не легко переносил обвинение в том, что он пользовался рабочими грошами, и не мог удержаться, чтобы не вспомнить об этом, хотя бы в письме к своему другу Энгельсу.

Нужда, однако, с каждым днем обострялась. Маркс все больше влезал в долги и никак не находил возможности избавиться от этого положения. Попытки достать денег по векселям — не удавались. Приставание кредиторов превратилось в настоящую травлю, и это отражалось на психологическом состоянии Маркса, который благодаря этому отключался от крупной литературной работы; положение становилось невыносимым.

В письме своем от 31-го июля 1851 г. он пишет следующее:

...В течение приблизительно 14 дней я ничего не писал, потому что это время не проводил в библиотеке, был травим, как собака, и, помимо моего положения, опять должен был оторваться от писанины. После того, как оба Вамбергера, отец и сын, с недели на неделю, с месяца на месяц оттягивали обещание дисконттировать вексель, после того, как и в условленное время принес с собой готовый бланк, молодой Вамбергер мне заявляет, что отец не может этого сделать и т. д. ... Впрочем, ты мне поверишь без дальнейших уверений, что из-за моих проклятых обстоятельств я уже устал... так жить дальше нет возможности.

Из вышеизложенных писем уже видно, что мертвая петля затягивалась все туже и туже. Но нужда не знает границ. Материальное положение иногда доставляет такие глубокие нравственные страдания, что интеллектуально развитому человеку особенно тяжело их переносить. Как по временам Маркса душила нужда, нам рисуют выдержки из его письма от 8-го августа 1851 г.

Там Маркс сообщает Энгельсу следующее: „Любезный Энгельс! Ты прости, что я тебе раньше не писал и одновременно не сообщал о получении 5 фунтов стерлингов. Внешние обстоятельства меня на этой неделе так придавили, что я не мог сосредоточиться на письме. Чтобы меня не выкинули из квартиры, мне на время удалось спастись подписанием векселя... Теперь я и Фрейлиграт получили приглашение от „Нью-Йоркской Трибуны“ сотрудничать за гонорар. Это самая распространенная газета в Америке“.

Маркс уже обрадовался тому, что он сможет заработать. Ведь, раньше он писал без вознаграждения, ради целей революции. Но большого заработка не дала, Маркс вдруг очутился в таком положении, что на время совершенно лишился возможности что-нибудь писать. До каких невероятных размеров в это время достигла материальная нужда, показывает его письмо от 27-го февраля 1852 г. Там мы находим следующее:

...На мои письма к знакомым в Германию я никаких ответов не получил.

В одну неделю я достиг самого „приятного“ пункта. Благодаря тому, что нужда заставила меня отдать в ломбард мой сюртук, я лишен возможности выходить из дома, а из-за отсутствия кредита, я не могу больше потратить в пищу мяса...

Как часто мы слышим из правого лагеря, что рабочие терпят нужду не потому, что не находят работы, а только потому, что лентяйничают и не хотят работать. Эти господа, конечно, не допускают и мысли о том, что бывают такие факты, как, например, то, что уже найдя работу, рабочий не может пойти на завод или в мастерскую, потому что во время безработицы все заложил, продал или просто износился так, что не в чем выходить из дому.

Господствующим классам этому не верят, но те, которые стоят ближе к массе, с такими фактами встречаются очень часто, и потому у этих людей, при виде такого положения, вызывается ужас и возмущение. И не трудно себе представить весь гнет и ужас социального положения, в котором находился Маркс, когда, будучи вынужден заложить в ломбард свою последнюю одежду, чтобы не умереть с голоду, он был лишен возможности выходить из дома. А о том, что Маркс всячески добивался какого-нибудь заработка и целыми часами трудился за самое малое вознаграждение для того, чтобы иметь, как он выражался, что „жрать“, свидетельствует его письмо к Энгельсу от 5-го августа 1852 года, в котором он рассказывал, что

...целыми неделями, а в последние 14 дней каждый день, я должен по 6 часов бегать, чтобы заработать по 6 пенсов, дабы принести домой что жрать...

По временам Марксу, конечно, удавалось доставать кое-какие средства и на некоторое время острота нужды облегчалась. В описываемое время он писал „О Прудоне и прудонизме“ и, как он в одном письме поделился с Энгельсом, решил отдать в печать 2—3 листа недооконченного труда, дабы „получить сколько-нибудь денег“.

Само собой разумеется, что и Энгельс, который был самым близким другом Маркса и которому последний в свое время оказывал денежную поддержку, не остался в долгу и, поскольку был в силах, приходил на помощь Марксу.

Упомянутое Марксом в предыдущем письме отсутствие в его пищемяса, которое, между прочим, в то время было самым доступным питательным продуктом, еще не значит, конечно, что все остальное, что требовалось для удовлетворения жизненных потребностей его большой семьи, было в достаточном количестве.

Бывали и такие времена, когда больные члены семьи Маркса нуждались в усиленном питании, но, по воле господ положения, были вынуждены в это время питаться только хлебом и картошкой, которая также имела только в ограниченном количестве. Больным пришлось обходиться даже без медицинской помощи. И это было именно тогда, когда Маркс тратил по 6 часов на каждые заработанные 6 пенсов.

За деньгами Маркс обращался ко всем, к кому только мог, как к издательствам, для которых работал, так и к своим друзьям в Германии, но всюду было безрезультатно. В письме от 8-го сентября 1852 года Маркс рисует свое положение в следующих красках:

„Милый Энгельс! Моя жена больна. Женичка больна, Леночка имеет какую-то нервную лихорадку. Врача я не мог и не могу пригласить, потому что не имею денег на лекарства. Уже 8—10 дней, как я кормлю свою семью только хлебом и картошкой, которой вряд ли будет достаточно еще на сегодня. Эта диета, понятно, настоящими климатическими условиями не требуется. Статью для Данэ не писал, потому что не имел пенни, чтобы пойти читать газеты.

Когда я у тебя был и ты мне сказал, что к концу августа можно будет достать изрядную сумму, я об этом написал жене для того, чтобы ее успокоить. Между тем, как из твоего письма, полученного 3—4 недели тому назад, ясно видно, что на это нет никаких надежд. Поэтому я, до начала сентября, всем моим кредиторам, которым, как тебе известно, всегда выплачивал частями, отодвигал сроки платежа. Теперь все приступают сразу и требуют денег.

Я уже все испробовал, но тщетно. Сначала меня Вейдемейер лишил 15 фунтов стерлингов. Я писал в Германию к Стрейту—он ни разу не ответил. Я обратился к Брокгаузу и просил его напечатать статью „О настоящем положении“ с незатейливым (не хитрым) содержанием,—он это в вежливом письме отклонил. Наконец, я всю неделю бегал с англичанином, который хочет для меня дисконтировать вексель от Данэ, но все напрасно. (Маркс выражается: „Pour le roi de Prusse“ т. е. для Прусского короля—это означало у него—напрасно“). К тому еще долги молочнику, мальчику за чай, продавцу овощей и старые долги мяснику... Как мне со всей этой чертовой грязью справиться? Наконец, я в последние 10 дней одолжил у рабочих несколько шиллингов и пенсов, а это для меня самое роковое! Но я вынужден был это сделать, чтобы совсем не околет с голоду.

Из моих писем ты заметил, что это жалкое положение я, по обыкновению, с большим равнодушием, когда я сам в нем торчу, прохожу в брод, лишь бы не слышать об этом издали от других. Между тем, что делать? Моя квартира—лазарет, а кризис становится все острее и заставляет меня обратить самое серьезное внимание...

„А в это самое время (какая прония!) господин Гег опять совершает пародию,—в первом классе, конечно,—прогулку в Америку. а господин Прудон истратил несколько сот тысяч франков для его „Анти-Наполеона“.

Твой К. М.“

Последнее письмо приведено почти целиком. Уж нет надобности в более яркой картине рисовать то гнетущее положение, в котором Маркс находился. Нет надобности более подчеркивать тот факт, что для добытия необходимых средств к существованию, Маркс расстранивал массу энергии и что его неимоверные усилия оказывались бесплодными.

И какой огромной силой воли обладал Маркс, будучи еще способен при описании своего бедственного положения так иронизировать, как он это делает в приведенном выше письме.

Такие подробности о своей личной жизни Маркс писал не очень часто и позволял себе так высказываться под влиянием каких-нибудь исключительных условий, какие можно усмотреть и в приведенном письме.

В последующее за этим письмом время дела несколько изменились. Дело Энгельса, в котором Маркс ему помогал своим литературным трудом, стало приносить больше дохода, но и при этих обстоятельствах им тоже приходилось трудно, ибо вместо денег они постоянно получали векселя, а затем приходилось ломать голову над тем, как бы их обменивать на наличные деньги. И временами все же становилось так трудно, что Марксу необходимо было прибегать к ломбарду. К тому же они влезли в большие долги при издании „Новой Рейнской Газеты“, с которыми Марксу в дальнейшем пришлось расчитываться.

Хуже дело обостряло с тем, что систематическое недоедание сильно отразилось на физическом состоянии всей его семьи и вызывало частые заболевания. Неоднократно Маркс жаловался Энгельсу на то, что у него в квартире полная больница. Постоянные болезни его секретаря-жены отражались также на его работе, так как у Маркса были слабые глаза, и жена ему читала вслух. Наконец, слабый организм детей не выдержал полуголодной жизни, и они стали умирать. Умерла девочка. Родительскому горю не было границ, жена снова слегла в кровать. Железная натура Маркса это переносила, стараясь все скрыть от посторонних взоров.

Но когда умер его единственный сын, когда его „Мущ“ „уснул на его руках“, чаша горя переполнилась... Дом для Маркса казался пустым, и он уже говорил о том, что не знал, не понимал, что значит действительное несчастье. Он также почувствовал, что его физическое здоровье подорвано. В письме к Энгельсу от 12 апреля 1855 г. Маркс писал следующее:

„В среду, я думаю, со своей женой поехать в Манчестер (к Энгельсу); необходимо на несколько дней изменить обстановку...“

Со дня смерти дорогого ребенка наша квартира опустела, она показывает только, что раньше здесь была его живая душа. Нельзя описать, как этот ребенок нам всюду недостает. Я уже пережил всякие несчастья и различные бедствия перенес, но теперь только я знаю, что такое действительное несчастье значит. Я чувствую себя совершенно разбитым. К счастью (понимать к несчастью) со дня похорон у меня такие бешеные головные боли, что я не в состоянии ни мыслить, ни слушать, ни видеть...”

Так, в лучшие годы Марксу пришлось еще горько расчитываться за трудные времена. Потеря единственного сына, как Бобель выражается, есть одна из самых печальных глав в жизни Карла Маркса.

III.

Однако, в дальнейшем социальные бедствия не проходили мимо Маркса, не затронув его. Когда он уже хорошо зарабатывал и устроился в приличной квартире, наступил великий европейский кризис 1857—1858 г.г., который также внес в дом Маркса страшную нужду. В письме от 20 января 1857 г., в котором Маркс рассказывает Энгельсу о том, что Данэ, печатавший в течение 4-х лет его (также Энгельса) вещи под собственным именем и лишивший его возможности сотрудничать в других газетах, последние недели, как на зло, ничего из его материала не помещает, и что в других американских газетах тоже почему-то ничего из его статей не появляется, он пишет:

„..... Беда за бедой..... Таким образом, я теперь вполне сижу на меди в квартире, куда вложил всю свою маленькую наличность, где невозможно себя изо дня в день насквозь прищемлять, как это было в Deanstreet, без надежд впереди, возрастающим семейными потреб-

постями. Я абсолютно не знаю, что мне начать делать и нахожусь в более отчаянном положении, чем 5 лет тому назад. Я думал, что клинт-эссенция этой грязи я уже проглотил. Но нет. При этом печальнее всего то, что кризис этот не временный. Я не знаю, как мне выкрутиться".

Нужда эта продолжалась во все время кризиса и довела Маркса до такого отчаяния, что, обращаясь однажды к Энгельсу за помощью, он стал проклинать свою жизнь, предпочитая смерть постоянно обрушивающимся на него несчастьям. Когда в январе 1858 г. в Лондоне наступили сильные морозы, Маркс писал Энгельсу:

Дорогой Фридрих! Страшные холода, которые сюда ворвались, действительная нужда в моем жилище в угле (курсив Маркса) меня вынуждают, — несмотря на то, что это для меня хуже всего в мире, — снова лечь бременем на тебя. Я решился на это только тогда, когда внешние обстоятельства меня уже слишком сильно прижали. Если такое положение будет дольше продолжаться, то я бы желал лежать на 100 саженой глубоко в земле, чем продолжать так жить. Беспрерывно на меня падают другие несчастья, и притом самому мучиться этой медкой грязью в течение продолжительного времени — невыносимо тяжело! Я лично еще отрываюсь от этого мерзкого положения тем, что сильно занят обществен. делами, но у моей жены этих средств, понятно, нет". И т. д.

В дальнейшем Маркс в целом ряде писем умалчивает о состоянии своего здоровья. Но затем он все же вынужден был поделиться об этом с Энгельсом, так как долгое время последнему не писал, а причиной тому было его недоразумение. В письме от 29-го апреля 1858 г. Маркс объясняет, почему он так долго молчал, и говорит, что "это письмо я диктую жене, так как сильно страдаю от болей в печени, и буквально не в состоянии не только статьи писать, но и письма".

После целого ряда деловых писем, где Маркс затаил в себе причиняемые ему материальной нуждой муки, он, наконец, дал волю своим чувствам.

15-го июля 1858 года он пишет Энгельсу обширное письмо, в котором хочет ему дать полную картину своего бедственного положения и просит его совета. Предупреждая его, что не желает лечь бременем на его кассу, Маркс в самых мрачных красках рисует, как все перенесенные бедствия отразились на его здоровье, как привили и принимают у него огромную энергию вечные поиски средств к существованию и лишают его огромной части трудоспособности. Благодаря внутренней домашней обстановке — болезни и нервничание жены, болезни детей, осада кредиторов, — и своему болезненному состоянию, ему очень часто приходилось делать большие перерывы в работе над "Капиталом", которой он в это время был занят.

Приводя для наглядности подробную таблицу с описанием своего бюджета, Маркс восклицает: "Когда уж, наконец, я получу час спокойствия и смогу свою работу сделать?"

Указывая далее на то, что все это кончится очень плохо, что особенно плохие последствия ждут его жену, он заканчивает письмо следующими словами:

"Ну, хоть раз я свободнее вздохну, и уверю тебя, что мне стоило себя преодолеть. Но, в конце концов, я по меньшей мере пред человеком высказался. Я знаю, что ты этому не можешь помочь. И чего я требую, это только твоих соображений по поводу того, что мне делать? Моему злейшему врагу я не желаю проходить через такое грязное олово, в котором вот уже 8 недель я сижу, притом с таким страш-

ным бешенством, потому что все это превратило меня в негодность, уничтожило мой интеллект и подрывает мою работоспособность".

По временам дела Маркса бывали несколько лучше, часто он о своих личных делах вообще умалчивал. Но так как материальная нужда его не переставала преследовать, его невзгодам не было предела, то в его письмах иногда прорывались строки, полные горя, печали.

Так, в письме от 27-го мая 1862 г. он сообщает Энгельсу, что получил последнее требование от газовой компании об уплате следующих денег, и что, если они через несколько дней не будут уплачены, ему закроют газ, а у него при этом нет ни единого пфеннига. А в письме от 18-го июня того же года, он, не будучи в состоянии затануть свое горе, снова изливает свои чувства:

"Мне очень противно опять говорить о своих невзгодах, но что делать? Моя жена мне каждый день повторяет, что желает себе и детям лучше лежать в могиле, чем так жить, и я не могу ее за это упрекать, ибо все эти унижения, мучения и ужасы, которые приходится переживать при наших обстоятельствах — неописуемы! Я не хочу говорить об общем положении, но, ведь, в доме, как ты знаешь, есть такие расходы, которые должны оплачиваться наличными, а я уже 7 недель сижу без одного сентима. . . . Моя жена уже сделала попытку продать мои книги, но напрасно. Больше всех мне жаль бедных детей. Тогда как все их знакомые в этом пыльном сезоне забавляются, они боятся, чтобы их кто-нибудь не посетил и не заметил всей этой мерзости".

Благодаря американскому кризису 1862 года Маркс лишается заработка в "Нью-Йоркской Трибуне" и в сентябре он добивается должности в английской железнодорожной конторе и, конечно, безрезультатно.

Исключительным годом для Маркса был 1864-й, когда умерший его соратник по Бельгии и "Новой Рейнской Газете", Вильгельм Вольф завещал ему свое состояние. Правда, что из полученных 16.000 марок на долю самого Маркса выпало очень мало, так как после покрытия долгов "Новой Рейнской Газеты" осталась очень незначительная сумма. Но зато Маркс уплатил свои долги, выкупил вещи из ломбарда и получил возможность выполнить предписание врачей — поехать на курорт, чтобы поддержать окончательно пошатнувшееся здоровье, но и только.

Поддержкой со стороны Энгельса Маркс страшно тяготился. Ему было слишком тяжело познанию быть зависимым от другого. Он находил себе оправдание только в том, что, как он однажды писал Энгельсу, "они оба ведут компанейское дело, в котором он, Маркс, выполняет теоретическую и партийную часть предприятия".

Затем снова начинается старая песня. Здоровье все больше ухудшается, боли в печени усиливаются, и литературная работа, особенно над "Капиталом" часто прерывается. 20-го февраля 1866-го г. Маркс пишет, что он уже человек, стоящий у порога смерти. А в августе того же года его снова, как змея, обвивает нужда, и так, что опять лишает его мяса для пищи, а главное — бумаги для литературной работы.

21-го февраля 1867 года он сообщает о скандале, который дома имел от лавочника, так как у него не было, чем покрыть следующий тому долг. 4-го марта 1868 года Маркс опять сообщает, что, если не уплатит один долг, то опшут его имущество.

Такая нужда в доме Маркса продолжалась до конца 1868 года. Во всех трудных случаях Энгельс его, по мере сил, выручал. 29 ноября

1868 года Энгельс сообщил своему другу, что он, наконец, в состоянии покрывать все главные расходы, какие требуются для его домашней жизни.

Маркс был сильно тронут такой огромной жертвой Энгельса и в ответ ему на это только мог написать: „Дорогой Фред. Я слишком тронут твоей величайшей добротой“.

С этого времени и прекратились материальные бедствия Маркса. Проследив эти письма, можно себе ясно представить, какое впечатление заслуживают грязные клеветнические выпады врагов освободительного движения вообще, и, в частности, по отношению к Карлу Марксу.

И после того, как в течение 20 с лишним лет с начала 1847 до 1868 г.г.—Маркс вел самую тяжелую и неустанную борьбу с придавившими его тяжелыми жизненными условиями, после того, как он так глубоко перестрадал их и физически и морально,—у его личных противников из буржуазного лагеря хватило совести, даже после смерти, поносить его имя и обвинять в том, что он лентяйничал и жил на кровные рабочие гроши. Можно одно сказать, что печально думать о том, что такой человек, как Карл Маркс, создавший такую колоссальную литературу, имевшую огромную научную и историческую ценность, должен был при жизни терпеть такую материальную нужду. Но это в порядке вещей, на это дают один ответ: все великие люди и мыслители оцениваются человечеством только после их смерти.

О Марксе все же следует сказать, что он не только открыл закон развития капиталистического производства, но и сам на себе испытывал все его уродливое влияние.

А. МАНДЕЛЬШТАМ-ОДИССЕЙ

8-ой год.

В 8-ой год Советская власть вступает при очень интересной обстановке.

Чуть ли не каждый месяц, а то и неделю, какое нибудь иностранное государство нас признает. В 1924 году: 1) 1-го февраля—Англия, 2) 7-го февраля—Италия, 3) 13-го февраля—Норвегия, 4) 20 февраля—Австрия, 5) 8-го марта—Греция, 6) 15-го марта—Швеция, 7) 31-го мая—Китай, 8) 18-го июня—Дания, 9) 19 августа—Мексика, 10) 18-го сентября—Венгрия. („Правда“ от 19-го сентября 1924 года, №213).

От такой „Международной перспективы“ закружится голова не у одного только „комсомольца“.....

А вместе с тем никогда, как в этом году, не было так тревожно на всех границах.

В начале года, вспомним, как наша соседка Румыния пожелала вести с нами переговоры и загнулась.....

Она с большим удовольствием нас признала бы при условии...., что мы ей подарим Бессарабию.....

Что должны были мы ей ответить? Мы заявили, что, пожалуй, если на это согласится „Автономная Молдавская Республика“.....

Румыния отправила своего короля и королеву ко всем европейским дворам и „Республикам“: там согласились сделать ей такую любезность и признать, что Бессарабии исторически предназначена роль—быть „Вассалом Румынии“.....

Для этого существуют „Профессора истории“, которые сумеют „исторически доказать“, что хочешь.....

В то же время в Германии, давно подписавшей с нами „Рапальский договор“—решили с нами пошутить и произвели обыск в Берлинском торгпредстве.....

Большая работа предстояла нашему Наркомвнешторгу. Нужно было в спешном порядке все заказы, сделанные нами в Германии, передать в другие страны.....

Тут пошутила с нами Турция. Оказалось, что ее дипломатические представители „по ошибке“ провозят в очень большом количестве „лишний багаж“,—снова пришлось нашему Наркоминделу строчить ноты—доказывать, что это не совсем удобно.....

Затем очередь наступила за Персией....там мы торгуем, а Англия это не совсем нравится.....

Персия, это страна особенная—то она „Республика“—то опять Шах (который вообще любит гулять по Европе)—возвращается обратно. Опять здесь нашему полномочному представителю работа была очень большая..... Наконец, Китай..... Наркоминделу

пришлось не мало потрудиться..... т. Карахан отправился туда послом. Целый скандал.—Тут оказалось необходимым иметь большие знания по „Международному праву“.—Как же, есть „посланники“ и есть „послы“.—А в Китае это очень важно. Там существует: „Дипломатический корпус“ — с правами такими... кто их разберет. Одним словом, „посол“ — это более высокое звание и он является чуть не старейшиной... Дипломатический корпус был очень обижен, он даже собрался лишить т. Карахана „места пребывания“... т.е. того самого здания, где и полагалось жить г. послу или посланнику... Целое лето велась поэтому переписка и, наконец, закончилась тем, что в г. Шанхае — иностранные купцы объявили себя „независимыми гражданами“, и Англия, Америка, Франция, Италия отправили свои крейсера и броненосцы в китайские воды защищать „этих независимых граждан“...

Германия очень жалеет, что не может последовать этому примеру „за немменем флота“...

И, наконец, на самом севере нашей республики есть остров „Врангель“ (вот паскудное название — спокон веку этот остров принадлежал России. Как вдруг наступает время, когда Америка, Англия — шут по „миру“, где что плохо лежит... и нельзя ли отобрать?...)

Вот картина „Международной политики“ — какая наблюдалась в этом году. Большое искушение для каждого „оратора“ — составить интересный доклад о „международном положении“.

А тут еще Англо-советские переговоры. Тут Франция собирается нас признать... И вдруг на Кавказе... восстание. Есть и такое учреждение „Лига наций“. Там некий французский социалист Бонкур — вносит резолюцию, что победившие грузинские дворяне и князья требуют вмешательства Лиги наций для прекращения тех ужасов и насилий, что творит „Советская власть над беззащитными гражданами“...

Каждый житель Кавказа стоит в недоумении и может только сказать: — покажите, г. Бонкур, со всей вашей Лигой и посмотрите... воздух хороший... виноград поспел... Мандарины — урожай... Восстание, — ну, чего ты шутишь шутишь. В этом году неурожай — не удалось...

Во Франции создали комиссию, в задачу которой входит подготовить материал о признании... Комиссия веселая... Председателем ее состоит тот самый де-Мопси... который приезжал не так давно в Москву, хваля наше гостеприимство, и удивлялся, удивлялся, как быстро оправилась Россия... В этой комиссии заседают двое старых наших знакомых — тот самый Нуланс, что был посланником при царе, и консул Грей, который, по словам Савинкова, помогал ему в устройстве восстаний в Ярославле, Муроме и т. д. Эта комиссия подготавливает материал по признанию нашего „Союза Республик“, но за исключением „Грузии“, так как г. Бонкур, представитель французских социалистов — заявил, что там восстание... и вообще Грузия и Баку очень близки друг от друга и что на Кавказе, кроме винограда и мандарина, есть нефть... А в Париже, видите ли, есть безработные Нобели, Манташевы... г. Нуланс является защитником „безработных“. Вообще „веселая“, т.е. „комиссия“... Но я боюсь, что другой горячий читатель — комсомолец — скажет: „ну и чепуха, послать их к черту“... Нет, это слишком просто и, пожалуй, слишком весело...

Так поступить нашему правительству нельзя... А вот на этих жизненных примерах — изучить такой трудный вопрос „что такое диа-

лектика“, как жизненные противоречия заставляют наше правительство вести свою иностранную политику — это следует... Очень приятная вещь, когда нас „признают“, когда т. Калинин — председателю ВЦИК'а — приходится время от времени принимать послов и говорить любезные речи... А Наркомвоену еще и еще раз напоминать „Красной армии“ о том, что порох нужно держать сухим и наготове...

А нам всем — членам партии и комсомольцам... ломать и ломать голову, чтобы разобраться во всех этих противоречиях... Минувший 7-ой год был очень поучителен не только внешней политикой, но и нашими внутренними делами... Мы начали 7-ой год двумя крупными событиями: дискуссией, которая чуть не расстроила ряды нашей партии, и денежной реформой, которую провела Советская власть...

Прошел год... Страсти улеглись... И можно хладнокровно вспоминать.

В прошлом году в это время было тяжелое положение... То там, то здесь вспыхивали забастовки... Приходилось тяжело работать классу... Не только не увеличилась заработная плата... но и приходилось получать в счет заработной платы выигрышные займы... Займы. Что с ними делать? Тащили на рынок. Там, конечно, спекулянты, пользуясь случаем, покупали их по дешевке и наживались... Крестьянина раздражали „червоны“, как будто существовали две валюты: с одной стороны — червоны — валюта для богатых, с другой — биллионы, триллионы, миллиарды, — бумажек много, а толку что? Ну, это так недавно было, всем памятно... И вот на этой почве общего недовольства и выросла оппозиция... Вспомним те бесконечные дискуссии и споры. Бывали у нас, в Москве, собрания ячеек, продолжавшиеся чуть ли не сутки. Главное в том, что нет у нас „демократии“, наши ячейки безжизненны — партией управляет бюрократический аппарат... А потом появилась экономическая платформа. Хотелось задать каждому комсомольцу один вопрос.

Ведь это было время, когда в Политбюро Ц. К. нашей партии был решен вопрос о переходе на твердую валюту... Мы все знаем, что самый трудный отдел в Политической экономии — это: „деньги“.

Но замечательная штука революция — она умеет переводить на „местное наречие“ самые трудные иностранные слова...

Поконный т. Ленин любил приводить в качестве примера то, что первое сделала наша Революция — она перевела трудное — иностранное слово „Диктатура пролетариата“... Ведь это слово понятно сейчас и тюркскому племени, и китайцам, и самоедам, и лопарям... Такая же история произошла и с „твердой валютой“...

Правда, еще с этим — не очень согласны вузовцы и рабфаковцы... Они рассуждают так: правильно-то правильно, но почему нельзя было раньше чеканить 10, 15, 20 и так далее копеек.

Мы очень хорошо знаем, как им тяжело жилось. Ох, как хотелось, чтобы им в этом году чуть-чуть получше жилось. Но все-таки факты остаются фактами...

Отдел политической экономии „деньги“ выучили мы, испывав на собственной шкуре разницу между 10, 15, 20 коп. — и миллионом, биллионами и т. д. Остался еще единственный аргумент... Почему ЦК, задумав денежную реформу, не известил об этом заранее ячейки?... Вот теперь при „Новом курсе“ этого быть не может... Аргумент этот не серьезный. Правда, вместе с вузовцами и рабфак-

нами — вопрос: что такое „Твердые деньги“ — непонятен очень многим... Вот, например, „кабинету Штресмана“ в Германии.....

Штресману не дают спать лавры тов. Сокольников, и он тоже пытается „вести золотую марку“. Есть на свете, большой знаток „Финансового капитала“ — г. Гильфердинг — тот вполне уверен, что при „демократическом“ строе в Германии и при содействии американских банкиров — это вполне удастся....

Пока что германский рабочий, а в особенности их жены, каждый день ходят на рынок и убеждаются, что врет гер профессор, хотя и социал-демократ....

Хорошая эта вещь „демократия“.....

Она часто пока что спасает г.г. профессоров и даже социал-демократов... от негодования „несчастных жен германских рабочих“.

А мы не только научились переводить на „местные наречия“ что такое „твердые деньги“... но научились еще одной премудрости, что хорошая вещь „демократия“ — а еще лучшая, — что Политбюро Ц. К. и подготовило денежную реформу. Правда, от этого пострадала „демократия“ и что вот г. г. Макдональд, Эррио и все английские и французские банкиры никак опомниться не могут. Признать признают, а восстание в Грузии устраивают.....

Шестой год Советской власти был поучителен и в другом отношении....

Опять здесь играет роль „Политическая экономия“.....

В прошлом году у нас было очень тяжелое положение: сельскохозяйственные продукты стоили очень дешево, хлеб доходил до 40 коп. за пуд, а городская промышленность стоила очень дорого. Перед нами были Ножаницы.....

В седьмом году положение очень меняется. Цены на хлеб растут... Чтоб поддержать заработную плату на той же высоте и не ухудшить положение рабочих — предстоит труднейшая задача. Нужно удешевить производство, не уменьшая заработной платы....

Громадная задача для кооперации. Кооперация дешевая, без излишних накладных расходов для наших сел и деревень.... Вот та громадная роль, которую призваны сыграть наши комсомольские деревенские организации.....

Помимо кооперации — удешевить производство на фабриках и заводах и избежать всех лишних накладных расходов.

Здесь роль молодежи особенно важна.

В революционной борьбе пролетариата против капитала нам, старикам, пришлось потратить много сил для агитации и пропаганды перед широкими рабочими массами, чтобы направить их силы против хозяев фабрик и заводов. Это нам удалось. Но вместе с тем старшее поколение рабочих с трудом принимает теперь — после победы — смотреть на фабрики и заводы как на „свою собственность“. Заботиться о них так, как „о своем собственном добре“.....

Молодежь — дело другое, ее участие в производственных совещаниях, где обсуждаются средства, как улучшить, удешевить производство — вот та ближайшая цель и задача в седьмом году существования Сов. власти.

Но это для фабрично-заводской молодежи....

А деревенская молодежь. — Главная задача в том, что там, где рос один колос, должны расти два и три.....

Тяжелое испытание в этом году — это неурожай в Поволжье и на юго-востоке. Правда, мы справимся с ним. Сведения с Поволжья очень отчаяны. Семена всюду пришли во время. Озимые поля засеяны не хуже, чем в прошлом году. Паника насчет цены на хлеб — рассеивается.

Мы сумели, пользуясь большими запасами прошлых годов, перебросить в неурожайные губернии большое количество хлеба.

За последнее время выяснилось, что нам не только не предстоит закрытие фабрик, но, наоборот, — производство необходимо расширять.

Здесь, конечно, очень важную роль будет играть: „Получим ли мы заем от Англии или нет“....

Получим заем: нам легче будет поднять металлургическую промышленность, легче оживить сельско-хозяйственные кредиты, банки и наши строительные работы....

А не получим займа — все эти задачи будут труднее и сложнее....

Конечно, мы не погибнем без займа. Но будет потруднее жить....

Кроме „политической экономии“ перед молодежью стоят еще трудные задачи: — „Нужно отделаться от массы иллюзий“....

Наследство от старой жизни для молодежи очень скверное.

Нужно понять действия Макдональда, Эррио и других „героев“ окружающего буржуазного мира. Там одной рукой признают, подписывают договоры, говорят любезности.....

А другой — устраивают авантюры, а потом преподносят: „Мы вас признаем, но по имя — „демократии“ — без Кавказа. „Как же, бедные грузинские жители. Они устраивают восстания, чтобы избавиться от Сов. власти“..... Придется тов. Чичерину... предложить г. г. Макдональду и Эррио поехать прогуляться и подышать целебным Кавказским воздухом.“

А разве только один Кавказ? Громадные испытания нас ожидают по всему необъятному Союзу Республик.

Есть очень хорошая брошюра т. Ленина: „О предпосылках и новой экономической политике“. В этой брошюре тов. Ленин рисует картину экономической жизни нашего Союза: бесконечное разнообразие различных экономических форм: от пастушеских, охотничьих форм севера и степных областей — до высоко развитых промышленных областей — центральной, Донбасса, Баку, Иваново-Вознесенска, Ленинграда....

Вот на такой территории и при таких трудных экономических условиях нам надо строить „Невиданное в мире Коммунистическое государство“....

В этой брошюре тов. Ленин касается одного очень важного вопроса: Можно ли строить это Коммунистическое государство по одному хозяйственному плану, который великолепно можно создать в Государственной плановой комиссии (Госплан).

Можно ли планировать это хозяйство из центра тогда, когда каждое отдельное мелкое крестьянское хозяйство живет по своему маленькому плану?

Может планировать — рынок.

„Демократия“..... Новый курс..... Какие это красивые фразы.

Седьмой год Советской жизни нас научил, что планирует хозяйство в нашей республике: „рынок“..... „твердые деньги“.....

Вот сумеем удержать гривны так, чтобы не только чеканить 10 коп., а чтобы, действительно, 10 коп. стоили 10 коп. Сумеем, значит — победим.

Пока что сумели, а дальше в восьмом году нам придется всю нашу энергию направить на то, чтобы удержать эти твердые деньги.

Легко ли нам достанется это?.. Нет, далеко не легко....

Иногда представляется Советская власть так фигурально: ребенок вырос — становится юношей, но одежда, в которой он ходит, все еще детская. Родители очень хотели бы шить ему новое платье.....

А средств нет..... Ставят заплатки..... Заплатки рвутся, а средств нет..... все также мало.....

Тут рады и английскому займу, если он не очень тяжел....
 Никакой "демократии" "новым курсом" — платье не сошьешь...
 А платье очень узко нашему выросшему ребенку — семилетней Сов.
 власти...

* * *

В прошлом году мы пережили очень много.... Пережили такое
 большое горе, как смерть нашего вождя.... Мы потеряли такую го-
 лову, как т. Ленин, и приобрели сотни тысяч голов в пролетарпате
 всего мира. Одна из главных задач на седьмом году — воспитать
 сотни тысяч новых членов партии. Эта задача очень трудна. — Воспи-
 тать так, чтобы они пропитались истинным марксизмом-ленинизмом.

Тут насчет марксизма и ленинизма у нас много странного....
 В газете, как, например, в "Рабочей Москве" — появился отдел, сна-
 чала он назывался "Так говорил т. Ленин".... а потом просто изо-
 дня в день стали появляться цитаты из Ленинских произведений....
 Думается, что такая профанация вождя едва ли способствует действи-
 тельному знакомству молодежи с произведениями великого Ленина....

Что-то напоминает "Мысли великих мудрецов" в их изречениях
 на каждый день и на каждый случай....

История нашей партии знает одного тов. Рязанова, который, на-
 верно, изучил Маркса лучше, чем кто-нибудь другой в партии....

И с этим почтенным товарищем случился казус:

Вспоминается "Новая экономическая политика". В Москве проис-
 ходил Губ. Съезд Советов. Стоял вопрос о том: какие предприятия
 перевести на государственное содержание, какие — на хозрасчет, какие
 сдать в аренду. Совершенно серьезно выходит т. Рязанов и говорит
 с присущим ему остроумием: "Пересмотрите все тома Карла Маркса,
 прочтите курс политической экономии Степанова-Богданова, снова про-
 читите Н. Бухарина "Экономика переходного периода", и найдите там
 "Новую экономическую политику"....

Мне вспоминается один анекдот: "Жил-был на свете очень уче-
 ный еврей — всю жизнь он изучал талмуди вот внучек его спраши-
 вает: "Скажи, дедушка, что боже это дело летать по воздуху". И уче-
 ный еврей стоял в недоумении: он не знал, что ответить: "в талмуде
 об этом не было ни слова".

С какой любовью собирает тов. Рязанов все рукописи — все, что
 можно только найти из наследства великого учителя. За одно это
 можно простить, и история простит этого ученого талмудиста....

По Рязановскому способу, если молодежь начнет изучать Ленина,
 то это будет похоже на ежедневное печатание в "Рабочей Москве":

"Изречения из Ленина"....

А по существу правильное воспитание и изучение произведений
 тов. Ленина, действительно, вознаградило бы все мировое движение
 в потере этого великого учителя....

Истинный демократизм внутри партийной жизни скажется именно
 в том и тогда, когда такая партия, как наша, стоящая у власти, и такого
 Союза Республик, как наш Союз — когда эта партия, в том враждебном окруже-
 нии — будет маневрировать, вся целиком от ячеек до ЦК, как мы до сих
 пор маневрировали эти семь лет.

И все-таки, хотя не прямым путем (как бы этого хотелось дру-
 гому горячему комсомольцу), а идем к коммунизму....

Шли семь лет и пойдем опять этим путем, если не свихнемся,

не расколемся, если сохраним свои ряды....

И увлечем за собой все братские коммунистические партии.

МИКУСОН.

Китайский узел.

(Очерк современного положения Китая, его отношений с крупнейшими
 буржуазными государствами и последних событий в Китае).

I. Мировая буржуазия и Китай.

Удивительные сказки издавна рассказывало людям море. Беско-
 нечные истории рокотали его волны привычному уху моряков. Вели-
 чественные песни пели ему морские бури. Сказочные существа
 рождались из морского тумана, гнездились в расщелинах коварных
 подводных скал, обитали на берегах одиноких островов, бродили среди
 хижин прибрежных жителей. Целые вороха самых причудливых сказа-
 ний привозили в своей памяти моряки из дальних плаваний.

И чем дальше от наших дней, чем глубже в прошлое, чем ближе
 к тем отдаленным временам, когда море еще нераздельно властвовало
 над усилиями человека, тем больше было этих сказаний, тем причуд-
 ливее были они, тем теснее сплетались в них действительность и вы-
 мысел, тем чаще даже самые обыкновенные и совсем неудивительные
 явления принимали в них сказочные формы....

Более семисот лет тому назад английские моряки, плававшие во-
 сточнее Индии, в том месте, где ряд цветущих островов разделяет
 волны Индийского и Великого океанов, привезли с собой на родину
 новое дотоле неслыханное сказание.

За грязными кривоногими столиками портовых кабаков, с горя-
 щими от воодушевления глазами, вперемежку с легендами о морских
 привидениях, незримой рукой опрокидывающих корабль в морскую
 пучину, рассказывали они изумленным слушателям о берегах новой,
 дотоле неведомой, таинственной страны.

Странно коверкая непривычные слова, сообщали название этой
 страны — Китай. Перескакивая с одного на другое, говорили о легких
 пагодах — храмах, украшающих ее селения. О благоухающих чайных
 рощах. О неисчислимых богатствах Китая. О шелковых халатах ки-
 тайских начальников. О горах серебра и несметных сокровищах ки-
 тайских властителей — богдыханов.

Из уст в уста переходили эти рассказы. Со страхом и любопыт-
 ством слушали их мирные обыватели. Жадно прислушивались к ним
 любители приключений и искатели легкой наживы. Мотали на ус пред-
 принимавшие купцы.

Нашлось много охотников проверить китайскую сказку. Сначала
 на легких быстроходных кораблях под черным флагом потянулись
 в Китай ватаги смельчаков — полуразбойников, полукупцов. За ними

давились корабли миссионеров-попов. Наконец, под военной охраной поплыли к китайским берегам солидные купеческие корабли с товарами.

Недружелюбно встретил непрощенных гостей Китай. Огромный и одинокий, отделенный от своих соседей с востока и юга океанами, с запада непроходимыми горными хребтами, с севера Монгольской пустыней, он наивно считал себя центром мира и с глубоким презрением относился ко всем тем народам, которые не имели великой чести быть китайцами. Китайские власти не пускали иностранные корабли в свои гавани. Уничтожали иностранные товары. Арестовывали купцов и миссионеров, сажали их в тюрьмы и нередко убивали.

Но упорное стремление к наживе пробило и эту, казалось, совершенно глухую стену непримиримой враждебности. Лестью, обманом, подкупом китайских чиновников английские купцы мало-по-малу не только добились права торговли, но и получили большие преимущества перед другими иностранными купцами.

Англия и Китай.

Англо-китайская торговля быстро развивалась. В Англии появились китайские шелковые ткани, чай, серебро. Китай стал курить ввозимый английскими купцами из Индии опиум.

Потребление этого одуряющего растения в Китае возрастало с неслыханной быстротой. Опиум курили не только китайские чиновники и купцы, но и трудовые массы. Курильщи появились не только в южных портовых городах, но и распространялись к северу по всему Китаю. Ввоз опиума за каких-нибудь тридцать лет возрос с 400 ящиков до 40.000 ящиков в год.

Китайское правительство встревожилось. Оно опасалось не за здоровье населения, — это его мало заботило. Но ввоз опиума вызывал колоссальный вывоз и утечку за границу серебряной монеты, а это, в свою очередь, порождало усиленный рост дороговизны. Ввоз опиума был запрещен. Английские купцы, подкупая китайских чиновников, стали его ввозить контрабандой. Китайское правительство принимало меры одну строже другой. Не помогало. Наконец, был издан закон, угрожавший смертной казнью всем ввозящим или содействующим ввозу опиума. И одновременно губернатор важнейшего южного приморского города Китая — Кантона произвел в городе повальный обыск, конфисковал весь опиум и велел бросить его в море.

Тогда английский парламент выразил готовность с оружием в руках защищать право английских купцов на отравление и грабеж Китая. В 1840 году Китаю была объявлена война. У китайских берегов, на полноводных реках Китая, среди древних пагод появились грозные фигуры английских фрегатов. Грохот английской артиллерии нарушил безмятежную тишину китайских полей. Английские пушки громили нестройные китайские полки, вооруженные пиками. Китай был побежден. Китайское правительство заплатило за утраченный опиум. Кантон и несколько других портов Китая были открыты для свободного и бесповоротного ввоза опиума и других английских товаров. Находящийся неподалеку от Кантона остров Гонконг отошел к Англии и под самым носом у Китая выросла английская крепость.

Но это было только начало. За началом быстро следовало продолжение. Лет двадцать спустя Англия снова воюет с Китаем. Английские и примкнувшие к ним французские отряды вторгаются в китайскую столицу — Пекин. Громят и уничтожают все на своем пути.

Сжигают великолепный дворец китайского богдыхана. Грабят находящиеся там несметные богатства. Грабят солдаты, еще больше грабят генералы. Дело доходит до того, что когда французский император потребовал от парламента выдать награду командиру французским отрядом в Китае генералу Монтбану, — парламент открыто заявил, что достойный генерал уже сам награди себя за труды и достаточно набил карманы в завоеванном Пекине.

Эта грабительская война открыла для иностранных товаров новые порты, дала иностранным купцам право на свободное передвижение по Китаю (большое преимущество, так как даже китайские купцы таким правом тогда не пользовались), позволили иностранным государством иметь своих послов в Китае.

Пора империализма. Закабаление Китая.

Время шло. У европейской буржуазии появились новые потребности.

Бурный рост промышленности в капиталистических государствах требовал все больших количеств все более дешевого сырья.

Вздорожание рабочих рук в Европе и необходимость приблизить производство к источникам сырья вызвали стремление к устройству фабрик и заводов в отсталых странах, где сырья вдоволь и рабочая сила нищем.

Накопление денежных капиталов в буржуазных государствах заставляло их владельцев заботиться о нахождении им выгодного и прибыльного применения, а наиболее выгодным приложением капиталов показала себя постройка железных дорог, оборудование портовых и других сооружений в отсталых странах, вооружение армий этих стран и кабальные займы их правительствам.

Грабительский империалистический нажим европейской и американской буржуазии на Китай быстро усиливается. В 1895 году китайское правительство вынуждено отменить закон, запрещавший ввоз машин, и иностранные фабрики начинают расти в Китае, как грибы после дождя. Сейчас в Китае уже 18 английских крупных фабрик, 17 японских фабрик и заводов, 10 американских.

Далее, умело используя постоянные войны Китая с европейскими государствами и Японией и вечную нужду китайского правительства в деньгах на покрытие военных расходов, иностранные банкиры навязывают Китаю кабальные займы (нередко даже тогда, когда он ведет войну против их страны). Взамен займов они получают право на постройку железных дорог в Китае. А так как вечная задолженность китайской казны не позволяет ей выкупить построенные дороги (как обычно устанавливается при заключении договора на постройку), так как она, наоборот, вынуждена заключать все новые займы и отдавать в обеспечение их даже те железные дороги, которые построены на китайские средства, — то понемигую вся железнодорожная сеть Китая переходит под контроль, то есть попросту в полное владение иностранных банкиров.

Мало того, частью с помощью тех же займов, частью попросту вооруженной рукой иностранцы захватывают у Китая (формально арендуют на 99 лет) богатейшие области. Эти области не только отдают в их руки мощные источники сырья (японские и американские рисовые поля в Манчжурии, леса в Манчжурии, уступленные России перед русско-японской войной, американские чайные рощи в среднем Китае), они дают им возможность проводить на китайской земле свои

железные дороги (русская Восточно-Китайская дорога в Маньчжурии) и устраивать у китайских берегов иностранные порты и крепости и устроить у китайских берегов иностранные порты и крепости (русский Порт-Артур, в 1905 году отнятый Японией, германское Цин-Дао, отнятое в 1914 году у Германии Японией, английский Вей Ха-Вей).

Наконец, с помощью тех же неоплатных займов, иностранцы получают в залог на десятки лет и поемному прибирают к рукам все важнейшие отрасли государственного хозяйства Китая. Значительная часть доходов от китайских пограничных и приморских таможен переходит в руки английских банкиров. Богатейшие угольные копи и железодобывательные заводы в среднем Китае — в руки японских капиталистов. Почти все поступления государственных налогов, доходы государственной торговли солью, винами, табаком, доходы почты, телеграфов и телефонов — все это плывет в карманы иностранной буржуазии.

„Боксерский договор“.

Империалистическое закабаление Китая, начатое около сорока лет тому назад, было окончательно закреплено после известного „Боксерского“ крестьянского восстания в Китае в 1900—1901 годах.

В 1901 году, придравшись к убийству боксерами германского консула в Пекине, Англия, Германия, Франция, царская Россия и некоторые другие государства двинули свои армии на китайскую столицу, разгромили нестройные толпы плохо вооруженных отрядов китайского богдыхана и заставили его подписать так называемый „Боксерский договор“.

По условиям этого договора, Китай обязывался уплатить огромную, совершенно непосильную денежную дань. Иностранцы получили право устанавливать для Китая таможенные пошлины и железнодорожные тарифы.

Китайским судам было запрещено судить иностранных подданных. Их могли судить только особые, специально для этого созданные консульские суды.

Те улицы китайских городов, где находятся здания иностранных посольств или консульств, или где проживают иностранные купцы, были поставлены под охрану иностранной полиции и иностранных военных отрядов.

В важнейшие центры Китая были введены иностранные гарнизоны. Океанские порты и речные пристани были заняты иностранными военными кораблями.

Совершенно ясно, какое огромное значение имел „Боксерский договор“ для иностранных грабителей. Необходимость уплачивать совершенно непосильную дань делала для Китая уже совершенно невозможным ни выплату многочисленных займов с их ростовщическими процентами, ни выкуп железных дорог, ни возврат находившихся в руках иностранцев таможен и различных источников государственных доходов. „Боксерский договор“ навсегда закреплял за иностранными банкирами китайские железные дороги, таможни, природные богатства (угольные залежи, леса) и большую часть других источников государственных доходов.

Мало того. Мировая буржуазия не только навсегда закрепляла за собой возможность выжимать из Китая огромные доходы, доходы, которые во много раз превышали ценность тех капиталов, которые были ею одолжены китайскому правительству или потрачены на постройку железных дорог.

Переход под контроль иностранных капиталистов китайских железных дорог, постройка ими собственных удобных и хорошо обо-

рудованных морских портов вместе с предоставленным им „Боксерским договором“ правом устанавливать таможенные пошлины и железнодорожные тарифы — давали в руки мировой буржуазии сильнейшее орудие для борьбы с конкуренцией китайских товаров. Позволяли ей теснить китайских купцов высокими тарифами и облегчать положение иностранных купцов низкими таможенными сборами. Открывали ей возможность перевозить по удешевленному тарифу и тем понижать стоимость производства находящихся в Китае иностранных фабрик, обеспечивали возможность широкого вывоза промышленного сырья из самых отдаленных уголков страны и приобретения его по крайне низким ценам.

Наконец, все эти неисчислимые выгоды закреплялись постоянным нахождением в Китае иностранных войск, запрещением Китаю производить и покупать оружие без разрешения представителей иностранных государств и установлением постоянного контроля этих представителей над внутренним управлением государства и, особенно, над внешней политикой китайского правительства.

Если к этому добавить продажность всех китайских властей от городского до богдыхана, которых за деньги можно было, да и теперь еще можно заставить сделать все, что угодно, — то станет совершенно ясно, что „Боксерский договор“ превращал весь Китай, все его природные богатства, труд и достоинство его населения в полную собственность кучки иностранных капиталистов.

Новый натиск мировой буржуазии.

Закабаление Китая очень скоро вызвало среди иностранных капиталистов ожесточенную борьбу за раздел китайской добычи.

В буржуазных газетах пошли разговоры о разделе Китая. Втиши министерских кабинетов, во всех столицах буржуазного мира началась фабрикация планов полного уничтожения самостоятельности Китая, раздела его на области и распределение этих областей между отдельными капиталистическими государствами. Однако, такого плана раздела Китая, который помирил бы всех хищников, выработать не удалось, а разразившаяся в 1914 году мировая война на время отвлекла внимание Европы и Америки от Китая.

Этим воспользовалась Япония. Вся хозяйственная мощь, все военное могущество современного капиталистического государства основано на развитии сильной металлургической промышленности. Развитие металлургии немислимо без обладания запасами хорошей руды и доброкачественного каменного угля. А между тем природа не дала Японии ни того, ни другого.

Вот почему, участвуя наравне с другими капиталистическими государствами в грабеже Китая, Япония прежде всего устремляется к захвату китайских рудных залежей и угольных копей. Мировая война дает ей возможность захватить руководящее влияние на китайское правительство. Завоевание находящейся в Китае германской крепости Цин-Дао, захват прилегающей к ней китайской области Шаньдун, приобретение в залог под предоставленные Китаю займы богатейших угольных залежей и крупнейших железодобывательных китайских заводов по течению реки Ян-Цзы (Голубой реки) — надолго обеспечивали снабжение японской металлургии, пышный расцвет японской промышленности и рост военного могущества Японии.

Но сильная Япония всегда была бельмом в глазу у американской буржуазии. Она являлась главной помехой, препятствовавшей амери-

канским капиталистам захватить в свои руки всю торговлю и пароходство не только в Китае, но и по всем многочисленным островам Тихого океана. И неудивительно, что окончание мировой войны становится началом ожесточенной борьбы, в которой Америка всеми силами пытается вытеснить Японию из Китая и отнять у нее источники ее могущества—китайский уголь и железо.

Сильнейшее землетрясение в сентябре 1923 года подрывает силу сопротивления Японии. Нажим Америки в Китае усиливается. А еще год спустя, к середине текущего 1924 года начинает действовать целый ряд новых причин, которые побуждают к новому нажиму на Китай уже не только Америку, но и Англию, и которые приводят к их нынешнему совместному вмешательству в китайские дела и к возрождению планов раздела Китая.

Вот как оценивает это вмешательство японская буржуазная газета "Нугай Шагно":

— "Америка и Англия собираются решительно вмешаться в дела Китая. Пользуясь ими же вызванной, ими же разжигаемой гражданской войной, они хотят окончательно прибрать к рукам весь Китай и поделить его между собой."

— "Это решение принято правительством Англии и Америки совместно и под давлением одного из крупнейших американских банкиров—Моргана."

В этом заявлении японской газеты весь смысл нового натиска мировой буржуазии на Китай.

Промышленный застой в Америке, вызванный сильными затруднениями в сбыте товаров, накопление огромных денежных капиталов, не находящих себе выгодного и прибыльного применения, тот же и вызываемый теми же причинами промышленный застой в Англии, совместное выступление Америки и Англии под командой Моргана в деле закабаления Германии, которое может быть прибыльным только в случае всемерного расширения сбыта германских товаров,—все это заставляет Моргана обратить усиленное внимание на Китай и немедленно же воспользоваться ослаблением Японии.

Морган стремится заставить Японию отказаться от всякого влияния на китайское правительство, стремится вырвать у нее всеческие льготы и торговые привилегии, хочет отнять у нее китайские угольные копи и окончательно вытеснить ее из Манчжурии.

Морган добивается разрушения молодой, но окрепшей за последние годы китайской промышленности, добивается перехода в руки американских и английских капиталистов китайских фабрик и заводов, мечтает о постройке в Китае новых американских и английских промышленных предприятий и железных дорог, об окончательном срыве конкуренции китайских купцов, расширении ввоза иностранных товаров и полном вытеснении ими китайских изделий.

Япония по мере сил оказывает сопротивление натиску англо-американского капитала. Но она, конечно, вовсе не собирается противиться чудовищному плану ограбления Китая. Она озабочена, главным образом, тем, чтобы при дележке китайской добычи и ей кое-что досталось и чтобы, прежде всего, сохранить за собой донные находящиеся в ее руках угольные копи.

Вот изнанка, вот главные пружины раздирающей Китай гражданской войны. Вот скрытая основа последних событий в Китае. Однако, для того, чтобы хорошо понять и окончательно разобраться в этих событиях, необходимо учесть еще целый ряд других действующих

в Китае сил, не менее важных и значительных, чем те, о которых мы только что говорили.

Необходимо обратиться к самому Китаю, посмотреть, что он из себя представляет, какие общественные силы в нем действуют, каковы относятся друг к другу и к натиску мировой буржуазии.

II. Общественные группы современного Китая.

Крестьянство.

Из 450 миллионов китайского населения подавляющее большинство—около 400 миллионов составляют крестьяне, главным образом, мелкие земледельцы.

В южном и среднем Китае, где население особенно густо, на одну крестьянскую семью в среднем приходится не более десятины. Наоборот, на севере, на необъятных пространствах Манчжурии, где население значительно больше—до семидесяти десятины земли.

В среднем и южном Китае крестьяне ведут грядковую (огородную) культуру, разводят рис и чай, которые могут давать богатые урожаи на самых крошечных земельных участках. Разводят шелководных червей.

В Манчжурии также сеют рис, и, кроме того, пшеницу и гаолян (вроде проса).

Обработка земли в Китае ведется по старинке. Земледельческие орудия значительно хуже наших. Скота почти вовсе нет. (Только в Манчжурии имеются довольно крупные стада). При этих условиях, китайское крестьянское хозяйство является крайне маломощным. В среднем и южном Китае голод—самое обычное явление, которое уносит не тысячи, а миллионы жертв и ежегодно пускает по-миру сотни тысяч крестьян, пополняя ими ряды безработных "були" (чернорабочих) или заставляя их наниматься в солдаты (в Китае все войска вольнонаемные).

Помещика китайский крестьянин не знает уже давно. Настоящих помещиков в Китае и вовсе никогда не было. Но зато китайское крестьянство тяжело чувствует на своей спине вековой гнет бессовестно обирающих и всячески притесняющих его китайских чиновников—мандаринов и, особенно, начальников отдельных провинций (областей) Китая—дудзюнов.

При огромных пространствах Китая, при обособленности отдельных областей, при незначительном развитии железнодорожной сети, при слабости центрального правительства, дудзюны являются почти совершенно независимыми от центральной власти самостоятельными властителями провинций и настоящими господами современного Китая.

Крупные военные силы, которые находятся в распоряжении дудзюнов, как командующих войсками своих провинций, всесказанно усиливают их независимость и самостоятельность и их власть над местным населением.

И все это безраздельное господство они используют для обогащения, для накопления неслыханных богатств, для грабежа крестьянского населения, беспощадно вгоняемого ими в беспросветную нищету.

Низкому уровню хозяйственного развития и неслыханной нищете китайского крестьянства соответствует и крайне низкий уровень культурного развития крестьянской массы. Крестьяне—почти поголовно неграмотны, темны, суеверны, забиты, распылены, несознательны, часто до того, что не имеют решительно никакого представления о том, что творится за пределами их провинции (области) и даже округа (губернии).

Ремесленники и мелкие торговцы.

Городское население Китая—это почти исключительно ремесленники и мелкие торговцы. Китайский город—один большой базар, где почти сплошь одни торговые лавочки и ремесленные мастерские.

Китайский ремесленник—необыкновенно усидчивый, терпеливый и кропотливый работник, который не стесняется временем, не жалеет труда и часто создает ремесленные изделия необычайно тонкой работы и высокой художественной ценности. У каждого ремесленника обычно имеется несколько подмастерьев и учеников. Труд подмастерьев и учеников оплачивается нищенски.

Ремесленники организованы в цехи (союзы), которые устанавливают цены на продукты ремесленного производства и оплату труда подмастерьев и учеников.

Цехи с большой враждой относятся ко всяким новшествам, особенно к введению машинного производства и устройству фабрик. Они сильно (и основательно) опасаются, что фабрики могут совсем вытеснить ремесленный труд.

Наоборот, среди подмастерьев, не входящих в цехи и беспощадно угнетаемых хозяевами, преобладает враждебное отношение к существующим порядкам и господствует мятежный дух протеста.

Китайские купцы во многом похожи на ремесленников. Торговлю они ведут по старинке. Времени не ценят. Работают медленно. У каждого купца десятки приказчиков, куча торчащих во всех китайских магазинах.

При всем том, китайский купец все же накапливает порядочные капиталы, которые, обычно, идут на организацию ростовщического кабального кредита крестьянству, ремесленникам или мелким торговцам.

Крупная буржуазия.

Постепенное накопление капиталов, влияние иностранной буржуазии и приток капиталов из-за границы неизбежно вызывают порой очень бурный рост крупной китайской буржуазии. За два последние десятилетия в Китае появляется богатое купечество, ворочающее миллионами, промышленники—владельцы крупных промышленных предприятий и крупные банкиры.

Характер крупной буржуазии в различных районах необъятного Китая не одинаков.

На севере, в Манчжурии преобладает крупная торговая буржуазия. Почти двадцать миллионов десятин годной для обработки земли, дешевые рабочие руки, обеспеченные постоянным притоком переселенцев из поражаемого частыми голодовками среднего Китая, даже при крайне низком уровне развития сельскохозяйственной техники обеспечивают Манчжурию громадную производительность пищевых продуктов. В среднем в Манчжурии производится около 10 миллионов тонн (тонна 61 пуд.) пищевых продуктов в год. Из этих 10 миллионов ежегодно остается излишек и вывозится за границу более, чем полтора миллиона тонн, то-есть около 100 миллионов пудов пищевых продуктов.

Взамен вывоза хлеба и продуктов животноводства манчжурские купцы ввозят ежегодно значительные количества золота и серебра. На основе постепенного накопления этих капиталов в Манчжурии начинают организовываться винокуренные заводы, мельницы и другие предприятия сельскохозяйственной промышленности.

Организируются также различные кредитные предприятия и даже крупные банки. С помощью кредита (конечно, кабального) купцы обеспечивают себе возможность дешевой закупки продуктов у крестьян.

Средний Китай—колыбель китайской промышленности.

Здесь по течению величайшей в Китае впадающей в Тихий океан реки Ян-Цзы (Голубой реки), которая прорезывает самые плодородные, самые густо населенные провинции, расположены богатейшие залежи каменного угля и железной руды.

Здесь крупнейшие промышленные и торговые города Китая Ханькоу—центр металлургической и машиностроительной промышленности, Шанхай—важнейший порт Китая на Великом океане, где скапливаются десятки и сотни пароходов, приходящих со всех концов мира, главные ворота китайского ввоза и вывоза, город крупнейших китайских банков, ворочающих капиталами в десятки миллионов долларов (китайский доллар—приблизительно полтора рубля).

Здесь же важнейшие текстильные (прядельно-ткацкие) фабрики Китая, оборудованные по последнему слову техники. Больше половины текстильного производства находится, однако, еще в руках кустарей-ремесленников, которые находятся, конечно, в полной зависимости от купцов—купцов, ростовщиков и банков.

Есть еще одна группа крупной буржуазии Китая. Это—купцы, занимающиеся посредничеством между иностранными купцами и местным населением. Эти компрадорские группы буржуазии можно наблюдать во всех крупных городах.

Крупная буржуазия Китая ни по размерам своих богатств, ни по своей сознательности, организованности, по своему влиянию на государственные дела не может, конечно, сравниться с буржуазией крупнейших капиталистических государств мира.

Но она быстро растет. Она организуется и уже теперь находится в тесной связи с господами современного Китая—дудзюнами (они же и военные начальники—генералы. Из их среды выходит и большинство министров).

Огромные богатства, накопленные с помощью грабежа совершенно бесправного крестьянского населения, мелких купцов и ремесленников, дудзюны пускают в оборот, и в настоящее время ряд известнейших китайских генералов, министров, дудзюнов вплоть до нынешнего президента Китая—Цао-Куна являются собственниками крупнейших промышленных предприятий, пайщиками важнейших банков и железных дорог.

Рабочее движение.

Одновременно с ростом крупной китайской буржуазии и сращиванием ее с правящими группами страны—под сводами громадных заводов и фабрик не по дням, а по часам растет революционная армия китайского рабочего класса.

Нынешние условия труда китайского рабочего ужасны. Продолжительность рабочего дня достигает 16 часов в сутки. Заработок рабочего—не более 30 коп. в день, работницы (главным образом, на текстильных фабриках)—не более 20 коп., подростка—не более 10 копеек.

Эти условия, вполне понятно, становятся источниками растущей революционности китайских рабочих. Китай уже знает крупные забастовки с участием тысяч рабочих и даже с кровавыми столкновениями

между бастующими и усмиряющими их войсками. Во главе забастовочного движения идут железнодорожники и металлисты.

Борьба с буржуазией рождает организацию. Рабочие быстро организуются в профессиональные союзы. С 1921 года в Китае существует пока еще немногочисленная, но крепкая коммунистическая партия.

III. Китайская буржуазия и натиск мирового капитала.

Компрудорская буржуазия Китая.

Вековой натиск мировой буржуазии на Китай не встретил, да и не мог встретить одинакового сопротивления со стороны всех групп китайского населения.

Очень значительные общественные группы Китая уже давно отказались от своего враждебного отношения к иностранцам, давно перестали гордиться своим китайским происхождением и даже прониклись огромным уважением к иностранным государствам, особенно к Англии.

Еще в те отдаленные времена, когда англичане контрабандой ввозили в Китай опиум, огромные прибыли от этой торговли шли в карманы не только англичан, не только подкупленных ими китайских чиновников, но и обогащали очень многих китайских купцов, которые продавали этот опиум потребителю, которые организовывали его распространение сначала в приморских городах, а потом и по всему Китаю. Расширение торговли опиумом после англо-китайской войны (в 1840 году), рост ввоза других английских товаров, закупки англичанами китайских товаров для вывоза, все это шло через руки китайских купцов, служивших посредниками между иностранной буржуазией и китайским населением и наживавших при этом огромные барыши.

Дальнейшее проникновение иностранцев в Китай, начавшееся и быстро шедшее вширь и вглубь закабаление Китая не повижало, а, наоборот, повышало размеры этих посреднических барышей, непрерывно обогащало посредников, усиливало их роль и значение среди остальных групп китайской буржуазии.

Так мало-по-малу, сначала в приморских городах, потом во всех крупнейших торговых центрах, наконец, по всему Китаю выросли сильные группы китайской посреднической „компрудорской“ буржуазии, выросли группы богатейших китайских купцов и банкиров, обязанных своими богатствами вторжению иностранной буржуазии, связанных с этой буржуазией общностью интересов, извлекавших огромные выгоды из закабаления широких китайских масс, а потому заинтересованных наравне с иностранцами в охране и поддержке, укреплении и усилении кабального владычества иностранных капиталистов в Китае.

Иностранцы, особенно умное и дальновидное правительство английской буржуазии, своевременно уловили огромное значение для них китайских компрудоров, поняли, какую огромную опору и поддержку, какую широкую возможность влияния на китайские дела могут обеспечить компрудоры иностранной буржуазии, и приняли все меры для того, чтобы уже установившуюся тесную связь хозяйственных интересов закрепить развитием своего культурного влияния на Китай.

В крупнейших городах Китая быстро растут иностранные, главным образом, английские школы, университеты, институты. Иностранцы—профессора вступают в борьбу со старыми китайскими религиоз-

ными школами и старой китайской религиозной наукой. Они знакомят молодежь с достижениями новейшей науки. И одновременно, тонко чувствуя иностранной буржуазии, глубокую веру в исконное человеческое могущество и мировому владычеству Англии.

Иностранцы университеты положили начало китайской интеллигенции. Из их стен вышло не одно поколение китайских профессоров, ученых, адвокатов, врачей, общественных деятелей, вождей политических организаций, даже революционных вождей и вождей рабочего движения. И неудивительно, что и по настоящее время, когда в Китае уже есть китайский университет (в Пекине), английская школа продолжает еще играть огромную роль в китайской жизни, английский язык все еще сильно распространен в китайских городах, а невольное, иногда бессознательное уважение к Англии чувствуют даже те вожди китайского народа, которые ведут самую отчаянную борьбу против господства английских и других иностранных капиталистов.

Китайская революция.

Решительные сторонники иностранного владычества—компрудоры составляют и всегда составляли лишь ничтожное меньшинство китайского населения.

Большинство китайских купцов, теснимых конкуренцией иностранных товаров, китайские ремесленники, разоряемые дешевизной машинного производства, завезенного в Китай иностранцами, китайские „кули“, страдавшие от дороговизны хлеба, сильно возросшей в связи с начавшимся вывозом продовольствия из Китая, китайское крестьянство, испытывавшее на себе значительно усилившиеся аппетиты мандарinov и дудзюнов с тех пор, как вторжение иностранного капитала дало толчок к развитию китайской хозяйственной жизни и показало китайскому владычеству путь к использованию накопленных богатств в торговле и промышленности,—все эти группы испытывали не только вполне понятное недовольство хозяйничаньем иностранцев в Китае, но и питали по отношению к ним глубочайшую ненависть.

Скоро после заключения „Боксерского договора“ в 1901 году, когда господство иностранцев стало особенно сильно чувствоваться широчайшими массами китайского населения, в Китае под впечатлением первой русской революции 1905 года возникает мощное революционное движение.

В этом движении, направленном против иностранного владычества и против трона китайского богдыхана, опиравшегося на иностранцев и потому находившегося всецело под их влиянием, приняла большое участие и компрудорская буржуазия. Поддержали революционное движение и иностранцы.

В этом нет ничего удивительного. И иностранцы, и поддерживавшие их компрудорские группы рассчитывали и не без основания, что революция уничтожит очень многие остатки старины в системе управления Китая, которые мешали торговому и промышленному развитию страны. Кроме того, они надеялись, что революция и связанная с ней временная разруха помогут иностранной буржуазии усилить свое влияние в Китае.

Что же касается борьбы революционеров против иностранного владычества, то у иностранцев было достаточно сил, чтобы обеспечить

свои интересы и не допустить развития революции дальше того предела, до которого она им была выгодна.

В 1911 году вспыхнула китайская революция. Трон богдыхана рухнул. Китай был объявлен республикой. Вождь революции Сун-Ят-Сен стал первым президентом республиканского Китая.

Однако, революция остановилась на полдороге. Организации китайской революционной буржуазии, которые были достаточно сильны, чтобы, опираясь на возмущение масс, свергнуть богдыхана, оказались недостаточно сознательными и опытными, чтобы понять необходимость замены богдыхана сильной революционной властью, чтобы суметь организовать эту власть и подчинить ей два десятка маленьких богдыханов на местах — дудюнов. Даже передовые буржуазные группы не испытывали еще потребности в обладании государственной властью. Она им была еще не нужна. Они вообще еще мало интересовались судьбами китайского государства и больше думали каждая о своих узких местных интересах.

— «Крепость всякой власти», — писал Сун-Ят-Сен, — зависит от крепости поддерживающих ее сил. Здоровые силы — крепкая власть. Нездоровые силы — гнилая власть». Силы китайской революции оказались, увы, не то что нездоровыми, а не совсем зрелыми. Отсюда слабость революционной власти.

Революционное настроение среди масс, удовлетворившихся свержением богдыхана, быстро улетело. Только что избранный президент и наскоро созданный парламент, лишённые всякой силы и поддержки, сразу оказались игрушкой в руках всеисильных дудюнов. А дудюны, сохранив все свои богатства, всю власть и в качестве военных начальников крупные вооружённые силы, стали совершенно самостоятельными властителями китайских провинций и вступили друг с другом в ожесточённую борьбу за захват столицы Пекина и за грабительское господство над всем Китаем.

Так недоделанная революция положила начало кровавой междоусобице, которая и по сей день продолжает опустошать Китай, которая в руках мировой буржуазии является лучшим орудием закабаления Китая и которая неизменно поддерживается и разжигается агентами иностранных правительств с тех пор, как интересы иностранных банкиров заставили их от поддержания китайской революции перейти к поддержке генеральской контр-революции.

Националистическая буржуазия среднего Китая.

Революция все же не прошла без следа. Те, хотя и незаметные, изменения, которые она внесла в условия китайской жизни, вызвали быстрое развитие китайской промышленности. Гражданская война замедлила, но все же не могла окончательно остановить этого развития. А начавшаяся в 1914 году мировая война, когда крупнейшие буржуазные государства значительно ослабили свой нажим на Китай, когда ввоз иностранных товаров в Китай резко упал, когда и внутри страны и даже отчасти вне ее увеличился спрос на продукты китайской промышленности, — дала новый и решительный толчок к бурному росту китайских промышленных предприятий.

В 1891 году в Китае было только две китайских хлопчатобумажных фабрики. Через двадцать пять лет, к мировой войне, их было сорок одна. А еще через семь лет — в 1923 году в Китае насчитывается уже 94 китайских хлопчатобумажных фабрики. Неуклонно росли и другие отрасли китайской промышленности.

Китай твердой ногой вступает на путь самостоятельного промышленного развития, на путь создания и укрепления собственных китайских предприятий. В обстановке бурного промышленного подъема, лишь сознательности и организованности китайской промышленной сов, отличающихся от потребностей других слоев китайского населения. Растет понимание национальных интересов, как интересов, противоположных домогательствам иностранной буржуазии. А одновременно растет и крепнет организация, теснее сплавиваются ряды китайских промышленных групп.

Уже во время мировой войны и особенно после нее среда наиболее богатых и сознательных групп промышленной буржуазии среднего Китая возникает мощное национальное объединительное движение. Это движение стремится вырвать Китай из-под кабального господства иностранных капиталистов, возратить Китаю все захваченные иностранцами естественные богатства, затруднить доступ иностранных товаров в Китай и обеспечить китайской буржуазии широкую возможность самой эксплуатировать китайские трудовые массы, самой выжимать из них те доходы и пользоваться теми выгодами, которыми до настоящего времени пользовались иностранцы.

Движение стремится одновременно к прекращению постоянной гражданской войны и уничтожению созданных этой войной внутренних границ, к установлению по всей стране единой системы управления и единых административных и судебных порядков. Стремится улучшить условия и обеспечить безопасность передвижения и перевозки товаров внутри Китая, что невозможно без прекращения гражданской войны. Стремится к расширению рынков для изделий китайской промышленности, к обеспечению для нее широких возможностей сбыта, к поднятию благосостояния главного многомиллионного покупателя — китайского крестьянина. А это тоже невозможно без прекращения гражданской войны.

Это движение добивается объединения Китая, уничтожения самостоятельности отдельных провинций и слияния их в единое сильное буржуазное государство под руководством единой и твердой государственной власти, охраняющей интересы китайских промышленников и банкиров.

Но где же те силы, на которые рассчитывает опереться националистическая буржуазия в своей борьбе за создание единого и независимого от иностранцев Китая?

— Крестьянство? Но китайское крестьянство еще слишком отсталое и невежественное. Оно еще глубоко равнодушно ко всякому объединению страны и совершенно неорганизовано для того, чтобы повести упорную, неуклонную борьбу против ненавистных и ему иностранцев, против разоряющих его своими войнами китайских генералов. Оно способно на вспышку, на бунт, на мятеж, но пока еще не на борьбу. К тому же, где порука, что крестьянство в своей борьбе против иностранных насильников и китайских генералов не захочет обратить своего оружия и против обирающих его купцов и вообще буржуазии?

— Мелкие торговцы, ремесленники?

Но их столько же разоряют иностранцы, сколько и свои фабриканты, банкиры и крупные скупщики. Они столь же враждебны иностранной, сколько и своей крупной буржуазии. К тому же и они пока еще столь же мало организованы для борьбы.

— Рабочие? Они являются передовым отрядом китайских трудящихся масс. Они достаточно сознательны, чтобы понимать и необходимость объединения и необходимость национального освобождения Китая. Они достаточно организованы, чтобы за это объединение и освобождение бороться. Но рабочие, ведь, не забудут массовых расстрелов бастующих железнодорожников в Ханькоу (в феврале 1923 года). Ведь массовое забастовочное движение, прокатившееся по Китаю в прошлом году, и неслыханно жестокие кровавые усмирения бастующих навсегда вырыли пропасть между китайской буржуазией и пролетариатом. Ведь, рабочие вполне отчетливо понимают, для чего нужно объединение и освобождение Китая буржуазии. Ведь, они не пойдут за буржуазными вождями умирать за буржуазные интересы. А если сначала и пойдут, то есть все основания предвидеть, что очень скоро они обратят свое оружие не только против иностранцев и китайских генералов, но и против китайской буржуазии.

Кто же остается?—Остаются черносотенные дудзюны-генералы с их наемными войсками. Но, ведь, именно генералы то и мешают объединению Китая. Ведь, они не желают расставаться с неограниченной властью в своих провинциях. Ведь, именно их то и сталкивает абамп иностранная буржуазия. Именно между ними она и поддерживает междоусобицу, оустошая Китай, ослабляя его и подрывая силу сопротивления китайской буржуазии.

Так как же быть? Какой же выход из положения видит тут китайская националистическая буржуазия?

Она пытается опереться на некоторых наиболее сильных генералов и поддерживающие их военные (офицерские) группы. Она выбирает тех из них, которые сами наиболее связаны с промышленностью (таких генералов, как мы уже видели ранее, не мало) и которые поэтому заинтересованы в объединении Китая. Она группируется вокруг этих генералов, оказывает им поддержку. С помощью их армий рассчитывает разбить армии других дудзюнов и, таким образом, завоевать весь Китай, объединить его силой оружия, а затем противопоставить натиску иностранной буржуазии военную мощь объединенного Китая.

Однако, и война в Китае возможна лишь с согласия и одобрения иностранной буржуазии. Война одного сильнейшего дудзюна против всех остальных дудзюнов невозможна до тех пор, пока на нее не изливается согласия иностранных правительств. Ведь по „Боксерскому договору“ Китай без разрешения иностранцев не имеет права ни производить, ни покупать оружие. А если бы он и нарушил это условие договора, то все равно в Китае военных заводов нет и он может получить военное снаряжение только от иностранцев. Иностранцы всегда могут сделать сильнейшего дудзюна слабейшим, отказываясь снабжать его оружием. Могут сделать слабейшего сильнейшим, давая ему деньги на наем солдат, доставляя ему оружие, поддерживая его своими отрядами или военным флотом с моря.

И, конечно, трудно предполагать, чтобы иностранцы не стали препятствовать военному объединению Китая. Ведь, это во всяком случае означало бы его укрепление и увеличение силы его сопротивления кабальному господству иностранной буржуазии. А уж совсем невозможно допустить, что они отказались мешать такому военному объединению, которое является первым шагом на пути к свержению их господства.

Вот почему националистические слои китайской буржуазии в своем стремлении к объединению и освобождению Китая вынуждены

не только опираться на сильнейшие генеральские группы для вооруженной расправы с другими, более слабыми военными группами—но и искать поддержки наиболее сильного (и по возможности наименее корыстолюбивого) из иностранных капиталистических правительств для борьбы с остальными менее сильными хищниками, угнетающими Китай.

Генерал У-Пей-Фу и его политика. Бои у Шанхая.

Во время мировой войны среди ожесточенно боровшихся друг с другом китайских дудзюнов выделяется сильная военная группа, во главе которой стоял генерал Дуан-Ци-Джуй.

Сам—богатейший купец и крупный промышленник, пайщик многих предприятий, банков и железных дорог, Дуан-Ци-Джуй был тесно связан своими интересами с передовыми группами националистической промышленной буржуазии среднего Китая. Разделяя интересы этих групп, он, естественно, разделял и их стремления. А разделяя эти стремления, он, быть может, и сам как следует не понимая этих стремлений и действуя под влиянием узколичных выгод, старался установить связь и опереться на поддержку того иностранного правительства, которое казалось ему наиболее сильным, наиболее способным и наиболее заинтересованным в том, чтобы помочь созданию сильного Китая, независимого от других иностранных капиталистических государств.

Дуан-Ци-Джуй обратил свои взоры в сторону Японии.

Родственная Китаю по национальному составу своего населения, тесно связанная с ним своими хозяйственными (хотя и грабительскими) интересами, резко враждебная другим распоряжавшимся в Китае иностранным государствам, особенно Америке, заинтересованная в их вытеснении оттуда и только что показавшая несокрушимую мощь своей армии (взятие германской крепости в Китае—Цин-Дао в конце 1914 г.), Япония казалась наиболее подходящим союзником.

Однако, выбор оказался неудачным. Японское правительство не поняло, насколько выгодно было бы ему самому поддержать объединительные стремления националистической китайской буржуазии. Оно этих стремлений не поддержало. Наоборот, оно вызвало сильнейшее раздражение среди китайской буржуазии своим беззастенчивым грабежом Китая во время мировой войны, а еще больше навязанным Китаю (в 1915 году) кабальным и унижительным договором, известным под названием „21 условия“.

Вот почему, когда с окончанием мировой войны Англия и особенно Америка снова обратили свое внимание на Китай, когда выяснилось, что Япония недостаточно сильна, чтобы совсем вытеснить из Китая американских и английских капиталистов, и что, наоборот, Америка и Англия сами в состоянии достаточно потеснить Японию,— вот почему еще задолго до японского землетрясения, уже окончательно подорвавшего всякие расчеты на Японию, китайская националистическая буржуазия начинает сближаться с другой сильной военной группой—„Чжили“, группой генерала У-Пей-Фу, которая находит поддержку у английских и американских капиталистов, особенно у правительства Америки.

В 1920 году войска У-Пей-Фу изгоняют из Пекина правительство Дуан-Ци-Джуя. А три года спустя, после ожесточенной борьбы с поддерживавшейся Японией группой генерала Чан-Цзо-Лина (об этой борьбе дальше), У-Пей-Фу подчиняет своей власти большую часть дудзюнов среднего Китая, занимает Пекин и китайский парламент, подкупленный

американским золотом, выбирает другого вождя группы Чжили—Цао-Куна президентом Китая.

Американское золото и объединительные стремления националистической буржуазии среднего Китая сыграли одинаково важную роль в победах У-Пей-Фу и в захвате группой Чжили правительственной власти. Нет ничего удивительного в том, что они продолжали и теперь продолжают играть одинаково важную роль и в политике чжилийского правительства.

Цао-Кунь является послушным исполнителем всех требований правительства Англии и Америки. Он из кожи лезет вон, чтобы угодить своим господам — англо-американским банкирам. В угоду им (но не только им) он становится злейшим палачом и угнетателем китайских масс. Препятствует изданию законов, хоть сколько-нибудь обеспечивающих отчаянное положение китайского рабочего. Всюду пытается подавить рабочее движение. Громит рабочие организации. Зверски расправляется с бастующими. Топит в крови крупнейшие забастовки последних лет — железнодорожников в Ханькоу и углекопов на английских копях в Тянь-Цзине.

Но правительство не забывает и националистических стремлений выдвинувшей его китайской буржуазии.

Фактический вождь Чжили, фактический глава правительства генерал У-Пей-Фу оказался достаточно дальновидным, чтобы предоставить формальную власть Цао-Куню.

Честолюбивый и властолюбивый, он не только отказался от президентского места. Он уехал из Пекина и перенес свой штаб в захолустный городишко Лоян, чтобы сохранить за собой известную самостоятельность и независимость от иностранцев, чтобы быть подальше от пытливых взоров и навязчивых влияний представителей Англии и Америки, чтобы без помехи вести работу по укреплению армии и подготовке завоевания еще не подчинившихся ему китайских провинций (таких не мало).

Черносотенный ненавистник революции, заклятый враг и усмиритель китайских трудящихся масс, У-Пей-Фу тем не менее горой стоял за заключение соглашения между Китаем и СССР и положил не мало сил, чтобы помешать иностранным послам сорвать уже заключенное соглашение. У-Пей-Фу хорошо понимает огромную международную силу СССР и он не прочь эту силу противопоставить силе своих господ — Англии и Америки. Он не прочь на эту силу опереться, чтобы, насколько возможно, ослабить свою зависимость от американского и английского правительства.

И Англия и Америка достаточно хорошо понимают двойственность политики У-Пей-Фу и платят ему той же политикой.

Они всячески пытаются ослабить его самостоятельность. Делают все возможное, чтобы увеличить его зависимость от американского и английского правительства.

Они препятствуют развитию военной промышленности в Китае. Они мешали пекинскому правительству заключить соглашение с СССР. Они пускаются на все, чтобы помешать проведению этого соглашения в жизнь. Они делают теперь решительную попытку к окончательному срыву китайско-советского соглашения.

Они оказывают давление на У-Пей-Фу, чтобы заставить его отказаться от соглашения с СССР, чтобы лишить его могучей поддержки Советского Союза и окончательно подчинить его своей воле, чтобы навязать пекинскому правительству новый кабальный договор, который бы

открыл перед англо-американским капиталом возможность проведения того плана окончательного закабаления Китая, о котором мы уже говорили.

Именно в этом усилении нажима на пекинское правительство и заключается смысл тех событий, которые развертываются сейчас на запад от Шанхая.

Что там происходит? — Война между лудзином провинции Цзянг-Су генералом Чи-Си-Юан'ом и дудзином провинции Дже-Цзянг генералом Ли-Юн-Сиан'ом.

Кто вызвал эту войну?

— Пекинское правительство, под властью которого находится провинция Цзянг-Су и которое оказывает поддержку Чи-Си-Юан'у, утверждает, что войну начал Ли-Юн-Сиан' своей попыткой напасть на железнодорожную дорогу между Нанкином и Шанхаем. Пекинское правительство объявило Ли-Юн-Сиан' мятежником, объявило его лишенным генеральского чина, всех должностей, званий и орденов. Ли-Юн-Сиан' заявляет, что войну, наоборот, начал Чи-Си-Юан' своей попыткой напасть на находящуюся в руках Ли-Юн-Сиан' крепость Вузун (вдалеке от Шанхая) и захватить имеющийся там арсенал.

Но все это, сущий вздор. Еще до того, как началась ссора между почтенными генералами, иностранные послы в Пекине предупреждали пекинское правительство, что скоро вспыхнет гражданская война, а английская газета „Дейли Телеграф“, весьма близкая к английскому министерству иностранных дел, намекала, что в эту гражданскую войну Англия обязательно должна вмешаться. Еще раньше американские буржуазные газеты писали о невиданной раньше строптивости китайского правительства, а американский министр иностранных дел Юз во всеуслышание говорил о своем решении заняться китайскими делами.

Все эти разговоры, намеки и предупреждения совершенно ясно говорят о том, что война понадеялась иностранной буржуазии и что начали ее не Чи-Си-Юан' и не Ли-Юн-Сиан', а иностранные правительства, скорее всего английское.

Кто же побеждает? Военные действия развиваются очень медленно. Есть все основания думать, что иностранцы поддерживают и, очень возможно, в одинаковой степени обоих противников (как это часто бывает в Китае). Обе стороны несут одинаково тяжелые потери. Но решительного успеха, по видимому, не имеет ни одна сторона. Зато явную победу одерживает Англия и Америка. Шанхай вместе с крепостью Вузун и арсеналом занят вооруженными отрядами, высаженными с английских, американских и французских броненосцев.

Мало того, иностранные послы в Пекине заявили китайскому правительству, что гражданская война (или же вызванная) может нанести ущерб интересам иностранцев, и на этом основании потребовали, чтобы правительство согласилось передать Шанхай под контроль иностранных правительств, т. е. иными словами, чтобы оно признало уже совершившийся захват. Правительство уже почти согласилось. Да и как не согласиться. Ведь, для захвата нужна сила и приличный предлог. Сила налицо — иностранные броненосцы. Предлог тоже — гражданская война.

Захват Шанхая, важнейшего торгового порта, через который идет чуть не половина всего китайского вывоза, — это тяжелый удар по китайской торговле, а, значит, и по работающей на вывоз китайской промышленности. Если даже Англия и Америка, которые распоряжаются сейчас в Шанхае, и не думают окончательно захватить его в свои руки, то уж, конечно, они постараются и временный захват использо-

вать для того, чтобы привести к покорности пекинское правительство и заставить его согласиться на все требования англо-американского капитала.

Однако, все это только одна сторона двойственной политики Англии и Америки по отношению к правящей группе У-Пей-Фу.

Другая сторона заключается в том, что при всем своем стремлении ослабить независимость У-Пей-Фу, заставить его отказаться от соглашения с СССР, навязать ему кабальный договор, ограбить при его участии Китай, — при всем том ни Англия, ни Америка не хотят ослаблять военной силы У-Пей-Фу и, пожалуй, не прочь дать ему возможность вооруженной рукой объединить под своим господством весь Китай.

Англия и Америка с помощью У-Пей-Фу хотят сделать весь Китай своей собственностью и, прежде всего, окончательно вытеснить из Китая Японию.

У-Пей-Фу против Чан-Цзо-Лина.

Те группы средне-китайской националистической буржуазии, которые стоят за У-Пей-Фу, в своем стремлении к созданию единого и независимого Китая встречают не только сопротивление иностранной буржуазии, но также помеху со стороны нежелающих подчиниться центральной власти дудзюнов, но и противодействие тех крепких и богатых слоев северо-китайской торговой буржуазии, во главе которой стоит генерал Чан-Цзо-Лин, дудзюн Манчжурии.

Манчжурская буржуазия тоже не совсем беззаботна по части объединения и освобождения Китая, но и объединительные и освободительные стремления на Севере много слабее, чем среди капиталистических групп среднего Китая.

Основная отрасль манчжурской хозяйственной жизни — манчжурское сельское хозяйство и сельско-хозяйственная (мукомольная, вывозная) промышленность работает почти исключительно на вывоз. Поэтому манчжурские купцы и промышленники почти вовсе не заинтересованы в расширении внутреннего китайского рынка и повышении покупательной способности китайского населения. Мало заинтересованы они и в улучшении сообщений между отдельными частями Китая и в установлении единообразного управления.

С другой стороны, значительная часть манчжурских сельскохозяйственных продуктов вывозится в Японию. Весь вывоз обслуживается японской Южно-Манчжурской железной дорогой, единственной дорогой, идущей из глубины манчжурских степей к берегам океана. Весь вывоз, кроме того, идет через японские порты, так как самые удобные и наилучшие оборудованные северо-китайские порты принадлежат Японии.

Отсюда не только полная зависимость манчжурского купца от Японии, которая может отказаться от покупки его товаров, может не пропустить их через свои порты, может закрыть для них свою железную дорогу или даже просто повысить плату за перевозку. Отсюда тесная связь между интересами манчжурской буржуазии и ее покупателями — японской буржуазией. Связь во много раз более крепкая и значительная, чем между интересами манчжурских купцов и средне-китайских промышленников. Связь, которая заставляет северо-китайскую буржуазию гораздо чаще задумываться над интересами Японии, чем над судьбами Китая.

При всем том, если средне-китайская промышленная буржуазия тяжело страдает от конкуренции иностранных товаров, ввозимых

в Китай в огромных количествах, если эта конкуренция не дает ей развернуться, душит ее предприятия, подрывает ее благосостояние и отнимает от нее барыши, — то ни достаточно слабая конкуренция владельцев японских (и американских) полей и сельскохозяйственных предприятий в Манчжурии, ни пошлины, которыми облагаются манчжурские товары на японских железных дорогах и в японских портах, не мешают пока еще предприимчивости буржуазии Северного Китая, не мешают развертыванию ее предприятий, не препятствуют увеличению ее вывоза (потребность в сельскохозяйственном сырье в Японии и повсюду достаточно велика) и не мешают ей властвовать в кармане огромные прибыли и накапливать капиталы.

Однако, именно это накопление капиталов и ослабляет за последнее время зависимость манчжурской буржуазии от Японии. Ослабляет и связь ее интересов с интересами японской буржуазии. И одновременно делает для нее значительно более ощутительным японское господство в Манчжурии, заставляет более внимательно относиться к китайским делам.

Северо-китайская буржуазия не находит в Манчжурии достаточного простора для приложения своих капиталов. К тому же приложение капиталов означает устройство, оборудование, развитие предприятий, требующих больших затрат и могущих оправдать себя, а тем более стать доходными лишь по прошествии достаточно продолжительного времени. Приложение капиталов требует известной устойчивости положения, известного обеспечения и уверенности, что устраиваемые предприятия действительно будут приносить доход. А какая же может быть уверенность в Манчжурии, где все находится в руках Японии, где Япония захватила все дороги и морские порты и завтра же одним только увеличением портовых пошлин или железнодорожных тарифов может сделать совершенно невыгодными такие предприятия, которые сегодня еще были выгодны.

Вот почему манчжурская буржуазия все больше думает о приложении своих капиталов не в Манчжурии, а в среднем Китае. Вот почему и она, пока еще не страдающая от иностранного засилья, тоже начинает заботиться если не о полном освобождении Китая от господства иностранного капитала, то во всяком случае о смягчении этого господства. Вот почему и у нее рождаются стремления если не к полному объединению Китая, то к созданию тесной связи между средним Китаем и Манчжурией. Вот почему и она отказывается от своего беззаботного отношения к тому, в чьих руках находится Пекин и государственная власть. Вот почему, если раньше манчжурская буржуазия заботилась только о том, чтобы пекинское правительство не вмешивалось в манчжурские дела, то теперь она подумывает уже о захвате Пекина своими руками, теперь она хочет заставить государственную власть обслуживать интересы манчжурских купцов и промышленников, стремится приобрести руководящее влияние на правительство и вырвать его из под влияния средне-китайской буржуазии.

Отсюда столкновение интересов манчжурской и средне-китайской буржуазии. Отсюда многолетняя борьба между вождем средне-китайской буржуазии генералом У-Пей-Фу и вождем манчжурских купцов и промышленников — генералом Чан-Цзо-Лином.

Но, конечно, эта борьба никогда не приняла бы характера ожесточенной гражданской войны (ведь, в конце концов, интересы этих двух основных групп китайской буржуазии не так уж непримиримы), если бы в нее не вмешались иностранные правительства. Война стала возможной, стала неизбежной с того момента, когда Англия и Америка

в своем стремлении окончательно вытеснить Японию из Китая поддерживали объединительно-завоевательные стремления находящегося под их влиянием генерала У-Пей-Фу, а Япония, стараясь не уступать, стараясь удержать за собой влияние на китайское правительство или на худой конец, по крайней мере, удержаться в Манчжурии, загородила дорогу У-Пей-Фу вооруженными на ее деньги войсками Чан-Цзо-Лина.

Еще в 1920 году, когда армия У-Пей-Фу выгнала из Пекина поддерживавшее Японию правительство Дуан-Ци-Джуя, Чан-Цзо-Лин немедленно появился со своими войсками у ворот столицы и поспешил заключить союз с победителем для того, чтобы удержать у власти прежнего президента Китая и закрепить японское влияние на вновь сформированное правительство.

Этот союз, доказывавший, между прочим, возможность примирения интересов маньчжурской и средне-китайской буржуазии, не был, однако, ни прочным, ни долговечным. К концу 1921 года попытка Японии усилить свое влияние на пекинское правительство вызывает острое столкновение между У-Пей-Фу и Чан-Цзо-Лин'ом. В начале 1922 года между ними начинается война. Несколько месяцев спустя победоносные войска У-Пей-Фу занимают Пекин, а разгромленная армия Чан-Цзо-Лина в беспорядке отступает в Манчжурию.

Но Япония тогда была еще могущественным государством. Америка не хотела вступать с ней в открытое столкновение. Она оказала давление на У-Пей-Фу, он прекратил преследование разбитых войск Чан-Цзо-Лина и позволил ему увести свои силы и укрепиться в Манчжурии.

Прошло два года и война между У-Пей-Фу и Чан-Цзо-Лин'ом возобновилась. Последние известия из Китая говорят о спешных военных приготовлениях обоих генералов и о начавшихся уже боях в окрестностях Шанхай-Гуана, в ста с лишним верстах к северо-востоку от Пекина. Но на этот раз положение Чан-Цзо-Лина много хуже, чем в 1922 году. Военная мощь Японии сильно подорвана землетрясением, и Америка в союзе с Англией спешит использовать ослабление Японии для того, чтобы окончательно вытеснить Японию из Китая и, значит, выгнать ее из Манчжурии. И недаром У-Пей-Фу недавно заявил, что на этот раз, в случае отступления Чан-Цзо-Лина, он вторгнется со своими войсками в Манчжурию.

Япония готовится к отпору. Под прикрытием всяких заявлений о невмешательстве, она вооружает Чан-Цзо-Лина и недавно открыто разрешила ему перевозить войска по своей Южно-Маньчжурской железной дороге. Однако, вряд ли ей удастся усилить Чан-Цзо-Лина настолько, чтобы он смог справиться с У-Пей-Фу, гораздо лучше обеспеченным и оружием и денежными средствами со стороны Америки.

Есть все основания думать, что Чан-Цзо-Лин будет разбит. Но будет ли это означать торжество объединительных стремлений У-Пей-Фу? Ни в каком случае.

Прежде всего, Япония уже принимает меры на тот случай, если Чан-Цзо-Лин потерпит поражение. Она уже наперед старается запугать Америку возможностью заключения соглашения с СССР и тем заставить ее отказаться от захвата Манчжурии.

Затем, тот союз, который существует сейчас между Англией и Америкой в деле ограбления Китая, недолговечен и, очень возможно, что в ближайшем же будущем он уступит место открытой вражде, которая тяжело отзовется и на объединении Китая.

Наконец, объединительные стремления У-Пей-Фу наталкиваются на крепнущее сопротивление масс, которые жаждут объединения Китая,

но вовсе не желают этого объединения под двойным ярмом владычества англо-американского капитала и господства крупной китайской буржуазии под черносотенным руководством У-Пей-Фу.

К рассмотрению роли народных масс в последних событиях китайской политической жизни мы теперь и обратимся.

V. Трудовой Китай и международная буржуазия.

В то время, как компрадорская буржуазия Китая уже давно и открыто держит сторону иностранных насильников, в то время, как националистическая буржуазия тоже отказывается от решительной борьбы с иностранным владычеством и стремится использовать в своих интересах покровительство наиболее сильных иностранных хищников, широкие трудовые массы Китая на всем протяжении китайской истории продолжают хранить резко враждебное отношение к иностранной буржуазии.

Почему? Буржуазные газеты всех стран считают это признаком просто культурной отсталости и невежества китайцев. Но это, конечно, вздор.

Еще около 80 лет тому назад, когда китайские массы стояли по своему культурному развитию много ниже, чем стоят они теперь, в Китае возникло мощное крестьянское движение „тайпингов“. Вожди тайпингов, поднявшие борьбу против неслыханных притеснений китайского чиновничества и ставившие своей задачей свержение царствовавшей тогда в Китае династии, сильно надеялись, что иностранцы окажутся их верными и надежными союзниками в борьбе с кровавой властью богдыхана. Они вели среди масс деятельную агитацию, стараясь убедить их отказаться от враждебного отношения к иностранцам, перестать называть их „заморскими дьяволами“ и называть „братьями из-за моря“.

Но, увы, „братья из-за моря“ жестоко обманули все надежды тайпингов. Они не задумались стать на сторону богдыхана, поддержали его своей армией, и после долгой отчаянной борьбы китайские генералы, работавшие под руководством английских офицеров, утопили в крови героическое движение тайпингов.

С той поры неутолимая вражда и обостренная ненависть к иностранным угнетателям вспыхнула еще ярче, чем прежде, и захватила самые глубины китайской народной массы. Она прорывается в коротких, но многочисленных и кровавых бунтах китайского крестьянства и ремесленных подмастерьев. Она вдохновляет известное „боксерское“ восстание 1900 года, она живет и дышит в движении китайских революционных масс, в 1911 году сбросивших трон богдыхана.

Она меняет свои формы. Все усиливающийся нажим иностранного капитала, затрагивающий и разоряющий прежде всего трудовые массы, рост сознательности масс, начинающих понимать, что одними бунтами горю не поможешь, понемногу меняют характер проявления этой исконной вражды и ненависти к иностранцам. Бурные, но бессильные бунты, отдельные нападения на иностранных купцов, разгром иностранных складов уступают место организованной борьбе против иностранного господства.

В Китае появляются газеты, открыто и смело (в Китае это большая смелость) призывающие китайцев не покупать иностранных товаров, требующие от иностранных правительств отказа от навязанных ими Китаю грабительских договоров, настаивающих на тесном союзе

между Китаем и СССР, указывающих, что этот союз является первым шагом на пути освобождения Китая.

Китай покрывается многочисленными, хотя еще и не спланированными между собой, обществами, рабочими, студенческими организациями, которые стремятся вызвать массовую борьбу за национальное освобождение Китая. Появляется «Общество борьбы против империализма». Но самым главным оплотом борьбы за независимость Китая становится укрупнившаяся на юге Китая партия «Гоминдан».

Мелкая буржуазия южного Китая.

Юг — колыбель мелкобуржуазного Китая. Здесь, при большой густоте сельскохозяйственного населения, при сравнительной ограниченности земельной площади, при весьма низком уровне развития сельскохозяйственной техники, нет простора для развития крупных сельскохозяйственных хозяйств, работающих на экспорт, как в Манчжурии. Здесь, при отсутствии особенно значительных залежей угля и металлов, в стороне от главных торговых путей Китая, нет условий для развития крупной промышленности, как в среднем Китае. Здесь, при средних достатках населения, нет источников для обогащения местных мандаринов и дун-юнов, как в других китайских областях.

Условия хозяйственной жизни Южного Китая препятствовали и препятствуют накоплению крупных капиталов, препятствуют зарождению крупной буржуазии. Препятствуют резкому расслоению населения на враждебные друг другу группы.

Южный Китай — это Китай мелкого крестьянства, Китай лавочников, ремесленников, жадных, но не богатых ростовщиков, многочисленных, но мелких промышленных предприятий, чаще всего пользующихся еще ручным трудом.

Здесь еще не обострилась противоположность интересов крестьянина и купца, купца и ростовщика, подмастерья и его хозяина, рабочего и мелкого предпринимателя. Здесь не развились еще отчетливо различия, здесь не порвалась еще связь между рабочим и ремесленным подмастерьем и даже между подмастерьем и крестьянином.

Здесь, на юге, почти полностью сохранились те условия, которые уже резко изменились в Среднем Китае и на Севере, но которые еще перед революцией 1911 года были основной особенностью китайской хозяйственной жизни и китайских общественных отношений. Поэтому здесь сохранились и революционные настроения. Сохранилась и неприкосновенность охватывающая все слои населения революционная борьба с иностранными насильниками. Сохранились революционные порывы к борьбе с иностранным господством и тем китайским правительством, на которое это господство опирается (в этом отношении дореволюционное правительство богдыхана ничем не отличается от сменивших его и затем быстро сменивших друг друга правительств черносотенцев). Сохранилось стремление к уничтожению этого правительства и замене его другим — демократическим, отстаивающим интересы мелкой буржуазии.

А в обстановке этих революционных настроений, при поддержке революционных масс на юге возродилась разгромленная генералами в Среднем Китае революционно-демократическая партия «Гоминдан».

Партия «Гоминдан».

Партия «Гоминдан», возникшая из революционных организаций, основанных китайскими студентами — воспитанниками заграничных университетов и иностранных учебных заведений в Китае, эта партия, объединяющая в своих рядах представителей многочисленных и разнообразных слоев населения — от крестьянина и рабочего до лавочника и купца, является настоящим детищем мелкобуржуазного Китая.

В ее программе, ее политике, действиях и заявлениях ее вождей вспыхивают отблески, слышится отдавленный гул бурных крестьянских движений и ремесленных бунтов, непрерывно потрясавших Китай на всем протяжении его истории. Звучат призывы к борьбе. Чувствуется твердая решимость и непоколебимая уверенность в победе.

А рядом в перемену с этими боевыми настроениями еще совсем недавно сквозила полная неясность и путанность в оценке современного положения Китая, недостаточно отчетливое понимание основных задач революционной борьбы, недостаточный трезвый учет тех сил, которые могут обеспечить победу, и тех, которые этой победе будут противодействовать.

Вперемежку с призывами к решительной борьбе против черносотенных генералов и иностранных угнетателей Китая нередко высказывалась наивная вера в возможность заменить борьбу соглашением с тем или другим генералом, в возможность поправить китайские дела изданием хороших законов (хотя и не говорилось, как заставить черносотенных генералов исполнять эти законы) и даже в возможности добиться поддержки какого-либо буржуазного правительства, особенно правительства Америки.

Партия «Гоминдан» неутомимо организует и спланирует широкие массы крестьянства, рабочих, ремесленников, купечества для борьбы против сменяющихся друг друга черносотенных правительств Пекина. При поддержке широких южно-китайских масс она в 1920 году созывает в Кантоне съезд депутатов первого революционного парламента Китая (разогнанного в 1913 году), и на этом съезде избирается независимое от Пекина областное правительство Южного Китая. Она организует южно-китайскую революционную армию и в течение 1920 и 1922 годов неоднократно ведет ее на борьбу против черносотенных армий среднего Китая.

А одновременно она допускает в тылу у себя организацию контр-революционных сил и не препятствует вступлению в партию явных контр-революционеров, союзников черносотенцев среднего Китая.

А вожди партии, президент Южного Китая Сун-Ит-Сен, старый революционер и борец за освобождение Китая, отец китайской революции, неустанный враг черносотенных генералов и иностранных насильников, в самый разгар непримиримой борьбы пытается подействовать на генералов уговорами и пишет укоризненные письма не только американскому президенту Вильсону, который прославился своими миролюбивыми речами (за которыми не было, конечно, никаких миролюбивых дел), но и японскому военному министру, черносотенцу из черносотенцев, генералу Такака.

Но жизнь не щадила этой наивной веры вождей «Гоминдана». Такака продолжал свою черносотенную работу, китайские генералы, редко отказываясь от соглашений с Сун-Ит-Сен'ом еще реже считали себя обязанными их исполнять. Вильсон тоже отказался лишь тем, что прислал в Китай свои военные корабли, чтобы помочь пекинскому правительству бороться против Сун-Ит-Сен'а.

Эти жестокие уроки не прошли даром. Они пошли на пользу революционной партии. В январе 1924 года „Гоминдан“ выступает с воззванием, в котором уже нет и тени надежды на соглашение или заступничество иностранных государств, которое с полной ясностью указывает, что задачей „Гоминдана“ является создание единого и независимого Китая и что это возможно только революционным путем, путем победоносной борьбы организованных рабочих и крестьянских масс Китая.

Сун Ят-Сен уже давно понимал значение крестьянских и, особенно, рабочих организаций в деле борьбы за освобождение Китая. Он внимательно присматривался к тому, как не по дням, а по часам в стенах испанских фабрик и заводских корпусов рос, развивался и креп китайский пролетариат. Как он создавал свои профессиональные союзы. Как он самоотверженно бросался на борьбу с предпринимателями, как организовывал массовые забастовки, как погибал в неравной борьбе, борьбе с усмиряющими войсками черносотенных пекинских правительств.

Сун-Ят-Сен поднимал свой голос горячего протеста против расстрела бастующих железнодорожников в Ханькоу, против кровавой расправы с бастующими углекопами в Тянь-Цзине. Он поддерживал бастующих китайских матросов в принадлежащем Англии порту Гонконге и с его помощью они одержали победу. В своей столице Кантоне он укрывает всех вынужденных спасаться рабочих вождей, помогает созыву рабочих съездов и конференций, на которые съезжаются делегаты со всего Китая.

Он принимает все меры к привлечению рабочих организаций в состав „Гоминдана“, призывает их к поддержке этой революционной демократической партии, и в настоящее время „Гоминдан“ пользуется поддержкой самой передовой, хотя пока еще немногочисленной рабочей организации — китайской коммунистической партии.

Сун-Ят-Сен ведет горячую агитацию за сближение между Китаем и СССР. Он внимательно изучает опыт Октябрьской революции, следит за событиями в СССР, старается познакомить широкие китайские массы с борьбой трудящихся Советского Союза, с их великой победой и с их вождями.

Сун-Ят-Сен вел переписку с тов. Лениным. Благодаря ему, трудовые массы Китая узнали имя и познакомились с учением и делами величайших из революционных вождей.

Благодаря Сун-Ят-Сену они поняли, что учение тов. Ленина вполне годится и для Китая, а, поняв, приняли твердое решение идти по пути русской революции и подтвердили это решение на тех торжественных митингах и демонстрациях, которые волной прокатились по всему Китаю в дни похорон тов. Ленина.

В Китае зреет новая революция. Кантон становится ее центром. Сун-Ят-Сен ее общепризнанным вождем. Эта революция грозит не только объединительным стремлениям средне-китайской группы буржуазии и ее вождя У-Пей-Фу. Она грозит сорвать все расчеты, все планы окончательного закабаления Китая, которые как раз сейчас строит и готовится провести в жизнь мировая буржуазия.

Сун-Ят-Сен и руководимое им движение, наравне с сближением между Китаем и СССР, становится главным препятствием на пути мировой буржуазии в Китае, и неудивительно, что агенты и слуги этой буржуазии готовятся нанести свой первый удар именно Сун-Ят-Сену. Иностранные агенты нашли прекрасную поддержку в этом деле. Нашли ее среди тесно связанных с иностранным капиталом богатой

и многочисленной компраторской буржуазией Кантона. С помощью местного английского консула кантонские компраторы сформировали свои черносотенные отряды, так называемых „бумажных тигров“, вооружили их на средства той же Англии и в середине августа подняли восстание против правительства Сун-Ят-Сеня.

Сун-Ят-Сен предпринял против мятежников решительные меры. Он решил направить войска против той части города, где они укрепились. Однако, английский консул решительно стал на сторону „бумажных тигров“. Он заявил Сун-Ят-Сену, что от военных действий между его войсками и мятежниками могут пострадать проживающие в Кантоне иностранцы, и что поэтому Сун-Ят-Сен должен отказаться от подавления мятежа. В противном случае консул грозил, что английский флот поддержит „бумажных тигров“ с моря.

Вот что пишет об этих событиях сам Сун-Ят-Сен в своем письме заседающему сейчас в Женеве съезду Лиги Наций.

— „Я послал, — пишет Сун-Ят-Сен, — телеграмму главе английского правительства Макдональду. Я заявил ему решительный протест против поддержки черносотенных мятежников английскими властями.“

— Макдональд ничего не ответил. Его молчание означает, что руководимое им и отстаивающее интересы крупной английской буржуазии правительство попрежнему будет поддерживать китайских черносотенцев и вести борьбу против правительства Южного Китая. Что оно попрежнему будет пытаться свергнуть мое правительство, которое является единственной силой в борьбе за создание единого Китая и освобождение его от грабительского господства иностранных капиталистов.“

Да, конечно, иностранная буржуазия заклятый враг Сун-Ят-Сена, и она, несомненно, не остановится в своих попытках покончить с его революционным правительством. Но у Сун-Ят-Сена есть и друзья за границей. Есть и надежные союзники.

Первый призыв о поддержке Сун-Ят-Сена уже прозвучал из столицы Советского Союза. Всероссийский центральный совет профессиональных союзов организовал общество „Руки прочь от Китая“ и обратился с призывом к трудящимся всех капиталистических государств, убеждая их заставить свои правительства отказаться от планов нового натиска на Китай и, прежде всего, от борьбы против Сун-Ят-Сена.

Широкие трудовые массы в капиталистических государствах пока еще плохо осведомлены о событиях в Китае и недостаточно ясно понимают, что закабаление Китая и разгром назревающей китайской революции повлечет за собой ухудшение условий труда и в Европе и в Америке. Однако, коммунистические партии уже ведут повсюду деятельную агитацию и неустанно разъясняют трудящимся смысл всей борьбы, развертывающейся на отдаленном Востоке.

И эта агитация уже имеет успех, уже оказывает свое давление на буржуазные правительства. Уже американский министр иностранных дел Юз смиренно заявляет, что он не думает вмешиваться в китайские дела. Бравые английские моряки тоже приостановили свой наскок на Кантон и пока что оставили Сун-Ят-Сена в покое. А английские буржуазные газеты спешат уверить, что иностранцам в Китае не угрожает никакая опасность и потому вмешательство иностранных войск в китайскую гражданскую войну является совершенно излишним.

Конечно, это вовсе не означает, что мировая буржуазия отказалась от своих планов. Она не отказалась. Но она эти планы вынуждена скрывать, вынуждена скрывать их от трудового населения своих же государств.

Так борьба трудовых масс Китая под руководством Сун-Ят-Сена тесно связывается и переплетается с мировой борьбой трудящихся всех стран под руководством коммунистических партий и объединяющего их Коммунистического Интернационала.

В спутанном и кровавом клубке китайских событий теряются невидимые нити, которые уходят далеко за пределы Китая, тянутся через горы и степи, ограничивающие его с севера и запада, пересекают океаны, омывающие его с востока и юга, и в причудливом сплетении охватывают весь мир.

Сквозь густой дым гражданской войны, сплошь застилающий Китай и часто мешающий понять, что там происходит, начинают понемногу вырисовываться четкие очертания мировой революционной борьбы.

Китай, этот странный Китай, с которым мы знакомимся по рисункам на чайных коробках, о котором мы, по большей части, только и знаем, что китайцы носят странные имена, этот Китай становится сейчас одним из важнейших участков, где кипит и ширится охватывающая весь мир борьба между угнетенными миллионами и их вековыми угнетателями.

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ

Комсомольцы.

Вытер пот.

— У-ух. Выпить бы.

— Арбуз купим.

— А купило?

— Дурак! Говорю, бабушка весь век сседками торговала. В са- мой крови у меня коммерция сидит.

— Хорош купец, целый час ходим, а штанов не продали.

Солнце палит и кровь бьет в виски Матвея. Рубашка прилипла к груди.

— Мулька, походи один, я в тени постою, мутит что-то.

— Эх ты, тетеха. Чур, с места только не сходи, а я живо.

Черные глаза Самуила зорко пробежали по катящемуся людскому потоку, и через минуту Матвей потерял его из виду. В тени навеса немного отдышался. Смотрел на небо. Пыльно-голубое, без облачка. Вдали горы манят снеговой вершиной. Хочется туда. Ехал на Кавказ, мечталось о горах. Уже два месяца живет в Н. Горы только издали дразнят. По утрам, перед тем, как пойти в Комсомол, подолгу стоит у открытого окна и блуждает глазами по кудравым горкам, которые растут, растут, переходят в каменные громады, розовые и фиолетовые, и завершаются гордой сверкающей снежной пикой.

— Десять, даешь? Нет? Так сиди.

Кабардинец круто повертывается.

Женщина смотрит растерянно.

— Ну, скажи твой последний цена и по рукам.

— Идет?

Справа, слева, спереди, сзади, то же. Высокие папахи, жадные черные глаза, грубо хватающие руки; тряпки желтые, красные, протягиваются, взывают. Пахнет кожей, дынями, арбузами. От мерного и пестрого шума базара у Матвея начинает кружиться голова.

— Эй, Мотыка!

— У Самуила в руках два арбуза.

— Так скоро?

— Хо-хо! Объягорил кабарду, сорок дал. Этак теперь на весь месяц хватит. Ну, айда домой.

По дороге захлопали арбузом.

— Мулька, чорт, медвеженка продают,—и Матвей, как шальной, бросился к телеге.

— Сколько берешь?

— Шестьдесят.

— А меньше.

- Нет, я не хочу.
- Отдай за сорок,—измолился Матвей.
- Снял папаху, почесал голову.
- Ну что ж, давай.
- Мотыка, ты с ума сошел! Зачем медвеженок?
- Ребятам отнесем.
- Ты иднот!
- У меня еще штаны есть.
- Иди ты со своими штанами.

Переубедить Матвея было дело не легкое, и через десять минут его руки нежно прижимали к груди мохнатую, с круглыми ушками, мордочку. Самуил только плечами пожимал.

Город Н. маленький и хорошенький, как игрушка. Белые домики и сады. На улицах трава, бегают куры. В центре города с десяток кирпичных зданий. Рядом с парткомом Комсомол.

Секретарь комитета К. С. М. дежурит официально два раза в неделю, но застать его можно всегда в маленькой с балконом комнате, увешанной плакатами и строгими надписями: „Курить воспрещается“, „Плевать на пол воспрещается“, „Товарищи, соблюдайте тишину!“. Но чем строже на стенах надписи, тем гуще по комнате клубы табачного дыма, тем громче голоса и смех.

И только в часы приема Самуила, нахмурив черные брови, выпроваживает бездельников в соседнюю комнату, где вечно кто-нибудь барабанит на разбитом пьянино.

— Э! Мулька организацию подтягивает,—говорили ребята.—С ним даже парткомовцы считаются,—и парень хороший, не задается, не то что Левицкий. К тому не подступись.

Левицкий командирован из Ростова. Заведует союзным политпросветом. Вечно вскидывает выхолощенной рукой волосы над красивым лбом, пронырски кривит изысканные губы, только с Самуилом разговаривает, как с равным, другим или приказывает, или насмешливо вскидывает глаза, а потом, глядя в окно, начинает нетерпеливо барабанить по столу пальцем. Это он выслушивает. В ответ произносит несколько холодных, ничего не значащих фраз, и на этом, аудиенция“ кончается.

- Тип...—говорят про него комсомольцы.
- Интеллигент.

— Палецки сын. Изволите видеть, катарр легких лечить приехал.

— А, чорт с ним! Пускай феоноится.

На этом разговор о Левицком кончается.

Организация была дружная. Все, что было молодого и хорошего в Н., собралось сюда, в эту общирную семью комсомольцев. С утра до вечера толкались ребята или заведенные спешной работой, или просто приходили отдохнуть и побалагурить.

Вот белокрылая толстуха Катя идет нагруженная бумагами и папками. Она—инструктор по ликвидации безграмотности. Три школы на ее руках.

— Товарищ Макаева, куда?

— Ой не мешайте, не мешайте, спешу.

Запылавшиеся взбегают на лестницу Ибрагим и Ахматов.

— Ребята, какого чорта... на репетицию никого не сыщешь! Ашютка, Волков, что в самом деле.

Маленький библиотекарь Сашка тащит кипу новой только-что подаренной литературы, и его мигот, как стая налетевших воробьев, окружают ребята.

— Идите ко всем чертям, не дам, нельзя, товарищи, потом выдать буду.

Вздвигая, печальный Михлик стоит у окна, облокотившись на стол, укоризненно качает головой.

У Михлика нет одной ноги, и товарищи нежно, заботливо относятся к нему. Но когда начинается бесшабашное веселье, невольники забывают Михлика, и он одиноко сидит где-нибудь в тени, на подоконнике, откуда с грустной улыбкой наблюдает чужое веселье.

Но, когда на пороге появляется стройная в коротком платьице фигурка Нади, сердце Михлика начинает биться сильнее, лицо озаряется.

У Надюшки живые карие глаза, чудные брови. Что-то вызывающее смелое в красивом загорелом лице. Не потухает горячий румянец, зубы слепят белизной. Две каштановые косы спускаются на смуглые голые руки. Звонкий смех бодрит пригнанных, насмешливые словечки заставляют подтянуться. Только в разговорах с Левицким Надюшка выходит из себя. Она его терпеть не может, и часто раздаются гневные слова:

— Товарищ Левицкий! Это совсем не по-коммунистически! Вы не имеете права этого делать!

— Это безобразие!...

— Товарищ Мальсон, прежде всего, немножко хладнокровия...

— Довольно с нас вашего хладнокровия. А все-таки такой подход к делу во мутителен...

Ребята ухмыляются. Эти споры доставляют им большое удовольствие.

Надюшке шестнадцать лет. Она дочь врача, учится во второй ступени, но пятилетноткой ее не называют.

Спрашивали:

— Осенью в Москву, в университет поедешь?

— Нет, успею учиться. На фабрику пойду.

— Зачем?

— Думаешь, не смогу быть полезной. Я работниц так начинаю, что ой-ой ой.

Надюшка изюминка, живая искорка Комсомола. Где она, там весело, где она, там сильней бьет пульс жизни, там кипит работа, там брызжет молодость. Когда она в комнате, Левицкий чаще вскидывает волосы, изысканно закусывает папироску, говорит „умные“ слова.

Но смуглая рука дружелюбно протягивается к другому, карие глаза ласково заглядывают в большие черные глаза.

— Мулька, ведь ты здорово устал. Нельзя так работать.

— Ну, глупости.

— Видишь, кашляешь. Уходи, без тебя обойдётся.

Самуил качает головой, но в углу рта мелькает что-то мягкое и нежное.

Сегодня воскресенье и в Комсомоле пусто. В стеклянном длинном коридоре, залитом солнцем, нежится котенок. И ж-ж, звенит муха. Нохим, переселившийся из еврейской к. лонки в помещение Комсомола, приподнимается из под шивели и протирает сонные глаза. Жарко... Лень вставать... А нужно пол подмести. Верно одиннадцать. Скоро на спевку придут. У-а. Зевнул, потянулся. Лениво заводил венником.

— Ай да ребята, ай да комсомольцы, браво, браво молодцы — с топотом ног ввалилась ватага и шумом наполняет комнаты.

Смеется солнце, смеются молодые лица, смеются стекла открытых окон и взбаламученные миллиарды пылинок.

— Го-го. Грунька идет, хлеб тащит!

— Груня, душенька, дай расцелую.

— Убирайся!

— От чистого сердца.

— Не лезь, говорят тебе.

— Калинушка, отрежь!

— Успеешь.

— Ей-богу жрать хочется.

— Не помремь, видишь Михлику режу.

— Пора бы Мотыке и Мульке вернуться. Арбуз должны принести.

— Ну да, жди их.

— Товарищи! Пора начинать. Федосеенко, иди садись. Анюта где?

Без нее нельзя.

— Да вон она, идет.

Анюта Чернова хрупкая девушка, всегда тихая, с опущенными длинными ресницами. Когда ребята называют ее Неждановой, она стыдливо улыбается.

— Уж всегда что-нибудь придумают.

— Ей богу, Анютка. Даже лучше Неждановой поешь. Хотя сам и не слышал, да знаю, что лучше.

Вбежала вечно запаздывающая Надюшка.

— Слушайте, братцы! Ехала я на велосипеде мимо Чека, там поставлена стража, лошадей сажают. Что-то там есть такое. Вы не знаете, что там?

— Ай, мало ли что. Ну, начинаем.

Звякнули вваливши. Хмыкнули голоса. Звенел и выделялся Анятин сопрано. Пели сосредоточенно, с серьезным выражением на лицах. Остались одни только звуки. Остальной мир ушел куда-то далеко, далеко.

Вдруг лицо Сашки на мгновение скривилось в невероятную гримасу, и он так прыснул, что хор растрепанно оборвался.

— Мотыка. Мотыка-то?

Оборачиваются. В дверях громадная фигура, а на руках, как младенец, сидит боричневый медвежонок.

— Ой, он и сам, как медведь; это твой сын, что ли?

Взрыв хохота заглушает ответ Матвея.

Его тормошат, протягиваются десятки рук, сияют глаза, восторг и радость на оживившихся лицах.

— Мотыка? а? где ты его взял?

— Да что его спрашивать, где взял, родил, конечно.

— Ха-ха—ха-ха.

— Ой, братцы, Мотыка начинает сердиться.

— Идите к чорту, для вас же идиотов купил.

— Ну, Моты, Моты, не ворчи, роднушка.

Солнце, свет... Радостно, весело... Что-то горячее кипит, клопочет. Звон и смех брызжет, летит через край.

На пороге Чумаков, начальник отряда особого назначения, раздраженно опинил глазами шумящую ватагу. Резанул стальным голосом в наступившую тишину:

— Товарищ Федосеенко! Мне нас...

Со вспыхнувшим румянцем Федосеенко вскочил. Глаза ждали приказа. Чумаков повел бровью, и они быстрым шагом вышли из комнаты.

— Ввида-али?...многозначительно протянул Сашка.

— Ишь ты, бестия, каким тоном.

— Дело, ребята, серьезное.

— Дурак! Мало ли на что понадобился.

— Я ж вам говорила, что около Чека что-то неладное.

— Ну зачем же павика, мне кажется, это совершенно излишнее. — и светлые глаза Левицкого насмешливо сощурились.

Надюшку подбросило, как на пружинке. Тысячи гневных искр посыпались из глаз, но слова не находились.

— Брось, Надька, — умротворяюще кинул Матвей, — чего трепаться?

Надюшка усмехнулась и отошла в сторону.

В эту минуту по коридору послышались торопливые шаги Федосеенко. Неугомонный Сашка уже сорвался с места.

— Ну, что, ну, да говори же.

— Постойте.

— Что, как?

— Да замолчите вы, саранча бесхвостая! Звал на чашку чая.

Шутка вызывает слабую улыбку только на лице Михлика.

— Ну, вот что. Ждут сегодня гостей. Вероятно, ночью пожадет к нам вся банда. Так вот вочевать мы будем все здесь. Оружия будет достаточно. Чумаков распорядился, чтобы нам выдали двадцать винтовок и десять револьверов.

— Ввот здорово! — не вытерпел Сашка, и у него от восторга даже слезы на глазах показались.

— Ишь, радуется, пичалица.

Захохотали ребята.

— Дурачье, чего ржете, ведь, сами рады.

— Товарищи, а я стрелять не умею, — жалобно запищала Катя Макеева.

— Ничего, глазами стрелять будешь.

Широкое, круглое лицо девушки покраснело до корней белых волос, слезы навернулись на глаза от обиды.

— Вот идиот! — накинулась Надюшка Волкова и десюток кулаков увесисто легло на его спину.

— Нет, Федосеенко, ты в самом деле подучи нас, — деловым тоном говорила Надюшка, — а то ведь мы только маршировать учились, сам же давал нам палки вместо ружей. Поверь, что не хуже вас сумеем встретить бандитов.

— Хороший ты мальчишка будешь, — хлопнула по плечу Надюшку Ибрагим.

— Хо, Надька, молодец, видали, как она вчера...

— Ай, видали, видали, — перебила Надюшка и помчалась к двери.

— Куда ты?

— Домой. Шамовки принесу. Мать сегодня булки печет.

— И нам бы домой сбегать.

— Валяй, — скомандовал Федосеенко.

— К четырем часам все на месте. Три человека останьтесь сей-час. Дома о бандитах ни слова!

С шумом и говором выкатились по коридору и через минуту их голоса доносились уже с улицы в открытые окна.

Федосеевко зашагал с тремя парнями в партком, где уже собирались партийцы.

В комнате, увешанной плакатами, остался один Самуил. Только он один не поддавался общему возбуждению. Лицо его было попрежнему спокойно. Глаза смотрели серьезно и озабоченно. Не находились какие-то бумаги. Терпеливо перекладывал папку за папкой, перечитывал списки, делал пометки, опять перекладывал. Дела много, а через час опять наводняется комната шумом и трескотней, и трудно будет работать. Еще более сосредоточенно нахмурились густые брови и забегали по бумагам черные глаза.

Синяя прозрачная ночь окутала И. Чутко дремлют белые мазанки. Черные тени пружались к домам и заборам, запрятались в фруктовых садах. Внизу под обрывом шумит горная речка, шумит монотонно, навойливо, но эти звуки долетают только до первого ряда домов. Немного дальше глубокая тишина. Спят, или не спит маленький городок? Спят, или не спят темные, насунившиеся горы?

Маленькая лампочка поставлена на стол под портретом Ильича. Черные глаза кажутся совсем живыми. Радостно и жутко на них смотреть. Окно завешено шпателью Нохима. В углу составлены только что вычищенные пантофли.

Федосеевко рассказывает о фронте.

— А вот Михаил нам никогда не рассказывал, как он ногу потерял. Расскажи, дружище.

— Да что рассказывать. Обыкновенно.

— Ну, все-таки.

Михаил криво усмехается.

— Был в бою, кусок снарида попал в ногу, вот и все.

— И ногу отрезали?

— Отрезали.

— А как ты на фронт попал?

— Жил мы с матерью в Москве. Я в техническую школу ходил, она шла Ну, читал я в газете, что Деникин наступает. На фронт авали. Каждый день новых отправляли. На нашей школы человек пять, что постарше, взяли. Стал и я проситься. Сперва не хотели, потом согласились. Пришел к матери: „Еду“, говорю. „Что ты, куда?“ „На Деникина“. Ну, заплакала она, просила, говорила, что я один у нее. Стал ее утешать, а все-таки поехал.

— И тебе не было жалко?—робко спросила Аня, замерцав синими глазами.

— Что о-о?—изревел вихрастый Ахматов.

— Хорош был бы комсомолец, под маменькину юбку прятаться.

— Что за куриная психология с цыплятами?—посыпалось на нее во всех сторон.

— Жалко, жалко,—передразнивал рыженький, веснучатый Волков.—А не жалко тебе революции? Пускай гибнет под рукою Деникина?

Аня совсем смутилась и нежный румянец залил ее щеки.

Матвей осторожно подожил свою лапу на ее голову.

— Ты, Аня, не робей, они так себе говорят, да и правы ребята.

Не по-коммунистически было бы.

— Что, Нюрка, и от приятели досталось?—усмехнулся Федосеевко.

Еще больше смутилась Аня.

— Экие у нас, благородные девчонки,—возмутилась Ахматов.—Вот Грунька, та другое дело. Кровь пролетарская. Хоть сейчас обниму, глазом не моргнет. Верно, девчонки?

Груня улыбанулась.

— Вот это, я понимаю, товарищ

— Ой, Ибрагим, открой окно,—застонал Матвей—душно, как у чорта за пазухой.

— Не можно.

— Почему не можно?

— Федосеевко не велел.

— Да, ведь, третий час ночи, никакие бандиты не придут.

— Поставь лампу на пол, тогда можно,—разрешил Федосеевко.

Шпатель была снята. Ибрагим распахнул окно. Прохладные струи повалили по комнате. Защекотал приятный запах отсыревшей земли. Над тополями играли в мигалки шаловливые звезды.

Надюшка уселась с ногами на подоконник. Разлохматились косы, широко раскрытые зрачки остановились на одной точке. Ей казалось, что что-то большое и сильное распирает ей грудь, но что это, она не могла понять. То ли радость жизни захлестнула ее сейчас, или чувство страстной любви к товарищам, или жажда борьбы, она сама не знала, но сердце колотилось сильно, порывисто.

— Надюшка, слезь, убьют.

— Кто убьет?

— Бандиты.

— Пускай убьют!

— Может, поделитесь со мной своей храбростью,—сказал Левицкий.

— О, с удовольствием, если вы и ней нуждаетесь.

— Да бросьте трепаться, ребята. Чего ссоритесь. Может, последнюю ночь вместе.

— А ведь и в самом деле, ребята, может, последний раз все вместе. Может, всех тут переубьют.

— Ай, чорт лисий, пускай убьют,—насунился Арканка,—одно только...

— Что одно только?.. Струсил, да?

— Нет, не струсил.

— А что?

— Ильича не повидал.

Добродушно заулыбались ребята.

— Ну, на стенке посмотри.

Все обернулись к портрету.

— Вон он,—с нами.

— Конечно.

— С таким вождем, чувствуешь, что становишься железным. Тут не только бандитов, тут всех готов на бой вызвать.

— Да... Ты прав. С Ильичем мы сильнее.

— У-у, проклятые,—заревел, сжав кулаки, Матвей.

— Кто?

— Да буржуи, белогвардейцы.

Сашка так и покатылся с хохоту.

— Вишь, вспомнил, детинушка.

— Что ж, социальны вистинкты заговорили,—улыбаулся Самуил.

— А ну-ка, хлопцы, девчата, кто за шамовку, голосую.

— Мотыка, режь хлеб.

— Режь весь, бандитам что ли хочешь оставить?

Дружно заработали челюсти. Проснулся и Нохим. Удивленно моргал глазами. День или ночь сейчас, никак не мог сообразить. Почему вся братва здесь?

— Хо! Доброе утро Нохима! Сколько бандитов уложил?

— Пусти, больно.

— А ты проспись, сорока, чего очи вылушил?

Рассвет положил черные тени под глазами комсомольцев, побуждал по спинам утренним холодком.

На разные голоса запели петухи. Заскрипели где-то ворота. Глухой топот копыт о мостовую, еще топот.

— Ну, вот, ночь и прошла,—сонно зевнул Матвей,—теперь и по домам, верно, скоро.

Около партийного комитета послышались голоса, забрякало оружие. Немного погодя в Комсомол вошел Чумаков.

— Товарищи! Отряд особого назначения через час направляется в горы. В походе принимают участие парни не моложе шестнадцати лет.

— А мы?—раскрыла рот Надюшка.

— Нельзя!—ответ был ясен и короток.

С дальнейшими распоряжениями Чумаков обратился к Федосеенко.

— Вот тебе и шутка, Катя! Как же мы так?

— За бортом?

— Свиństwo,—ругалась Груня.

— Мне, мне... Мне же шестнадцать!—вопил Сашка. На нем лица не было. Он бегал, суетился, кричал.

— Я не могу... Я не могу... Неправда, мне не четырнадцать, мне почти пятнадцать.

— Да замолчи ты, сказано нельзя!—грозно окрикнул Федосеенко, но горя маленького Сашки нельзя было залить.

Все высыпали на улицу.

Лицо Матвея радостно сияло. Наконец-то, наконец-то он увидит близко горы. Он пойдет в горы. Скорее бы только.

Он кого то искал глазами, наконец, нашел. Около дерева стояла Анюта. По вздрагиваниям плеч можно было догадаться, что она плачет.

— Ты что?

— Те-тебя мо-огут убить.

Еще больше захлипала.

— Да как не стыдно? А еще коммунистка!..

— А вдруг не вернешься?

— Вернусь, голубка, вернусь, да еще как заживем, чертям тошно станет. А ты... не будь такой. Поверю, что любишь, если реветь перестанешь.

Анюта изо всей силы стала вытирать покрасневшие глаза.

— Видишь, уже строятся, пора идти.

Матвей побежал за винтовкой.

Прощались и другие ребята.

— Ну, Надюшка, прощай—протянул руку Самуил.

Глаза ласково улыбнулись. Надюшка крепко пожала протянутую руку.

— Вывод... Стройся!

Комсомольцы заторопились.

— В две шеренги... стройсь!

— Ряды... двой!

Розовая зоря разлилась по небу. Радостно щебетали в садах птицы.

Группочка остающихся столпилась на тротуаре. Тяжело оставаться, когда товарищи должны пойти. Да и вернуться ли? Кто из них влияет силу и бодрость в тех... что стоят с винтовками на плечах и ждут новой команды.

— Шагом... марш!

— Уходят,—шепнула побледневшая Надюшка.

— Хэть, два, три... Хэть, два, три... Левоу... левоу... левоу!..

— Прощайте, ребята, возвращайтесь,—кричит вслед уходящим

Груня.

— Желаю успеха,—грустно улыбается Михлик.

— Левоу... левоу...

Заворачивают за угол. Последний раз оборачиваются. Но вот уж и все повернули. Улица опустела.

— Ну, что ж, ребята, идемте.

— Идемте.

— Михлик! Ты что?

Михлик вздрогнул. Из груди невольно вырвался вздох, но он поспешил его заглушить.

— Михлик, ты так смотрел, что я чуть не заревела,—засмеялась Катя.

— А Сашка-то наш, совсем нос на квинту повесил.

— Убрайся... к чорту, сволочь!—взвизгнул Сашка, свирепо оскалив зубы.

— Ой, ребятки, прибьет Сашка, вот те звезда прибьет!

— Да, брось!.. Что тебе смешно, что ли?

Молчаливо направились в Комсомол.

Томительно ждали возвращения. Два дня казались вечностью. То и дело выбегали на проезжую дорогу; то и дело заходили в партком узнавать, нет ли каких вестей.

Вестей не было.

Погода переменялась. Все небо заволочило тучами. Моросил дождь. На улицах ноги вязли в красной глинистой почве. Трудно было ходить.

Тревога охватывала все больше и больше.

Из Чека был выслан верховой, но и он не привез никаких сведений.

Наконец, на третий день пришел.

Суровы были побледневшие лица. Некоторые были в крови. На руках прищипли смертельно раненного Самуила. Несколько коммунистов не хватало. Из комсомольцев не было среди пришедших Матвей.

— Где Матвей?

— Убит...

Липла грязь к ногам. Моросил холодный дождик. Серая завеса окутала горы. Лица были бледные, измученные.

Через день привезли тела убитых. В тот же день были похороны. Все комсомольцы, кроме Надюшки, оставшейся в больнице, были в стройных рядах. Федосеенко нес большой венок, перевитый широкой красной лентой. На ленте написано: „Дорогому Мотье от ребят“. Других слов не хотели. Все другие слова казались лишними и ненужными.

Шагали молча. Хотели петь „Вы жертвою пали“, но голоса задрожали и сорвались.

Братские могилы недалеко. Вот и гроб спущен. Чумаков говорит речь; говорят речи другие. Комсомольцы молчат.

— Товарищи! Кто из нас хочет сказать?

С опущенной головой выходит Аркашка. Встряхивает кудрями, гордо поднимает голову.

— Ребята!

Лицо Аркашки в эту минуту кажется прекрасным.

— Ребята! Помните, как мы стояли около портрета Ильича? Помните, как мы говорили, что начинаем становиться железными? Что бы Ильич сказал, если бы увидел, как мы расхныкались? Он бы сказал: „Не нужны вы революции, не нужны вы пролетариату. Запишитесь в плакальщики и это будет ваше дело“.

— Что вам говорить о Матвее? Хороший был парень, и так любить, как мы любили, все равно никто его не любил, вот и все. А мы, товарищи, еще теснее сомкнем свои ряды, еще крепче будет наша грудь, и пусть Ильич знает, что не плакальщики, а молодые и сильные, крепкие, как сталь и железо, идут ему на подмогу.

ВЕНЮКОВ.

Смена идет.

(Комсомол и элентрификация. Белоруссия.)

На болотах Шатуры, на Свири, на Волхове, среди коряг—черных, начинающих превращаться в каменный уголь, пней, в лесах, на бурливых водах, творят большевистское „чудо“.

Через тиф, через голод, с деловым топором, а подчас и с голыми руками, но с заветами вояды в сердце, идет ленинское племя на стпхию, чтобы подчинить ее себе, чтобы превратить ее в силу, в свет, а силу и свет по темным медвежьим уголкам, по заводам, на тысячи верст вокруг разлить, чтобы зажечь огоньки—лампочки Ильича.

Белоруссия. Глухая медвежья Белоруссия. Деревеньки серенькие. Избенки с соломенными крышами, грязные, с окнами, заткнутыми тряпками, с потолками, пропитанными копотью керосиновых коптелок, с постоянными пожарами.

Смотришь и думаешь—не скоро здесь зажгутся огоньки-лампочки Ильича, хотя и здесь коряги, пни, и здесь болота и торф, и еще больше торфу, и здесь течет Днепр, который можно заковать.

Не скоро это здесь будет.

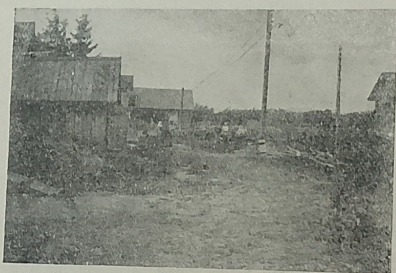
В деревушках многих никогда не видал „депестричества“ и не знали о нем ничего. Далеки они были от города, и в городах не во всех оно было. В школах не говорилось ничего по „депестричеству“.

В городах об электричестве знали. Видели, как оно по вечерам зажигалось по улицам, часто тухло, видели, как горит в домах, и больше ничего. В школах, правда, учили физику, и преподаватель говорил об электричестве, прибавляя, что оно никакого отношения к политике, как об этом часто пишут в газетах, не имеет. В библиотеках же нельзя было найти книгу Степанова об электрификации, ту самую книгу, о которой Ильич говорил, что она должна быть настольной в каждой сельской библиотеке. Зато в комхозах популярным словом было „электрофикация“. О ней там знали много,—говорили часто о ней, когда дело доходило до бюджета, до проекта переустройства конки в трамвай, до утверждения сметы в 500 руб. на электрофикацию фермы и т. д.

Так было и в Могилеве, одном из округов Белоруссии, заветы вояды об электрификации там мало кто носил в сердце, и лозунг его—„Коммунизм—это Советская власть плюс электрификация“ висел лишь в комсомольском клубе.

Глубоко запали эти слова в сердца могилевских комсомольцев. Дерзкие мысли одна за другой начали появляться в молодых головах ребят из научно-технического кружка.

— Не взяты ли нам за пропаганду электрификации? Не попровать ли объявить беспощадную войну темноте белорусской деревушки, начинающей уже помалу культурно расти? Не попровать ли в толстой стене легонького скептицизма к электрификации, в стене

Один из совхозов Белоруссии электрифицированный с показательной целью.

головотяпства пробить брешь и направить общественное мнение по пути содействия проникновению электричества в деревню? Не в первый раз могилевским комсомольцам брать за такие широкие задачи: тот же кружок в 1921 году, когда была засуха в Поволжье, когда технические средства борьбы с засухой, средства предсказания ее были слабы, и в западном крае метеорологические станции были разрушены империалистической войной, дерзнул построить самостоятельно такую станцию и включить таким образом в зону наблюдения за погодой большой кусок края. С величайшей энергией, упорством, без копейки денег, добывая их путем продажи пайков, выстроили станцию, и только головотяпское отношение некоторых лиц не дало возможности ей работать.

Теперь задачи более серьезные. Препятствий—тьма, но Комсомол это—даешь, Комсомол—это неисчерпаемый источник живой энергии, настойчивости, упорства и предприимчивости. И Комсомол не испугался препятствий. Взялись ребята за выставку пропаганды электрификации.

В тот же день, когда оформился план—бегали уже они с огновками в глазах по городу.

В комитете скандал. Не хотят согласиться с тем, что выставка должна быть предназначена не для посетителей клуба, а для широких масс рабочих и крестьян, которые должны увидеть применение электричества на деле. Смеются.—„Куда вам ребята! Зароетесь“.

Смеялись не только в комитете, смеялись буквально все, с кем приходилось иметь дело, начиная от инженера, которого попросили помочь в оборудовании торфавильона, от чего он отказался, прося „червонец“ за консультацию и кончая председателем исполкома, скептически улыбающимся, когда ему рассказывали, как будет на выставке показана электрификация городского хозяйства.

Денег не давал никто и материалы доставались „нелегально“. Для модели электрифицированной каменноугольной шахты потребовалось 5 пудов угля. Пошли на станцию. Там хозрасчет. Категорически отказали. Электрификаторы не унывают. В два счета собираются человек 200 пионеров. В депо отправляется экскурсия. Пионерам дается инструкция—взять каждому для „образца“ по куску каменного угля, и в результате двора упорядочена, где она „гнила“. Было решено ее стащить, что и делали под посом у сторожа в одну темную, осеннюю ночь. Еще

интереснее достали лампочки для карты электрификационной системы. Однажды, сидя на крыше после праведных трудов по натягиванию антенны выставочного радиотелеграфа и ломая голову над тем, как бы раздобыть лампочки, один парень заметил на куполе собора крест из электрических лампочек. Момент, и созрел план. Под предлогом натягивания дополнительного радио-луча на крышу собора обещали хорошие лампочки заменяются испорченными. К вечеру карта уже висела на центральном месте выставки и лампы, вместо того, чтобы быть на кресте, ярко сияли во всех пунктах, предназначенных к электрификации, готовясь возвестить рабочим и крестьянам г. Могилева о плане восстановления нашего хозяйства.

Таким порядком добывались материалы.

Захотели ребята в подшефной волости помочь лампочку Ильича зажечь. Отрыли на складе каком-то динамо-машину, валявшуюся там лет 5. „Изъяли“. Комхоз пропихал и решил отобрать и продать. Выгоднее. Руками и зубами вцепились. Печать помогла. Пугнули Сосновским, хозрасчетом и машину отстояли.

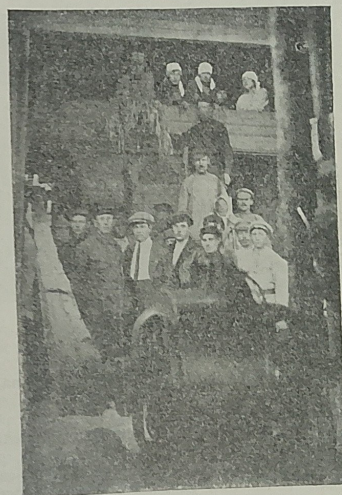
Как ни растолковывали ребята заву смыс Ильичевского завета, так и не понял он его, и когда пришли опять просить 2 рубля на окончание модели электрифицированного подпровода, выгнал буквально их, сказав, что в этом деле вискозко не заинтересован.

Продали электрификаторы кто пиджак, кто пальто, и все же мало. А выставку хотелось окончить к съезду Советов сюрпризом.

Без копейки строившаяся выставка оформлялась, и чувствовалось, что выйдет что-то более серьезное, чем то, что предполагали. Тут опять беда. Зима, холод, и многое начало разрушаться. Полопались аквариумы, идеальные в мосты модели электрической железной дороги, изображающие реки, испортились коллекции производных нефти в отделе энергетики. На момент руки опустились.

Печать тоже изменила. Местная газета, по ее собственному выражению, „перестала загромождать свои страницы легковесным материалом“.

Разрушение шло дальше и, если бы делу не помогли рабочие местной электрической станции, которые понимали великое значение

Показательная электрификация одного из совхозов Белоруссии.

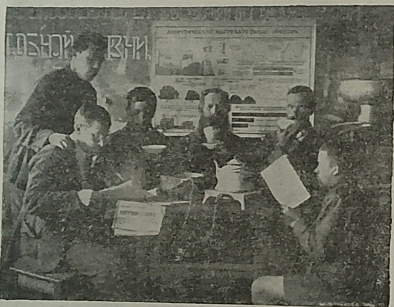
дела, задуманного Комсомолом, лучше чем это понимали завы, выставка погибла бы.

Дали бесплатный ток. Выставку начали обогревать электричеством.

Так тянулось 2 месяца. 2 месяца упорной борьбы, полной разочарований, лишений, недоодеяния. Но электрификаторы победили, и огненными буквами на выставочной арке зажались слова Ильича: „Коммунизм—Советская власть плюс электрификация“.

Посыпались газетные статьи, интервью. Председатель исполкома покровительственно хлопал по плечу организаторов. Инженер, рассматривая выставку, что-то растерянно говорил о шутке, о червонце, а завкомхозом жалел, что вся эта скандальная история в газетах не была улажена семейно и выдал сейчас же записку на склад о выдаче еще 2-х моторов бесплатно.

Чего только комсомольцы на ней ни показали. Все изготовлено своими руками. Тут и длинная на 3 столах модель электрифицированной деревни. По отзывам, эта модель вышла гораздо лучше модели Долгушина, стоявшей на сельскохозяйственной выставке в павильоне Э.Т.Ц.Р.

Крестьяне в гостях у комсомольцев на выставке пропаганды электрификации Могилевской организации К. С. М. Б.

ные ресурсы и экономическая сторона электрификации. Здесь же на моделях можно узнать, как добывается нефть, как она перерабатывается.

В павильоне развития электротехники каждый знакомится с телеграфом, телефоном и радиотелефоном, рентгеновскими лучами и т. д. Много рабочих и крестьян прошло уже через выставку. Не одна тысяча. И все они уходили с ясным пониманием завета Ильича, пораженные действием великой силы, рассказывая о ней в медвежьих деревушках Белоруссии. Многие экскурсии приходили верст за 60—70.

Где-то в Москве выцарапали комсомольцы несколько пудов литературы, и каждый крестьянин, побывавший на выставке, уходил спямяткой в руках, с картой электрификации и календарем.

Всколыхнули комсомольцы белорусскую деревню. В пзбах — читальных уголки пропаганды электрификации организовали. По городкам кружки комсомольские по пропаганде электрификации, как грибы начали расти. И комхозы не так сурово смотрят на их затеи.

Вечером, когда бы ни шли по главной улице, вы всегда в ярко освещенных окнах выставки заметите черные маленькие фигурки с галстуками, с молотками в руках, что-то всегда починающие.

Это—хозяева выставки—пионеры.

Комсомольцы, готовящие смену тем, кто среди коряг, среди лесов на Шатуре, на Волхове, с топором подчиняют стихию, готовят и себе смену; маленькие фигурки—это хозяева будущего.

С какой заботливостью, с какой любовью они относятся к каждой модели, к каждому винтику, каждому прибору. С заботливостью, которая у нас уже никогда не воспитается.

Когда выставка после поездки в Минск была ими распакована, и кто-то из них заметил раздавленный в дороге выключатель, его в руках.

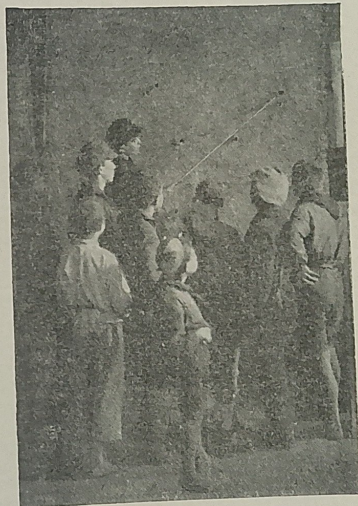
Вечно они вертятся среди экскурсантов, прислушиваясь к объяснениям своих старших братьев комсомольцев.

За ними никто не смотрит, никто не боится за то, что где-нибудь пережгут, где-нибудь испортят. Они прекрасно разбираются во всем.

Мне вспоминаются два трогательных случая с этими истинными хозяевами будущего. Однажды группа „липовых“ студентов, и „сахариновых“ студенток вошла на выставку. Один из пионеров, стоя на мосту и держась рукою за воздушный провод электрической железной дороги, починил что-то в ней. Какой-то студент подошел к нему и с удивлением произнес: — „Смотрите, как он привык к току.“ ПIONEР удивленно посмотрел и, улыбающийся, ответил к великому стыду будущего инженера:

— Для того, чтобы ток прошел по моему телу, нужно взяться не только за воздушный провод, но и за рельсы.—А „сахариновая“ студентка, несколько не смущаясь, созналась здесь в том, что она до сих пор не знала,—почему птицы, сидящие на трамвайных проводах, не убиваются током.

Второй случай таков: Как-то раз пишущий эти строки, зайдя на выставку навестить маленьких хозяев и дать им кой-какие руководящие указания, к великому удивлению увидел следующую картину. Один из самых маленьких пионеров собрал ребят с улицы, пионеров и детишек из детских домов, пригласил их на выставку и объясняет им план электри-

Пионер объясняет детям план электрификации С. С. С. Р. на выставке пропаганды электрификации (Белоруссия).

кации, принятый на съезде Советов, о котором он часто слышал по объяснениям от меня:

— „Вот эта станция около Днепровских порогов показывает нам, что электрификация по плану, какой в Советской России, возможна только у нас так как капиталистов у нас нет и частной собственности тоже нет. При старом правительстве помещик Воронцов-Дашков не пустил строить здесь станцию. Он не хотел, чтобы электричество шло на землю других помещиков и капиталистов, с которыми он конкурировал.“ Я не знаю, повалили ли детишки из детских домов, что такое „гидро-электрический“ или „частная собственность“, но я понял и глубоко почувствовал в тот момент ту пропасть, которая находится между инженером, отказавшимся помочь вебольшим советом, „липовым студентом“ и этим маленьким пионером, осмысленно представляющим пути восстановления хозяйства страны.

И ночью также вертятся они на выставке, охраняя дорогие приборы от грабежа, который один раз покушались произвести. И кто-нибудь из них, свернувшись калачиком среди блестящих приборов, рассказывает о том, как в Америке дети засыпают под рассказ сказки по радио.

Люди с Волхова и Шатуры могут быть спокойны. Смена идет.

С. С.

За океаном.

Кто не слышал на рабочих собраниях или в школах политграмоты вопроса:

— Как же это, однако, вышло, что вот мы, темные, сделали Октябрьскую революцию, а за границей более просвещенные рабочие все еще под капиталистами лежат?

И гордость звучит в этом вопросе и некоторое сомнение.

В ответ приводятся, конечно, экономические причины, работа желтых социалистов, — и очень мало, очень редко говорится что-либо обо всем облике заграничного рабочего.

Ясно, что если бы русские рабочие могли вполне представить себе этот облик заграничных товарищей, — много было бы им покаяний, лучше представили бы они себе болото мешанства, в котором подчас безнадежно барахтается заграничный рабочий. Лучше бы сумели разглядеть такое же болото вокруг себя, — пережиток старого. И решительнее принялись бы за постройку нового быта.

Вот почему важны даже отдельные мелкие черточки быта заграничного рабочего, особенно, если он дает их сам, в своей рабочей газете.

В Англии все партии готовятся к перевыборам. Знаете ли вы, что найдутся рабочие, которые, несмотря ни на что, пойдут отдавать свои голоса за буржуазию, за консерваторов. Почему? Они убеждены в правоте капиталистов? Они сознательные изменники рабочему делу?

Ничуть. У них более „почтенная“ причина:

— Мой дед и мой отец голосовали за эту партию.

Иногда, оказывается, нехорошо быть „потомственным почетным пролетарием“, если от деда и отца приходят рабские навыки.

Английские коммунисты со временем развеют эти навыки, эти традиции отсталой части английских рабочих.

Но не меньшую работу нужно проделать и коммунистам американским. Берем отдельные кусочки из газеты „Новый Мир“ — „единственной в Америке русской ежедневной рабочей газеты“, как говорит надпись поверх страниц.

Наши соотечественники в Америке, конечно, не корзинные американцы. Но их облик во многом — отражает облик рабочего американца.

Русский отдел Р.П.А. (рабочей партии Америки) собирает рабочих, чтобы прочистить немного их сознание. Но это трудно сделать — без танцев. Вот объявление:

Внимание! Востон-Челси-Линн-Пибоди. Внимание!

Русскими Отделами Р. П. А. гор. Востона, Челси, Линн и Пибоди совместно с Финским Отделом Р. П. устраивается

ГРАНДИОЗНЫЙ ПИКНИК

С Т А Н Ц А М И

В понедельник 1-го сентября

(LABOR DAY)

В LYNN WOODS, LYNN, MASS.

Начало пикника с 10 час. утра до 8 час. вечера

Первоклассная музыка и хороший зал для танцев

Для мужчин 50 с. В Х О Д Для женщин 35 с.

Буфет с хорошими закусками и прохладительными напитками.

Маршрут: Из Востона и Челси ехать до Централ Сквер и там взять „Линн Вудс Кар“.

— „Внимание! Внимание!“ — „Буфет с хорошими закусками“ — тоже, оказывается, необходим.

А рядом — выписка из Ленина:

„Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строениями, помогают им распределять работу и обозреть общие результаты, достигнутые организованным трудом“.

ЛЕНИН.

Газета стремится выполнить его заветы. Но Р. П. А. вынуждена еще подстегивать слушателя буфетом и танцами.

Внимание к СССР. Чрезвычайное. Отмечаются все наши достижения. А подчас оказывается медвежья услуга. Вот пример:

Кто защитит интересы китайского народа?

Гонимые. — Сун-Ят-Сен организует в Кантоне, провинции Квантунга, красную армию для защиты Китая.

К нему стекаются рабочие из Кантона и крестьяне из окрестных сельскохозяйственных округов.

Говорят, что в Кантон прибыли два советских генерала, три полковника и два детчика. Сообщают, что тов. Бородин, советский представитель в Кантоне, отправился по очень важным делам в Шанхай.

„Говорят“... Было бы, конечно, лучше, если бы „Новый Мир“ не говорил, или не повторял буржуазных глупостей. Ни „генералов“, ни „полковников“ Сун-Ят-Сену мы не посылаем.

Надо полагать, впрочем, что тов. Коваленко несколько выправит политическую линию Р. П. А. и „Нового Мира“, потому что:

„Партийная жизнь“.

Наш книжный склад получил, наконец, достаточное количество книг Новаленко (руководство к изучению политграммы). Большинство наших отделов успешно проходит этот курс. Но необходимо выпонить 100 процентов задания. Отделы, не изучающие еще политграммы по курсу Коваленко, должны приступить к прохождению этого курса немедленно. Заказы на книги следует направлять по адресу нашего книжного склада в Нью-Йорке. Испытание по пройденному курсу будет своевременно произведено Центральным Бюро РСРПА.

Видите, — „наконец, достаточное количество Коваленко“. Нужно бы напечатать его побольше, — для Америки требуется. Кстати, — у него указано и „что читать дальше“.

Надо думать, что много помогут читателю „Нов. М.“ и рабкоры. Их заводит американская газета, как делают это теперь и французские рабочие газеты. Вот что пишет „Нов. М.“:

Побольше рабкоров.

Посвящая эту страницу рабкорам „Нового Мира“, мы заполняем ее очередными корреспонденциями — нашей обычной работой.

И пользуемся случаем, чтобы призвать к этой работе новых и новых рабкоров, дабы увеличить число рабочих корреспондентов „Нового Мира“ во всех уголках Америки, которые бы освещали для читателей „Н. М.“ рабочую жизнь во всей полноте ее.

Каждая организация должна иметь рабкоров.

Каждый отдел Р. П. А. должен выделить рабкоров „Н. М.“.

Каждый отдел Л. Р. М. должен выделить рабкоров „Н. М.“.

Каждая женская организация должна выделить рабкоров „Н. М.“.

Каждая школа, каждое общество взаимопомощи, каждое культурно-просветительное общество, сочувствующее нам, должно выделить корреспондентов „Н. М.“.

При каждой фабрике, каждом заводе, каждом профсоюзе должны быть рабкоры „НОВОГО МИРА“.

ТОВАРИЩИ РАБКОРЫ, ЗА ДЕЛО!

Ни одно важное событие не должно пройти неотмеченным на страницах „НОВОГО МИРА“.

Рабкорство — новое дело для заграницы. Но это не мешает новой рабкорской организации чутко отзываться на вести о рабкорах и селькорах СССР:

От рабкоров семье убитого сельнора.

На собрании Чикагской группы рабкоров „Нового Мира“ после выслушания доклада об убийстве в России сельнора Малиновского был устроен сбор в пользу семьи погибшего товарища. Сбор дал \$14.50, которые решено отправить по адресу Московской „Правды“ в фонд помощи семье тов. Малиновского.

Трудно, все же, организовать подписку на „Нов. М.“. Прибегают к „вызовам“. Кстати, вы узнаете из этих вызовов кое-что об условиях работы в Америке:

„Тов. Новина вызывают снова“.

Лоуэлл. — Я очень рад, что ты меня вызвал, тов. П. Новик. Только я считаю, что одного доллара недостаточно... Я посылаю 2, хотя я человек семейный и работаю 65—70 часов в неделю, не получая ничего за сверхурочные часы. Поэтому, думаю, тов. Новик должен прислать 5 долларов.

Вызываю также тов. А. Сороку, М. Витковского, Т. Ковальчука, Р. Резну, В. Биладу и Р. Кислого.

С тов. прив. Я. Бородавца.

Грантвил, Масс.—Принимаю вызов тов. П. Новика и П. Тоболы, жертвую 2 в железный фонд „Н. М.“. Буду и в будущем жертвовать по силе возможности. Мне приходится краснеть перед товарищами за такую скромную сумму. Причина тому—безработица: работать приходится два-три дня в неделю на работах при постройке. Пришлось и в долги залезть, так что кроме долга ничего не имею, но все-таки старому другу „Н. М.“ в критическую минуту не откажу.

Да здравствует «Новый Мир», как намордник для клеветников всех мастей.

С ком. прив. В. Билида.

Организуется и молодежь Америки:

Пикник молодых американских рабочих.

Пикник американских молодых рабочих совместно с русской и еврейской молодежью состоялся 24-го августа в Риверсайд и вышел очень удачным. Он привлёк порядочно молодежи и взрослых.

Молодые пионеры выступили с декламацией и речами. В пропесенных детях стихах и речах выражалась мысль о тяжелой жизни рабочих в Америке и о роскоши и довольстве богатей и их детей.

Затем выступил комсомолец и рассказал, как в СССР, в Москве, дети организованы и как они с песней и музыкой во время праздников парадуют, проходя тысячной толпой по улицам.

Молодой американец Барни вернул внимание слушателей к Америке. Он говорил о выборной игре капиталистов и уделил много внимания Ла-Фоллетту.—Ла-Фоллетт—такой же враг рабочих, как Кулидж и Дэйвис,—указал он. Рабочим нечего надеяться на него. Они должны полагаться на собственные силы.

Речи закончились шествием детишек. Выстроившись парно, пропели кругом с песнями, неся плакат с надписью: «Вступайте в Лигу».

И. Гладченко.

Не упустить ничего, что бы могло ускорить победу Труда в Америке, ханжеской и богомольной Америке,—невозможное отношение к неграм. Негры должны составить внушительный отряд Р. П. А.

Избирательная кампания среди негров.

Чикаго.—Вчера мы приступили к сбору подписей для того, чтобы выставить кандидата Раб. Партии в конгресс. Сначала мы принялись ходить из дома в дом и доставали только 5 подписей. Многие не были дома или не хотели нас слушать. Тем не менее те, которые согласились нас выслушать, на эту работу, которая состояла по большей части в уговаривании, мы делили группу молодых парней-негров. Мы решили подойти к ним и раздавать несколько листовок, пояснив цель нашей кампании. В течение 5 минут мы доставали 7 подписей. Нам не нужно даже было просить их, они подписались по своей инициативе. Это показывает, какие возможности может предоставить работа среди негров. Если только партия потратит достаточно энергии, можно будет собрать в негритянских районах тысячи голосов. Наме конгрессу предложение: устроить митинг в этих районах и в то же время раздавать заявления для подписей. Затем, сохранив имена подписавшихся, пригласить их на массовый митинг. Таким образом можно будет создать там большой отряд Р. П. А.

К. Ш.

Необходима борьба с теми, кто одурачивает негров. Их разоблачают:

Лидер негров. Гарви—верный слуга белых капиталистов.

В руки корреспондента «Дейли Воркера» попало письмо, обращенное к одному из кандидатов «Юнайтед Нигро Импрovement Ассошиэйшн».

В этом письме Гарви откровенно намекает, что те белые капиталисты, которые хотят, чтобы негры были пачены не стремятся стать на равную ногу с белыми в Соед. Штатах, должны помочь вышеупомянутой организации. Письмо подписано: «ваш пижамный и верный слуга Маркус Гарви». Фотография подписи напечатана в «Дейли Воркер».

Этого мало. Надо доехать Гарвея поглубже. Рядом помещено описание гарвеевской работы:

Мадонна и Христос—черные или желтые?

Около 6000 негров и негритянок наполнили зал «Либерти Голл» и столько же пытались проникнуть туда, но им это не удалось и они страшно об этом жалеют.

Было там, на что посмотреть.

Негры окрашивали в черный цвет Христа!

Компаний главнокомандующего Гарвея решили, что для одурачивания негров им нужен свой черный Христос и, попутно, такая же Мадонна. Около образов богов происходило курение задана и т. д.

Так закончился негритянский съезд «его превосходительства» Гарвея, после тридцати одного дня заседаний.

Гарвей, нарядившийся кардиналом, перед закрытием съезда шепнул своим молившимся поклонникам, что ему нужны и пресвятые доллары. Собрало их было много.

После закрытия съезда получилась телеграмма от китайцев, заявивших, что Гарвей врет, что Христос и Мадонна вовсе не черные и не негры, а самые настоящие китайцы и желтые...

«День Труда» в Америке. Еще один способ затуманивания рабочих. Рассказать о нем правду.—«Нов. Мир» пишет:

Я бог, я червь...

Лэйбор Дэй был вчера, «День Труда».

Казенный праздник братания капиталистических сирен, лже-вождей труда и рабочих простоты.

И сей «День Труда» капиталистические шакалы всех пород использовали для своих целей. К этому дню все капиталистические партии приустроили свои обхаживания американского пролетариата, зазывая его в свои политические ловушки. Все—республиканцы, демократы, лафоллетисты—надели на рабочего и напелерив обаялились ему в любви и дружбе.

То, что крупно и мелкобуржуазные партии так неседают на рабочего, несомненное доказательство его потенциального могущества, скрытой в нем силы.

Американский пролетариат богатирь.

К сожалению, этот богатирь еще в духовном плену у классовых своих врагов, об одежде его мечущих жреби. Американский рабочий—Самсон Могучий, ослепляемый чарами коварной Дализы.

Американский пролетарий—бог в возможности, червь в действительности.

И окружают, обхаживают его сирены разные, приручающие его и делающие все возможное для использования его в своих интересах, для достижения своих целей.

В обществе отчаянная, непрестанная борьба классов, в которой рабочий класс противопоставлен классам крупной и мелкой буржуазии. В стране свирепствует диктатура буржуазии, в которой участвует и мелкая буржуазия.

В интересах рабочего разбить эту диктатуру. Цель его взорвать господство капитала. Ему, как воздух, необходима власть для сокрушения классового общества.

А он в плену у коварной Дализы, обхаживающей его в казенный «День Труда».

Проснись же, рабочий! Освободи себя от наводнения и поиди своей дорогой—дорогой революционного пролетариата.

Место американского пролетариата под знаменем Рабочей Партии, зовущей его к власти.

Проснись, довольно, не будь червем. В «Нов. Мире» объявление:

Продавайте «Дэйли Воркер» в «Лэйбор Дэй»!

В «Лэйбор Дэй» выйдет специальный номер «Дэйли Воркер»*, который ознаменует начало первой коммунистической кампании в С. Ш.

...Каждый член партии должен распространять, по крайней мере, 5 номеров газеты. «Дэйли Воркер» должен дойти до рабочих. Американские рабочие должны знать правду о Ла-Фоллетто-Гидкинто-Гомперсовском союзе.

Цена номера—5 центов. Пачками—3½ сента. Немедленно закажите "Дейли Воркер" через организатора Отдела или получите газеты в "Джимис Хиггинз Бук Стор"—127 Юниверсити Плаза, или же в областском — 208 Ист. 12 улица. Сегодня последний день.

А может быть, — бросить работу, уйти на землю? Вот что получается от такого ухода, — говорит "Нов. Мир":

„На берегах Делавера“.

Там, где я живу, река Делавер разделяет два штата — Нью-Джерси и Пенсильванию.

В штате Нью-Джерси почва беднее, чем в Пенсильвании. Пенсильвания как-то первобытнее и жители-фермеры проще. Средняков мало, все больше перебивающиеся из культи в рогажку арендаторы чужой земли. Даже давнишние поселенцы еле сводят концы с концами: едят свою доморощенную фасоль и картошку, пьют снятое молоко, то же, что дают свиньям и телятам.

Сторона на Йерси индустриальна. Там по берегу Делавера рассыпаны фабрики и заводы, города обладают всеми прелестями капиталистической цивилизации: банки, кинематографы, магазины и т. д.

Несколько лет тому назад, почти одновременно появились на противоположных берегах реки два семейства, оба равно бедные, оба в поисках хлеба насущного.

Одна семья прибыла из Нью-Йорка, где глава семьи работал на фабрике и еле сводил концы с концами, а в безработицу и совсем приходилось семье класть зубы на полку. Попав в один из городков Пенсильванского берега Делавера, он открыл мастерскую шитья и чистки платья.

Туту ему пришлось вначале.

Посыпались стеснения всякого рода. В городке отказывали в найме квартир, предпочитая держать новопришельцев подалеже от „демократических“ янки. Пришлось семье поселиться в миле от города.

Но у нью-йоркского пришельца был коммерческий нюх и скоро он понял, что работой без капитала далеко не уедет, стал он хлопотать и раздобыл кредит у некоторых торговых домов. Устроил затем магазин платья, обуви и т. д.

Дела его быстро пошли в гору и нет еще пяти лет с тех пор, как он появился на нашем горизонте, а у него уже ценный магазин, с подожжанными домами в центре городка, дорогой автомобиль и проч.

Вся буржуазия, янки городка, его уважают и готовы выбрать даже в мэры города, хотя он по-английски ни читать, ни писать не умеет.

Помог ему, понятно, не капиталец сам по себе, а применение к нему дешевого труда.

На Пенсильванском же берегу Делавера в то же время поселился бывший шахтер.

Долгие годы работал он в угольных копях и удалось ему скопить несколько сот долларов.

— Не вмоготу больше рыться под землей, — говорил он, — пора попробовать рыть землю сверху, авось там клад зарыл!

Но в стороне капитала кладки даются только тем, кто может заставить пролетариев рыть за себя.

По уплате первого взноса за ферму, остался шахтер без гроша. Голыми руками много ли из земли добудешь?

На помощь пришли разные кулаки-благотетели. Кто дал за двойную цену лошадей, кто скот, кто машины для хозяйства полевое. Беда только, что проценты, налоги и платежи по срочным векселям были не по доходности хозяйства, и скоро не вмоготу стало барахтаться нашему шахтеру. Последний экономический застой захлопнул его, и пошел он по общему пути — продажа с молотка, чтобы удовлетворить кредиторов.

Отправился шахтер в Нью-Йорк, где „на улицах золотого лопатами загребает“.

Этой весной снова появился он на нашем горизонте, но уж от кулаков-благотетелей сторонился: наконец, только на наличные, а так как таковых у него скопился грош с половиной, то почти ничего не покупает, кроме самого необходимого.

Пашет он много и сеет, работает за троих, но толку нет: земля без искусственного удобрения, которое он хотел брать в долг, не родит. Ферма без овец, и птицы не дают дохода.

Единственная доходная статья была рабочая сила жены, которая работала в ресторанах Нью-Йорка кухаркой, чтобы помочь мужу своими заработками.

Трудно приходилось шахтеру-фермеру присматривать и быть матерью четырем малышам от 7 лет до двух включительно.

Но он мирился и жил надеждой, что еще год — и жена вернется, и все пойдет хорошо.

Но вот недавно жена вернулась из Нью-Йорка. Вернулась болящая. Надежды фермера пошли ко дну, клад не тадел снова. Опять перед ним подземелья шахт или душные мастерские Нью-Йорка.

Такова жизнь на обоих берегах Делавера-реки, и не только, где течет Делавер — повсюду, где труд и капитал составляют.

Первый, чем больше работает, тем больше стопнет, а другой и без работы живет припеваючи.

Дело ли так еще будет — зависит от рабочих и фермеров.

Имеющие уши — да услышат, имеющие мозги — да поймут.

Хлебобоб.

Нет спасенья в шахтах, нет его и в деревне для пролетария. А потому, — надо зорче глядеть в сторону СССР. И разбираться в тех слухах, которые пускаются буржуазией.

Кому частичная засуха в СССР приносит пользу.

Рига. — Заграничная белогвардейщина, находящаяся в связи с контр-революционерами, укрывающимися в СССР, пользуется во всю частичным недородом этого года для возбуждения народных масс против рабоче-крестьянского правительства.

Планы вывоза излишка хлеба они стараются сделать центральным пунктом для нападения на Советы.

Ими вынуждена прокламация, полная лжи о положении в СССР в связи с частичным недородом. В этой прокламации они призывают рабочих к забастовкам, чтобы, мол, заставить Советское правительство отказаться от вывоза зерна. Далее в своей прокламации контр-революционеры говорят, что они „тоже имеют ружья и пулеметы“.

Одна из задач прокламации — показать за границей, что в СССР-де неспокойно и что ненавистникам Советов можно надеяться еще на что-то.

Шаг за шагом, — пусть даже с танцами, — помогает своему читателю „Нов. Мир“ подходить к сознательному выполнению призыва газеты:

ГОЛОСУЙ ЗА КОММУНИЗМ!
СТАНОВИСЬ В РЯДЫ РАБО-
ЧЕЙ ПАРТИИ!

буре восстания вместе с нами... Она теперь тоже большевичка. Она заведует областным животноводством... Так-то бывает в жизни: от девичьих грез—на широкую дорогу классовых битв!

Был Капельницкий: 20 лет в большевиках. Эмигрант. Умница. Через год в Москву приехал на съезд. И он—которого не убили ни ссылки, ни тюрьмы, ни жандармские побои—он погиб от глупой, случайно сорвавшейся пули.

И еще был Павлуша Войтек В петербургских районах знают рабоче и помнят до сих пор Павлушу Войтека. Это был на редкость искренний, прямой и благородный человек. Мы на него всегда смотрели, как на лучшего из лучших. Он был всегда для нас образцом того настоящего подлинного борца-коммунара, в котором удивительным образом сочетались и мудрость жизни, уяснение сложнейших, мучительно-трудных проблем—и голубиная чистота, детская невинность.—Кроткая, незлобивая... Вы от беседы с Павлушей неизменно уносили аромат его искренности, этой непоколебимой, крепкой его веры во все, что говорил он с такой задумчивостью. Кажется, и не сказал он вам ничего серьезного и большого, кажется, и слов у него не было нужных, а вот поди же ты: как поговоришь—словно и умней себя чувствуешь, и бодрей, и уверенней, и дело делается у тебя веселее, и мысли стали отчетливо-свежими, будто окропил их Павлуша живительной влагой. Он обладал редким даром: разрубать узлы, делать простым и понятным все то, что на первый взгляд темно, запутано и недоступно. Павлуши Войтека теперь уже нет: он в первых цепях шел на мятежный Кронштадт, и лишняя пуля на смерть крепко поцеловала его горячим свинцом. Такие—так погибают. Они в ударный момент—всегда на вышке, на открытой, опасной посту. Их видно кругом, со всех сторон. А пули—миллионами. И одна—непрерывно в сердце. И снимет с боевого поста такого Павлушу Войтека.

В ту последнюю ночь он был вместе с нами: смеялся, пожимал наши руки, говорил, как всегда, задумчивую речь. Не помню я слов этой речи—да и зачем они. Он говорил о том, что в каждом месте—своя нужда, своя работа. Будет нам большая работа и в Верном.

—Поезжайте, ребята, будьте и там молодцами. В такой глуши свежая сила нужней, чем здесь.

Вот что говорила тогда Павлуша. Мир праху твоему, друг. Мы о тебе, Павлуша, не забудем никогда: слишком был ты и чистый, и благородный человек, отважный и простой, как надо—коммунист...

Может, и еще теперь нет кого—не знаю. Пошел четвертый год. А мы привыкли время считать минутами...

Прошла та ночь. На утро, как ни в чем не бывало, мы встретились в Политуправлении. Даже успешно торопились: мы—уехать, а они нас—проводить. И взаимную нашу торопливость каждый видел, понимал и даже чуть-чуть стыдился ее.

—Уж скорей бы ехать, что ли.

Эта мысль была у каждого. И потому особенно быстро заготовили документы (их готовили и здесь), снабжались наскоро продуктами, упаковывали разные «деловые» сумки, ящики, корзины... Писали последние письма—да и как же было их не писать: чтобы добраться к Верному, надо ведь проползти целых 600 верст на лошадях, горами и равнинами: иш, в какую дыру законопатимся.

Мы о Верном были слышаны не мало. Прежде всего, конечно, один другому с таинственным, значительным видом сообщали, что не сколько лет назад—и совсем даже недавно, не то в 911, не то 912-м было в Верном последнее землетрясение... Да... да... и здоровенное...

Скажешь и зорко всматриваешься в лицо собеседнику, наблюдаешь, как поразит его это известие. Эка новость, словно и он не тогда охота:

—Вот, дескать, в какое чортово пекло едем—то ли не герои?

Впрочем, эту «новость» за последние дни мы успели друг другу сообщить уж по несколько раз и потому она чем дальше, тем меньше оказывала действия. Затем мы еще слышались об ужасающей распутице: старожилы пророчат нам гибель в пути от горных, бурных рек, от обвалов и провалов, уверяют, что мосты снесены водопольем.

А нам и любо: предстоящая поездка кажется теперь, после всех этих слухов и сообщений—каким-то диковинным, почти фантастическим событием. Скорей же, скорей в дорогу!

И как всегда бывает в таких случаях—пдали нам, грешным, по-чем-зря, кому что издается, кому сколько влезает, благо мы жадно слушали, развевя уши, всему верили и за все сведения сердечно благодарили.

Наконец—вот он—момент: все выслушано, упаковано, подписано, расписано—прощай Ташкент...

Лошаденки с бубенцами покатили на вокзал. Чего тут рассказывать:

Сели и поехали.

От Ташкента до Верного что-то верст 800 с лишком. По железной дороге можно было тогда ехать только до станции Бурной, а дальше—верст 600—на перекадных, на тройках. Медленно, скучно тянулся поезд, часто останавливался по неведомым для нас причинам, подолгу стоял и, наконец, где-то застрял по-настоящему: впереди оказались снежные заносы. Вот вам и солнечная туркестанская весна. Впрочем, мы не горевали ни о каких дорожных неудачах—нас чрезвычайно занимало это далекое, таинственное Семиречье, о котором так много слышались мы в Ташкенте. В дырявом холодном купе вагона, усеявшись кружком, кто на лавке, кто на полу—мы горячо обсуждали методы предстоящей политической и иной работы. Совершенно новая среда, неведомые доселе условия, отсутствие городского пролетариата, незнание туземного языка—все это были такие обстоятельства, над которыми можно было поломать голову, подумать, поговорить. И мы усердно говорили: без умолку, многоречиво, неуверенно и крайне возбужденно, особенно возбужденно именно потому, что путем и толком никто ничего не знал: спорить и оспаривать был полный простор. Что же еще оставалось нам делать за долгий-долгий путь. И в то же время хотелось всю нашу поездку обставить таким образом, чтобы от нее получился действительный толк. Во первых, надо точно определить, что собою представляют эти «подступы» к Семиречью—первые районы, что на нашем пути; во вторых, поучиться здесь на деле, близ живой работы—поучиться тому новому, ради чего мы едем в эту даль и, в третьих,—помочь им уже теперь, этим попутным селам и городам, ежели только будем в состоянии, чем-либо быть полезными. А как же не быть полезными? Они, ведь, тут один раз в месяц получают газету, они несомненно отстают от жизни, мало что знают и уже во всяком случае путают все самым беззастенчивым образом. Тут, за горами—темп жизни совсем иной. Какому-нибудь москвичу или ива-ново-вознесенцу—даже диковинным, непонятным будет: как это люди могут, дескать, терпеть целый месяц, а то и больше—терпеть и не

знать того, что совершается на белом свете. А вот терпят. Обстоятельства такие, ничего пока не поделаешь. Мы это знали заранее, что глушь, тьма и неведение здесь кругом—умопомрачающие. Потому и решили отдать по пути все, что могли отдать: наш организационный намыл, наши общие знания, нашу осведомленность о последних свежих событиях.

В Семирежье командировался, собственно говоря, я один: в качестве уполномоченного по области от Реввоенсовета фронта. Иные уверяли меня, что еду даже в качестве „особо-уполномоченного“, а то говорили, будто, в чине „чрезвычайного уполномоченного“, но я, по совести признаться, в семимильный мандат свой не заглядывал, а распустил, что на месте, по делу, ясно будет, что можно делать и чего нельзя. Но уж такая у всех, у нас, ухватка была в те годы: командируют тебя, а глядь—одному то ехать и тошно, непременно надо ухватить с собой целую охапку лучших товарищей. С ними сработался, в них привык, да и они тебя узнали близко. Закинул и я в Ташкенте удочку Реввоенсовету:

— Так и так, дескать, еду в глухое Семирежье, с кем там буду дело делать, на кого опереться первое время. Отпустите джипинку полн-друзей!

И удивительное дело: Ревсовет охотно согласился. На редкость редкое и диковинное дело. Вот почему и ехать было так радостно даже в такую глухую трущобу. Чего скрывать—уж во-истину дыра. Ребята со мною ехали, что называется, „на все руки“—спецы по всем отраслям: тут были и мастера организаторы и военные инструкторы, агитаторы-пропагандисты, лекторы, руководители партийных школ, газетчики, трибунальщики, театралы и прочие. По сему случаю, не доезжая Бурной, план шестисотверстного пути был разработан, примерно, в следующем виде:

Один местный хлопек, Вермильчев, скачет вперед и по всем крупным селам и городам назначает собрания, заседания и совещания Ревкомов, партийных комитетов, ответственных работников. Назначает для этого точный час, а об этом часе по телеграфу, заблаговременно сталкивается с нами. Я с некоторыми товарищами еду верст на сотню позади вчетвером: Лидочка—она кой-что и печатает в пути; „Кум“—товарищ по работе; Ная—и друг, и жена, и верный спутник во всех походах гражданской войны. Дорог был каждый час. Надо было торопиться в Верный. И в то же время хотелось кой-что сделать в пути. Потому так и наладили. Одни, таким образом, готовят, другие проводят собрания и заседания, открытые митинги и оставляют на месте письмо-инструкцию едущей сзади компании: Никитченко, Альтшуллер, Полеес, Муратов, Колосов Алеша. Они подробнее, основательнее входят в работу, выполняют и то, что мы оставляем в инструктивном письме. Этот план показался нам всем наиболее целесообразным. Так и решили сделать.

Всех позади, замыкая шествие, во главе небольшого отряда охраняя обозы—двигались: единожды ранее упомянутый Гарфункель. С ним „капрал Визгельма“—как в шутку называли мы своего коммуниста-товарища, Линденбаума и общий дружок—Рубанчик. Этот Линденбаум—занятная фигура: он никогда не различал большого дела от малого, за каждое брался с одинаковой охотой и выполнял его с одинаковой добросовестностью и настойчивостью. Теперь, принимая на себя охрану обоза—он едва не клялся нам, что доставит все невредимым „в самый Верный, на самый двор, где будим спать-жить“. По-русски говорил он хреновато: мы не все и не всегда у него разби-

рали, тем паче, что осовелые, рыбы глаза его всегда смотрели на вас одинаково пристально и пронзительно.

„Я никакой баянс партии не терплю“—доклаживал он иной раз—и это следовало понимать, что „лишних“ людей в партии, бездельников, балласт—он ненавидит,—в партии не потерпит.

Кроме сих двух с обозами ехал Медведич—мой близкий друг и вестовой на всем протяжении гражданской войны. Еще в 19-ом году, после ранения, он попал вестовым в Уральских степях. И с тех пор кружил: в Самару, в Ташкент, в Семирежье, на Кубань... Там и в партию вступил. Застрял. Пропал из виду. У всех нас в памяти остался, как лучший и верный товарищ в самые трудные, опасные моменты: он в дальнейшем пережил с нами все тревоги за дни мятежа.

За беседой, за спорами не заметили, как убежали полустанки назад, как ближе, все ближе подвигались мы к конечной станции—к Бурной. Уже далеко позади оставлены и фруктовые ташкентские сады, и жаркое солнце, и голубое прозрачное небо, и сартовские разноцветные халаты. Распутица в этих краях—такое время, когда запасаешься и жестким брезентом на слякоть, на дождь, и овчинным тулупом—на случай горных буранов и утренних холодов.

Вон—далеко-далеко, за открытой пустынной равниной, сверкают ослепительно в солнечном блеске свежие хребты Тянь-Шанских гор. До них так близко и так далеко. А впереди, по пути—будут еще и вязкие глинистые топи, и буйно-прорвавшиеся горные реки, обитые мосты, величавые скалы, и на горных высотах еще не раз скуют нас прощальные морозы, закружат последними буранами бешеные ветры гор. Всего будет: об этом пророчат местные знатоки.

Чем дальше от Ташкента, тем выше уходит дорога и ближе, все ближе к полотну подступают высокие гордые скалы.

В равнинах снег почти сошел, он остался только на предгорьях и выше—в горах.

Коротко, редко пробивается солнце сквозь повисшие темнотные тучи и густые туманы, прикипшие к горам. Пасмурно. Холодно. Тихо. Растительности никакой. Только возле киргизских поселков и раскиданных здесь и там урюмых, серых юрт—одинокое, спротивно чернеют чахлые, незнакомые деревца. Узбека здесь не встретишь—иются только киргизы. В этих горных просторах, по склонам—киргизы пагут свои стада. Возле станций припили наезжие, главным образом, русские поселенцы—их особенно много в придорожных городках.

И здесь до Бурной, пользуясь долгими стоянками, кой-где слезаем, ознакомливаться с постановкой дела—в Совете, в партийном комитете, в военном комиссариате. Обнажаются печальные и любопытные картины.

По Советам, куда ни глянь—затесались совсем чужие дрянные людишки: кулачки, кулаки, кудашицы, бай—тузы туземные, всех сортов торговцы и спекулянты. И вся эта случайная шпана творит под флагом Советской власти самые смердомержкие дела. Больше того—многие из них проникли в партийные комитеты и уж под именем „коммунистов“—творят свою собственную, из ряда вон оригинальную „политику“. На одной небольшой станции лишь нам, например, сообщили, что товарищем председателя в партийном комитете состоит отъявленный спекулянт, владеец целого ряда всевозможных лавченков. Он недавно открыл еще одну лавченку, со специальной, „высоко-благородной целью“. Эту лавченку он предназначил для сына и, когда ему передавал, то строго на-строго выговаривал:

— Это тебе, Алешка, теперь не то, што старая капитализма какая... Теперь у нас советский строй и каждый должен в ем работать. А ты, шалопай, чего баклуши бьешь... Кто не работает—тот не ест у нас, вот што... Все должны трудиться... И ты не болтайся впустую, сам зашибай денгу...

Это не шутка—факт самый доподлинный. И рассказывал нам его железнодорожный рабочий—по всем данным серьезный, отличный парень, не врунишка, не пустомеля. В этой достославной партийной организации насчитывалось членов свыше 300 человек. И это в местечке, где всего-на-всего три с половиной—четыре тысячи населения. Как будто радоваться бы надо, что такой завидный процент, что партия здесь такой успех поимела. Но скоро нам открылся этот „секрет“. Дело обстоит до смешного просто: как-то пронесся чарующий слух, будто „всех коммунистов мануфактурой делить станут“—и жители поперли в партию целыми ватагами... Мы слушали—ушам своим не верили. Потом справились, что за состав,—оказалось рабочих всего человек 50, а остальные—так себе „жители“. Эти „господа так себе“ в те дни по глухим районам Туркестана отнюдь не составляли редкостного исключения—ими обильно восполнялись партийные организации. Не даром же в те дни распускались по Туркестану даже областные партийные организации, а сколько пораспущено было мелких—о том одному ЦК Туркестанскому известно. На этом примере мы сразу хватили горького яда туркестанской действительности. И первоначально даже опешили, струхнули перед такими ужасами. Но когда остались одни и стали обдумывать, что увидели, услышали, узнали—только острее почувствовали весь размах и всю серьезность работы, что предстояла нам впереди.

Советы и партийные организации забиты всякой швалью—распуждали мы.—Слой рабочих толщ, а, может, и недостаточно, к тому же, сознательн... Трудовое масуллиманство—опора Советской власти, ее основной, коренной здесь фундамент—эта масса все еще темна и в плену у своего духовенства, у своих богачей, манапов и баев... Пока эта масса не раскачается, пока в ее мрачную толщу не проникнут лучи просвещения—до тех пор не выполнена будет главная, основная задача по укреплению здесь Советской власти. Вот как стоит вопрос. Задача чрезмерно трудна. Так бодро за дело. Будем верить в успех...

Мы, примерно, в этих тонах с такими выводами вели свою беседу. И уж не страшна, не трудна была предстоящая работа, хотя понимали мы, что это приподнят был лишь краешек завесы, что если настекь распахнуть—обнажатся раны еще более глубокие и гнойные, которые лечить надо ой как долго, ой как настойчиво.

И все же, почувствовав мысленно верный путь, поняв, что только в туземном кишлаке сплетаются все нити и сходятся все пути—мы почувствовали себя увереннее и быстро превозмогли свою мимолетную растерянность. Уже здесь, в пути, зародились у нас мысли создать в Верном для „нашего брата“ курсы туземного языка: эту мысль по приезде быстро и осуществили. Здесь же обменивались мыслями и о том, что для туземцев надо создать летучие, начальные курсы—эту мысль тоже не забросили, когда по приезде взялись за дело. Но об этом потом, в своем месте, а теперь воротимся на Бурную.

Наши представления о распутице оказались преувеличенными. Лучше сказать—опоздали мы со своими опасениями: главная распутица уж две недели миновала, остались только кое-где припир-

тавшиеся уцелевшие снежные горки, притихающие, но все еще буйные ручьи, выброшенные на берег мосты... Это хвосты распутицы. Только по горам еще царствует зима, только там до сих пор и стужа, и снега, и бураны.

От Бурной, без передышки, нас должны вести 60—70 верст до небольшого городка Аулие-Ата. Но лошадей раздобыть здесь чрезвычайно трудно. Несмотря на наши „особенности“ и „чрезвычайности“, несмотря на грозные наши жестикляции мандатами, несмотря даже на вдохновенную, классическую брань станционного коменданта (не то сочувствовавшего нам, не то, торопившегося сбыть нас поживее)—несмотря на это все, председатель Совета той деревушки, откуда следовало взять лошадей—невозмутимо докладывал:

— Нет лошадей...

— Так, как же мы поедем?—грозило наступали мы на спокойного мужичонку.

— А мне што.

— Как што—нам ехать надо: немедленно, срочно, по особым делам,—понял?

— Понял.

— Ну, так что же.

— Ничего...

И мы снова начинали принимать его то мольбами, то угрозами, но мужичек, зная, „видывал виды“, и на мякине его не поведешь: невозмутим, как истукан.

— Не сам запрагусь,—повезу: ишь, какие нашлись!

С тем и уехали. Лошадей не получили.

Скакать пришлось в другую деревушку, верст за 8. И только на утро оттуда пригнали две „обывательские“ подводы. Горой нагромоздил мы разное барахло (мужичок совсем не умел его увязать)—забрались на самую макушку—тронулись. Крепко потряхивало—то и дело ждали, что полетим кувырком. Было всем почему-то весело. Мы перекакивались с воза на воз, острили, забавлялись, как малые ребята. Клим Климыч—так звали моего возницу—оказался очень разговорчивым, толковым, умным мужиком.

— Из новоселов мы будем—пояснял он тихим, задумчивым говорком. Новосел тут статья особенная...

— А что это за новосел,—спрашиваю его.

— Мы этак прозываемся, видишь ли—так что недавно здесь совсем—ну, шесть или восемь годов... До тех пор в Харьковской губернии проживали. Тесно стало—мы и давай сюда. Помощь дали нам на поездку, правительство способствовало. И здесь помощь была—земля, постройка... Так все вот мужики, что наехали сюда, не больше годов 10—все они новоселами и зовутся, а те, которые годов 40, или 60 живут—старожилы они. Старожил—мужик богатый, у него одной скотины не весть что. Хозяйство какое. Стройка, сад, огород—ну, да што говорить—одним словом, купец-мужик.

— А вы?—спрашиваю Климыча.

— То-ись новоселы, што ль.

— Да, вы-то как живете?

— А мы вот то-то и дело, што—„как живем“. Плохо живем, одним словом. Годов-то десяток пройдет—и мы окрепчаем, а пока што—никуда не годится. Нету у нас ничего, окромя земли. Да и земля—какая она: не везде одна... Сунься вон на Какж-гору, как она тебя камешком-то шелкнет...

— А вот рассказывают, Климыч, — обошлись я к нему, — будто киргизы, так эти и вовсе нищими живут. У них и того нет, что у нас, новоселов.

Мне любопытно было послушать, что он скажет на этот наивный вопрос. Климыч ответил не сразу. Полминутки помолчал. Потом осанисто расправил бороду-лопату, потрогал себя за нос, сплюнул и глядя перед собою в пустую равнину, словно только для нее выжмая слова, медленно выговорил:

— Все лень одна...

— Как лень, — изумился я.

— А то, што: лень... И начисто лень, больше нет никаких причин. Ты сам посуди, господин хороший...

— Не господин — товарищ, — поправил я.

— Ну, товарищ, все одно — согласился он невозмутимо. Я, к примеру — вот она, весна, подошла — што я делаю? Не все же вашего брата — комиссару разную катаю, — язвнул он, — бывает, что и работать возьмусь. А уж как возьмусь работать — лови меня по полю с утра до ночи. Пахота миновала, яровые приготовил — там колесом закружило: травы подошли, сенокосы, жнитво, а под осень — опять ее матушку ковырай, загодя думай, што надо... Так весь мокрый от пота и ходишь все месяцы. А он што, киргиз: сел на кобылку, свиенул, да и был таков, лезет тебе по горе, мурлачет, скотинку пасет... Скотину пасти — што не пасти, а ты вот с землей повозись, тогда узнаешь кузькину мать.

Я дал ему, Климычу, выговориться до конца и стал объяснять, почему киргизы занимаются, главным образом, скотоводством, какое это длительное и трудное дело — от скотоводства и непрерывных кочевий — осесть на землю, взяться совсем за иное, за непривычное дело. Сказал Климычу, что и Советская власть заботится о том, чтобы кочующих киргиз превратить в оседлых...

— Да, превратишь его, — ухмыльнулся Климыч, — ему на што любо по горам-то шататься, это тебе не землю пахать.

— У них же и земли нет по-настоящему пахотной, — говорю я Климычу, — нет навыка к работе, ни плуга, ни бороны, ни серпа — ничего нет...

— А кто ему велит... Пробовали, давали. И борону давали, и серп... Повертит-повертит в руках, даже и работать, пожалуй, возьмется сгоряча, а потом плюнет, марш на кобылку — только его и видели. Поэтому крестьянин здесь и дружбу с киргизом не ведет... В этом самая сила.

— Значит, дружбы нет? — задаю ему вопрос.

— Оно не то штобы нет, а и не то штобы есть — разводит Климыч мудрейшую непонятную философию. — Где как водится — то-ись на счет этой дружбы. Старожилы их самих уж больно не любят: собаки, говорят, какие-то блудущие, да и только... Ну, старожил — ясное дело — не любит отчего: богат не в меру. Где ему киргиза наговя за человека, да еще за равного себе сосчитать. Он, поли, и нашим братом гнушается — новоселом. А новосел — зато не уважает киргиза, что к труду он не способен. Единственно. А что впрочем, тут ладно идет... Одно слово: ладно...

Я долго пытался внушить Климычу мысль, что исторические периоды в жизни целых народов чередуются в известном порядке с железной неутомимой последовательностью; что каждый киргиз в отдельности ни прав, ни виноват в том, что он кочевник, что он до сих пор не осел на землю, что не занимается пока земледелием и т. д.

и т. д. Я все хотел ему доказать одно: что какого-то особенного, приращенного, национального порока во всем этом нет и быть не может, что все эти особенности были бы свойственны и любому другому народу, если бы только он оказался в совершенно таких же условиях, как киргизы. Климыч слушал внимательно. Даже перестал окончательно высказываться сам и усиленно, сосредоточенно пытался ухватить какую-то одну, самую коренную, самую главную из высказанных мною мыслей.

— Коли он не причем, так я, значит, тоже не причем Я, значит, что бы ему ни делал, что бы ни говорил — так оно тому и быть. Так, што ли?

Он простыми, неуклюжими словами подходил к глубочайшему вопросу материалистического учения: свободен человек в своих поступках или нет. Сам по себе он поступает тем-ным образом или обстоятельства, условия — предшествующие и настоящие — заставляют его поступать именно так, а не иначе.

Это был воистину пренеприятнейший разговор. Я не помню его в подробностях, но знаю, что вместе с Климычем мы оглядывались на жизнь киргизов до наезда сюда крестьян, потом припомнили — что заставило крестьян кинуться саранчей именно в Семиречье (обычные — нетронутые, богатые земли; выгодные условия, предложенные царским правительством; дешевая жизнь; легкая возможность забрать в кабалу темное киргизское население края и т. д.), вспомнили, как себя крестьяне вели по приезде, как измывались над туземцами и как, по праву, заслужили со стороны киргиз глубочайшую и искреннейшую ненависть. Когда мы все эти факты перебрали по пальцам, когда подвели все итоги:

— Ну, что — говорю — Клим Климыч, как по-твоему, рассуди своей умной головой, могли после всего этого какнибудь по-иному сложиться у крестьян отношения с киргизами или с крестьянами у киргиз, — по моему, нет...

— И по моему нет, — сознался откровенно Климыч, — а все-таки он, киргизик, лодырь.

После такого неожиданного заключения я даже рассмеялся, — это чуть-чуть обидело Климыча.

— Вам, комиссаре, известно — смешно, а нам тут туго вместе-то жить...

И разговор повернулся на иные темы. Я видел, что на счет „комиссаре“ надо ему кой-что сообщить поподробнее, указать, кто они и откуда берутся, разъяснить, что это совсем особенные „комиссары“, которые записываются в партию лишь для получения мануфактуры и что таких мы из партии выгоним.

Основное состояние Климыча при разговоре со мною — было состояние недоверия. И все же в конце, в итоге любой темы я видел, что если он не поверил моим словам, так уж во всяком случае усумнился в своих: а это уже не малое дело — поколебать человека в его привычных мертвенно-окостенелых взглядах. Надо сказать, что какого либо систематического разговора вовсе у нас не было, с темы на тему мы скакали с быстротою молниеносной, к одной и той же теме возвращались по несколько раз.

— Вот за Каюк придем — сухо будет, — сообщил деловито Климыч и, переждав, добавил: — все пузо утрясло...

— А где этот Каюк?

— Где Каюк. Да вот он самый тут и есть, по ем стали ехать... Вить, гора...

Климьч насчет горы загнул рановато: подъем начинался только версты через три, а Кяюк в эту сторону, к Бурной, издали был как-то даже и не особенно приметен. Мое отношение к Кяюку, видимо, не повредило Климьчу:

— Ты сам то откуда будешь,—спросил он совершенно неожиданно

— Из-под Москвы, а что?

— У вас там, поди, и вовсе гор нет никаких, что у нас по Харьковской.

— Какие горы...

— То-то вижу: человеку всегда привыкнуть надо, чтобы сразу понимать, аш видеть...

Мы за разговором дотряслись до подножья Кяюка и стали круто подниматься в гору. И трудно, и любо. Мы уж соскочили давно со своих опасных вышек и перекакивали с камня на камень. Когда миновали подъем, открылось широкое, ровное пространство, по которому выпирали всюду огромные каменные глыбы. Эти глыбы местами на 20—30 шагов представляли ровную, гладкую площадку, а то вдруг выскакивали каменными тумбочками, одна за другой — подобно тому, как торчат памятники на татарском кладбище. На Кяюке — просторно, вольно, легко. Здесь и помину нет о той непролазной глинистой грязи, по которой все время хлюпали мы от самой Бурной. Здесь совершенно сухо, местами даже пыльно. Дорога кружит и мечется из стороны в сторону, приравливаясь к местности, обходя неудобные скалистые места, выбиваясь на ровные плоскогорья. А когда начали спускаться и круто повертывали за скалы, вырываясь из тесных стен — одна за другой, одна другой прекрасней, развертывались картины широких долин, бескрайней дороги. За Кяюком, под горою сразу поражает какая-то особенная тишина. Здесь и самый воздух как будто легче, светлее, здесь и дышать свободнее, чем по ту сторону, здесь и дорога совсем иная: широкая, ровная, укатанная, без малейших рывков, без ухабов, по которым так намаялись-натрапались перед горой.

Скоро мы попали к развалинам древнего Караван Сарая. Здесь по преданию когда-то был богатый и гостеприимный перепутный пункт, в котором любили останавливаться проезжие: и сами могли отдохнуть, и коней, взмыленных перегонами, подкормить, платили за все грошами, а то и в долг питались у знакомого, гостеприимного чимбая. Все шло хорошо, как вдруг чимбай хозяин Караван Сарая куда-то бесследно пропал. Говорили, что он уехал к себе на родину, в один из горных кишлаков, в Тяньшаньских ущельях. Стали содержать Караван-Сарай его двоюродные братья. И вот в глухую осеннюю ночь на Кяюке какие-то молодцы наскочили на ехавший обоз... Была свалка — с ножами, с криками о помощи, со смертельными хрипами и стоном умирающих.

Слышали это в Караван-Сарае. Но никто не отважился в такую глухую пору побежать на помощь. И до утра не знали ничего: в тепе провели остаток ночи, а с зарею, когда пошли дознаваться, что было на горе, — увидели там пять трупов, зарезанных и задушенных, а повозки были разграблены и все было растащено или разбито. Лошадей тоже не было — их выпрягли и угнали. И с той самой ночи прошла про Кяюк дурная молва. Недаром пошла она то проезжего, то прохожего задушат, обернут до нитки, угонят лошадь, пустят в чем мать родила.

И стали доглядывать за братьями, которые поселились в чимбавском Караван-Сарае. Брало сомнение, что не без их помощи проходят на Кяюке все эти черные дела. И дознались — розыскали как-то три

прохожие солдата армяки и тузунцы, снятые с убитых на Кяюке проезжих сельчан. Когда не было дальше никаких сомнений, а народу с керосином, облиты с разных сторон преступное гнездо и зажгли. В пылающее пламя забросили обоих связанных братьев и спалили их вместе со всем добром. С тех пор на месте Караван-Сарая торчит сиротливо и угрюмо только груда камней, да разрушенная печь.

Климьч быстро выпряг лошадей, задал им корму, а сам начал возиться с возами: подправлял, подтягивал, засматривал с разных сторон, зубами раскручивал тугие узлы и опять упаковывал, перевязывал заново, ухватив веревку и крепко упираясь коленком, словно засупонивал хомут. Он все время, пока стоял, хлопотал с возами, даже не присел и тогда, когда дела возле них уже не было явно никакого. А мы вчетвером (кроме Лидочки и Нап, ехал с нами еще один случайный товарищ, фамилию его не помню, а звали мы его почему-то „кум“), как водится, расположились сейчас же с хлебом, с яйцами. Не удивляйтесь в 20-м году хлеба и яйцам — Семиречье и в те годы голода не знало: хлеб и яйца там были совсем не в диковинку. А тут уж близко и к сытым местам. От Караван-Сарая поехали быстрее по гладкой ровной дороге. Скоро были в Головачевке. А за Головачевкой — и в Аулие-Ата. Головачевские мужики, надо сказать, приняли нас совсем нелюбезно и негостеприимно; в два-три дома толкнулись за молоком — не дали наотрез, а когда хитрая, лукавая бабешка из богатого высокого дома согласилась дать — то заомила настолько невероятную цену, что мы только отблагодарили ее уж совершенно „невежливо“ — и с проклятиями поехали дальше.

Не забыть переправы через реку. Буйные весенние волны, разгравшиеся от горных тающих снегов, неслись настолько шумно и быстро, что страшно было к ним приступить с берега. Реченка неглубокая, дно у ней каменистое и в обычное время, верно, куры вброд ее переходят без смущенья. Но теперь она раскатилась на двадцать сажен шириной и так отчаянно бесилась, как помню, бесится только Аракс под Джульфой на персидской границе, или Кистивка — горная река близ Дарьяльского ущелья.

— Не объехать ли, — смущенно спрашивали мы Климьча, с тревогой поглядывая на бешеную скачку волн.

— Некуда, здесь надо будет, — ответил спокойно Климьч и видно для того, чтобы убедить еще больше нас в этой необходимости — рассказал, как тут два дня назад, при переправе, у мужика с воза сорвало и унесло бочку с маслом и телегу всю вдребезги разбило, а сам он уцелел лишь потому, что цепко ухватился за гриву своего надежного пегого мерина.

Становилось и в самом деле не по себе. Попасть в эту кутерьму ой-ой как неохота. Но выхода нет — ехать все-таки надо.

— Кричать надо шибче, — поучал нас Климьч, — лошади чтобы посередке не стали.

— Ну, думаем, уж на этот счет, Климьч, не сомневайся, так нашумим, что всем чертям тошно станет.

Медленно, осторожно ступали лошади по крутому, каменистому ложу реки. И чем дальше отходили от берега, тем заметнее тужились и напрягались, отворачивая в сторону от волн свои разгоряченные и напуганные корпусом инстинктивно повертываясь навстречу холодным мордам и всем корпусом инстинктивно повертываясь навстречу холодным мордам, подставляя им широкие, мускулистые груди. Понуканьям накатам, подставляя им безумный, почти звериный вой — едва ли и оклики Климьча и наш безумный, почти звериный вой — едва ли оказывали на замученных коней какое-либо существенное воздействие.

дела Караван-Сарая, — теперь они рванули в сторону и понесли. Все произошло в несколько секунд. Мы похватали оружие, но кони промчались вперед и стрелять не было нужды. Только все еще чудилось, будто сзади, по пятам — мчатся не три, а целая стая мохнатых, мускулистых хищников и сверкают жадными, умными глазами.

Увидели, зная, что силы неравные: и не подумали кинуться, во и не скрылись, остались недвижимо в степи.

Остатки — несколько верст — мы домчали живой рукой. Вот он и Ак-Чулак.

Эти почтовые станции по Верненскому тракту — все на один манер: низкий каменный домик, выбеленный известкой; через тесовые ворота — широкий двор; там десятка полтора-два заморенных лошадей; по двору и в стойлах обычно грязно, вонюче, мерзко. Самый домик разбивается на четыре комнаты: две для посетителей, а две для начальника станции, причем живет он по существу лишь в одной, т. е. вторая собою представляет „рабочий кабинет“: здесь он принимает, отмечает приезжих, дает им бумажки, получает с них другие, проверяет документы, заставляет расписываться, — словом, проделывает всю свою немудрую процедуру управления станцией.

Вся разница между одной и другой станциями разве лишь в том, что один начальник ответит свои „покои“ налево от крыльца, а другой — направо. В остальном же одинаково. В помещении пусто, холодно, неприятно. По стене прижидся старый, грязный, весь изодраный диван на трех ножках, — под четвертую подложен кирпич, на нем досечка, и все это закутано тряпичей. Стены совершенно голы, — когда-то на них, верно, висели императорские портреты: до сих пор остались темные четырехугольные плешины и дырки из под выхваченных гвоздей. Потолки совершенно черны от разных ночничков, коптилок и подобной прелести. Мыть их, видимо, никогда не удосуживаются; я, ради смеха, устроил баррикаду из стола и стульев, достал так до потолка и, коснувшись пальцем, почувствовал, как он увязает — словно в болоте — в густом скользком слое всякой слизи и мерзости. По углам раскинуты настолько обширные паучьи сети, что, думается, не только мухе, и человеку будет из них выбраться не легко. Во всяком случае, мы к углам подходить остерегались: огромные черные пауки выглядывали оттуда зловеще и угрожающе; брала невольно жуть. В разбитые, вывороченные рамы без стекол, были воткнуты опять-таки скорбные грязноватые досечки и болтались остатки брошенного киргизами-возницами отщепля. Сквозь зияющие дыры и ночью и днем приятно освежал свободно-гуляющий ветер. Находиться в таком обстановка было, как видно, малое наслаждение.

Особенно тяжелое положение было у возчиков-киргиз: эти возчики со своими семьями обычно селились тут же, около станции, часто во дворе, тотчас за воротами укрепляя свою юрту. Набита она была битком черно-мазыми, нагими, голодными ребятишками; из одежды и обуви, видимо, имелось лишь то хламье, что болталось на ногах и на бронзовом полуобнаженном теле.

Женщины чаще всего прислуживали на станции приезжающим, кормили, поили лошадей, ковырялись по двору, а возницы-киргизы, не зная отдыха, то и дело збирались на облучок: то с почтой, то с пассажирами, то в одну сторону, то в другую. Они настолько были замучены и настолько привыкли эту замученность считать за обычное, положенное им, видимо, состояние, что даже не роптали, не протестовали, не веря в то, что когда-то и кто-то сможет облегчить им эту дьявольскую нищету. Киргиз-возница даже днем, то и дело, засы-

пает на облучке, — настолько он утомлен постоянным недосыпанием, истощен постоянной голодухой.

Когда задается несколько часов свободных — киргиз-возница так и засыпает в чем ходит и ездит весь день: это, во-первых, делается от усталости, да и жаль было бы на раздевание и одевание тратить лишние минуты, а, во-вторых, в стужу голяком спать холодно, а под отщепом, называемым одеждой, у возницы обычно нет никакого белья теплее.

Нищета непередаваемая. Терпение изумительное, граничащее с омертвлением, полной бесчувственностью, примиренностью с самой ужасною, неслыханною нуждой.

Вот и вся обстановка, вот и все персонажи крошечной станции на Верненском тракте. Ак-Чулак, куда мы теперь приехали, похож был, верно, и на Уч-Булак, откуда мы уехали — как в все они вообще были похожи друг на друга.

Забравшись в угольную комнатку, мы побросали там свои вещи, живо наладили самовар и стали вокруг него отогреваться. В соседней комнатке, на столе, отрезали от огромной буханки хлеба несколько кусков, а остальное (фунтов может 12—13) оставили. Уже через пару минут буханки не было — ее смыла со стола чья-то ловкая рука.

Чему ж тут было особенно удивляться: голодуха брала свое, нашу буханку разом взял на мушку чей-то зоркий глаз. Это обстоятельство заставило нас поспешить с окон разбросанные вещи, а дверь на ночь чуть-чуть припереть: кой грех, вместе с вещами упруг и всякие наши бумаги, портфели, документы и дела.

Только расположились чаевничать — с противоположной стороны от Верного подкатила тройка. Приехали два киргиза — оба советские работники из Верненского исполкома. Уж не запомню, совсем ли они оттуда уезжали, или только в командировку ехали, во последствии в Верном я их ни разу не встречал. Одному было лет 20, другой совсем пожилой, лет 38—40, с узкими щечками умных черно-глянцевых глаз, с крутым четырехугольным лбом, шевелюрой смолых волос — быстрый, энергичный в движениях. Фамилия его была, кажется, Чурбеков. Он даже как будто учился в Харькове и совершенно легко владел русским языком. Он понравился мне с первого взгляда. В такой глуши, в такой своеобразной обстановке было бы странно, если бы мы не разговорились в первую же минуту; во вторую минуту они сидели с нами за общим столом, и Ная дружески то одному, то другому подавала стаканы горячей мутной жидкости, которую мы без улыбки осмеливались называть чаем. Вполне естественно, что их интересовало то, что делается теперь в Ташкенте, а еще больше — что в Москве? Нас занимал Верный. И каждой стороне поскорее хотелось услышать ответ на педую охапку вопросов, задаваемых обычно сразу, один за другим, и по характеру самых разнообразных.

— Что Польша? Что Врангель? Как в Донбассе? Верно ли, что в Москве открыли новый заговор? Почему там хлеб? Где Дутов и Шербаков? Что за население в Верном? Каков там исполком и партийный комитет? Кто читает лекции, почему масло и яйца, давно ли было последнее землетрясение, каково состояние Красной армии?..

На всю эту уйму вопросов мы отвечали друг другу кое-как, второпях и не заметили того, как оставшаяся наша компания слегка на-чала подремывать... Мы с Чурбековым перебрались на ту самую комнату, которую здесь называли диваном, приятельски закурили и, почувствовав один в другом нужного собеседника, затеяли долгий-долгий разговор. Он, этот разговор, совсем затухал теперь в моей памяти;

я запомнил лишь одно: рассказ Чурбекова о резне Семипалатинской в 1916 году.

— Чтобы эту резню понять — начал он — надо начинать не с 1916 года. Царское правительство всей своей политикой способствовало тому, чтобы такие кровопускания были неизбежны. В самом деле, оно сюда, в глухое Семиречье, через свои переселенческие управления нагнало массу кулацкую массу. А разве мы его можем за превратилось? В сплошную кулацкую массу. А разве мы его можем за превратить? Да опять же нет: здесь как раз бытие определило сознание. Только подумайте: колонизатору-переселенцу дается земля, дается пособие на постановку хозяйства, дается полная возможность размахнуться на большое частное хозяйство. Ну, он и размахивается. Он нутится на большое частное хозяйство, помещиком. То же самое и с казаками — становится настоящим богачом, помещиком. То же самое и с казачеством. С другой стороны — гонимое, презираемое туземное население. Ему не только помощь — его, за годом год, все глубже оттирают в ущелья, все выше загоняют в горы, окончательно отбивают от воды, от хорошей земли. Здесь киргизы, ведь, все больше занимались скотоводством, — впрочем, и до сих пор они занимаются тем же, да только... э-эх.

И Чурбеков махнул рукой.

— Плохо? — спрашиваю его.

— Надо бы хуже, да нельзя: процентов, думаю, 20—30 осталось всего, не больше... Киргиз остался теперь совсем с голыми руками. А тогда, в годы заселения Семиречья — стада были крупные, земли было много, нужды здесь не знали. Надо к слову сказать, что тут по области живут еще таранчи и дунгане, во этих немного: вахуг, ремеслом чуть-чуть промышляют, извозничают... Эти тоже, сердяги, хватили горя не мало. В общем можно сказать, что на всю область, т. е. на 1 1/2 миллиона населения — киргиз приходится 75%, так сказать, три четверти... А что они собою значили? Нуль. Круглый нуль и больше ничего. Ждали их, как только вздумается: тут тебе и кулачество, и чиновники городские, и своя же туземная шпана из баяв, заявившая какой-нибудь пост по волости или уезду; потом обирают какие-нибудь торговцы, грабят, ошаривают скотопромышленники — где силой, где обманом — ну, и естественное дело, что довели несчастную миллионную массу до белого каления.

Царские пристава и волостная администрация считали киргиза, примерно, за собаку: высечь его, отодрать, избить, даже прикончить — было делом самым заурядным, а главное — безответственным. Кто тут будет жаловаться? Кому? На кого? Были кругом назначены всякие границы: здесь киргизу можно, здесь — нельзя, здесь его порют, здесь колотят, а здесь и расстреливают. Несчастное население заматалось в агонию, не знало, как ему выразить свой протест, как попытаться сбросить это тяжкое ярмо. И вот подошел 1916 год. До той поры кочевников-киргиз никогда не мобилизовали в армию, а тут вдруг посыпался приказ за приказом — понадобились сотни тысяч на пушечное мясо. Не выдержали киргизы — поднялись, заявили свой протест, свое нежелание идти в царскую армию. Эта грозная волна недовольства захлестнула все Семиречье, промчалась по горам, подняла киргиз на открытый бой. Царское правительство с молниеносной быстротой помчалось карательные отряды, помчалось транспорты оружия, которым снабдили кулаков... И пошла резня. Открылась неравная, кровавая битва: с одной стороны — вооруженные отряды и освиравшиеся кулаки, с другой стороны — почти безоружное туземное население, которому отчаяние и круглая безвыходность придали силу, отвагу и стойкость изумительную. Там, где врасплох заставали крестьян или задремавший отряд —

киргизы расправлялись жестоко со своими угнетателями, но, разумеется, долго выдержать они не могли, были разбиты и здесь, и там, были теснимы все дальше, все дальше от своих кишлаков — и скоро очумевшая от ужаса 50-тысячная масса рванулась через границу и ушла в Китай...

А здесь, на месте, творились ужасы: на смерть засекали нагайками детей на глазах у матери; малюткам, ухваченным за крошечные ножки, мозжили голову о деревянный столб и мозгами обрызгивали стоящих вокруг, хохочущих палачей; пленников строили шеренгой — и одному за другим срубали головы, протыкали шашками, выпускали кишки, пропарывая живот. Насилием над женщинами и девушками, конечно, не было счету. В огне пожаров похоронены целые кишлаки... Несчастное население считало себя заживо погребенным. Это были годы таких невыразимых ужасов, которые словами трудно передать, которые нельзя забыть, которые должны себе найти какую-то историческую искупительную жертву...

Чурбеков замолчал, провел рукой по волосам и остановился на мне своим умным, печальным взором.

— Вот оно, говорю, и пришло теперь историческое возмездие: революция... Она дорога трудовому бедняку-киргизу и ненавистна кулаку...

— Да, мы так же думаем и говорим, только вот...

Он словно поперхнулся на слове — встал. Я не хотел прерывать у него течение мысли, молчал, ожидая, когда продолжит:

— Тьма-то... Невежество — вот что страшно. Кабы не это — разве до сих пор оставались бы они в такой кабале и в такой нищете. Э-эх, да никогда!

— Рассказается в свое время, — сказал я ему, и от этой общей фразы стало как-то неловко.

— Я тоже знаю, что рассказается, — отвечал он, как бы не заметив ежечемности этой фразы. — Только время надо большое. А знаете, — оживился он вдруг — ведь эти 50 тысяч киргиз, что убежали тогда в смертельном ужасе в Китай — они возвращаются. Турция *) выпустила соответствующее воззвание, зовет их вернуться, обещает дать им всяческую помощь — даже комиссию специальную назначил во главе, кажется, с Джинзакановым... Эта комиссия едет сюда, если только уже не приехала... Ох, дела большие — и трудные дела, ай-ай, как трудные.

— Что именно?

— Как же: ведь, они там, беженцы-то, эти четыре года провели в ужасающей нищете, много вымерло из них голодной смертью; какой был скерб — все это прожито, или разбито, куда непригодно. Они идут сюда — измученные, изголодавшиеся, нищие в буквальном смысле слова. И что же находят? Или черные пепелища сожженных кишлаков, или постройки и земли, давным-давно занятые кулаками. Попробуйте теперь этого кулака выбить с ухваченной им земли. Это — новая война. Это — новое восстание, только уж кулацкое, на защиту отнятой у киргиз земли, на защиту своих привилегий, своего богатства... Вот положение. Комиссия Турция, говорят, имеет огромные права. Так оно и должно быть. Иначе, за такую работу и братья не следует... Но чувствует мое сердце, что даром это не пройдет: такие вопросы спокойно не разрешаются...

Мне еще мало понятны были тогда опасения Чурбекова. Я понял и оценил их только впоследствии, а теперь больше слушал и попросил.

*) Турция — сокращенное: Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет.

сту—верилему на слово: его простая, бесхитростная речь убеждала удивительным образом.

Наш чуточный светильник уж давно догорел. В комнате стояла черная тьма. Наговорившись вволю—пожали друг другу руки, и я ушел в соседнюю комнату, где на полу, вповалку, спали мои товарищи. Чурбеков остался спать на диване.

Они уехали ни свет, ни заря. Когда мы поднялись часов в пять—Чурбекова с товарищем уже не было.

Следующую ночь переночевали в Луговом, у кривого почтаря. Жена этого почтаря—взбалмошная, франтоватая бабенка, все допыты-валась, нет ли у нас пудры, краски, крему, духов, губной помады, румян, белил... И когда узнала, что мы едем по совершенно иному делу—была несколько огорчена. Бабенка сама командует на станции за своего кривого витязя, а он предпочитает, видимо, гнать самогон и сбывать его наискорейшим образом. Такие сведения дал нам про него другой почтарь, со станции Подгорной: лихой старик, смахивающий на царского пристава, бывший ротмистр и шведский подданный, по фамилии фон-Шель. Старик впал в детство, бредит героическими походами, в которых никогда не участвовал, но на которые считает себя безусловно способным и готовым ежеминутно; ротмистр невероятно врет, как старая дева—играет глазами и молодится, но забнет на солнце и дрожит, как котенок: стар.

Третий почтарь, на станции Акер-Тюбз—опять—таки глубокий старик, бывший крупный торгош и несомненно—бессовестный эксплуататор. Теперь он представляет собою дряхлую, жалкую руину, которая готова рухнуть от малейшего прикосновения. Старик сух, строг и сердит. Говорить не любит: полная противоположность „героическому“ холостяку фон-Шель.

Одним словом, почтари—публика очень своеобразная, разнообразная и оригинальная. По части Советской власти у них самым левым взглядом был, примерно, такой:

— А черт с ними—пушай там становятся, кому что вздумается: нам-то што?

Так мыслили наиболее радикальные из них, остальные размышляли более просто и довольно прозрачно, нашего брата—„советчика“—не навидели. Так и давали понять—совсем недвусмысленно. Выходило это у них, конечно, среди обывательской болтовни; было ясно, что дальше слов они никуда не уйдут—ну, и черт с ними; пока пушай себе сидят—всему свое время.

Наконец, приехали мы и туда, где составляют „настоящие“ протоколы:

в Мерке.

(Продолжение в след. номере)

ИГОРЬ СЛАВНИН.

Валерию Брюсову.

Бессмертьем отмечает память
Тех, кто не может умереть:—
Твоих стихов поющий камень
И сердца пламенная медь.

Чуть жесткий взгляд. Тугие брови.
Единою мечтой пленен,
Ты кинул тлен средневековья,
Заслышав буйный плеск знамен.

Горел. Погас. Чего же прощье?
Нам всем одним путем идти:
Сегодня зеленеют рощи,
Чтоб завтра ржавью отвести.

А стих живет, а слово светит.
А песней празднуют весну—
За снежные хребты столетий
Тебе дано перешагнуть.

Звени векам поющий камень
И сердца пламенная медь,—
Бессмертьем отмечает память
Тех, кто не может умереть.

П. С. КОГАН.

Памяти Брюсова *)

I.

Товарищи! В своей книге „Мудрость и судьба“ Метерлинк говорит: „Моралисту, стремящемуся стать выше современности, необходимо отправляться от души счастливой или имеющей все данные для счастья. Мы живем на лоне великой несправедливости, но я думаю, что нет ни жестокости, ни равнодушия в том, что иногда мы будем говорить, забывая эту несправедливость, иначе нам никогда не вырваться из ее круга. Нужно, чтобы хотя немногие из нас позволили себе говорить, думать и действовать так, точно все, окружающие нас, счастливы“.

Так рассуждает один из аристократов духа, один из тех, кого мы называем избранными человечества, кому судьба подарила счастливый дар прекрасных и сложных переживаний, не существующих для несущих тяжелое бремя беспресветлого труда.

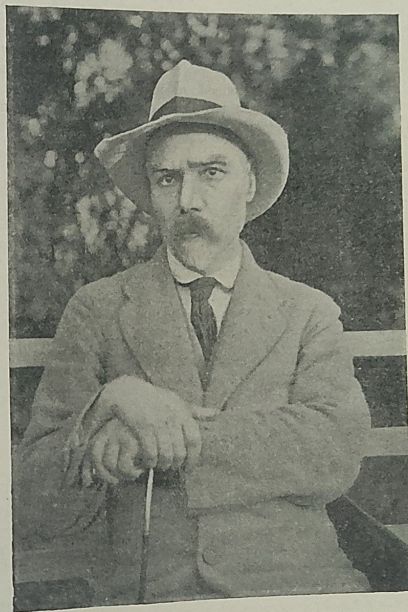
Что говорит Метерлинк? Он требует себе права „на лоне великой несправедливости“ думать и действовать так, точно все, окружающие нас, счастливы. И вы думаете, что он требует себе привилегий? Нет, его эгоистическое существование не заключает в себе „ни жестокости, ни равнодушия“, потому что оно нужно человечеству, потому что без этих привилегий счастливых и аристократов „милостью божией“ людям никогда не вырваться из круга этой великой несправедливости. Как же могут послужить эгоистические восторги немногих освобождению и счастью всех? Как случилось, что накануне величайших социальных потрясений, накануне небывалой в истории катастрофы, когда эти „все“ объявили войну избранникам, глубочайшие умы и чуткие сердца провозглашали эту эгоистическую философию?

Ведь, так рассуждал не один Метерлинк. Так думал и другой властитель дум предреволюционной эпохи, „король эстетов“, Оскар Уайльд, ненавидевший „филантропов и сентименталистов“, всегда ботающих человеку об его обязанностях друг к другу, Пшебышевский, громко спрашивавший, „какого чорта ради должен он служить обществу“, проклинавший демократию, это „царство лавочников, клеонов, кожевников и мужиков, которые ненавидят все прекрасное, все стоящее выше их“, и Кнут Гамсун, упивавшийся восторгами железных ночей, и Бальмонт, и Блок, и Ницше, и Ибсен, все те старшие и младшие современники и сверстники поэта, во имя которого мы собрались здесь сегодня.

*) Речь в торжественном заседании первого Московского государственного университета, посвященном памяти В. Я. Брюсова.

Они искренно верили, что путь спасения человечества—в их индивидуальных переживаниях, в культивировании рафинированных скающихся на почве, унавоженной человеческими муками, поливаемой потом и кровью миллионов. Этот путь спасения рисовался им в виде влекущего примера, в виде одинокой осложненной души, одно прикосновение к которой приобщит все остальное человечество к религии красоты. Не дело поэтов—черная работа. У них свои формы, свои пути

служения человечеству. В то время, как другие мучаются и погибают в борьбе за устроение общественного порядка, дело поэтов совершенно иное. Им—уходить в широко-шумные дубравы и вырабатывать в уединении духовные ценности из глубины своего аристократического духа, им незачем участвовать в этой борьбе. Они принесут накопленные сокровища умиротворенному человечеству тогда, когда закончатся все битвы, прекратятся все муки, когда освобожденные для гармонии и творческой радости люди смогут спокойно обратиться к тем, кто в века страданий изготавил рецепты для обогащения души, для изысканий высших наслаждений разума и сердца.

В. Я. Брюсов.

Так мыслили свою задачу современники Брюсова. Если их не огрaдить от злобы дня, если не выделить благородной привилегированной касты для выработки сокровищ духа, для специальной работы над усложнением и обогащением человеческой души, то,—спрашивает Метерлинк,—какую правду, какое счастье, любовь и красоту найдет все остальное, когда судьба откроет перед ними общественные сады земли обетованной? „Я думаю, вторит ему автор „Дориана Грея“,—что если бы кто-нибудь жил полной и совершенной жизнью, давая форму каждому своему чувству, выражение каждой своей мысли, действительность каждому сновидению,—я думаю, что мир получил бы

такой свежий импульс к радости, что мы забыли бы все недуги средневековья и вернулись бы к эллиническому идеалу, даже, может быть, к чему-нибудь более тонкому и пышному, чем идеал эллина. Таково назначение поэта, таков его долг перед человечеством, такова его форма служения людям. — Давать форму каждому своему чувству, выражение каждой своей мысли, действительность каждому своему споведанию, — и мир сам собою станет прекрасным и счастливым, и судьба сама приведет людей в землю обетованную.

II.

Принял ли Брюсов в те годы эту программу? Как поэт, он принял ее всю целиком, и если отличался чем-нибудь от других, то только тем, что изложил ее в чеканных, более металлических и более четких стихах, чем его сверстники. И он эгоистически верил, что ницшеанский эгоизм, что культ своей личности есть единственный путь к освобождению:

В моем самохвалении служенье богу есть,
Не знаю сам, какаля, и все ж я миру вест.

В это время обращал он к юноше те „Три завета“, которые позднее тщательно вычеркивал из собрания своих сочинений.

Первый прими: не живи настоящим.
Помни второй: никому не сочувствуй.
Сам же себя любовью беспрестанно.
Третий храни: поклоняйся искусству.
Только ему безраздельно, бесцельно.

Надменнее и величавее других поэтов говорил он об одиночестве своем, об отчуждении от мира, о неучастии в „скорбной драме нашего временного бытия“:

Есть великое счастье — познать, угадать;
Оному любоваться на грехи свои.
Безответно твердить откровенный слог.
И в пустыне следовать, как взоходит звезда.

Товарищи, в поэзии — история XIX века есть история великих отречений. Можно сказать, что преобладающий тип поэта истекшего столетия, это — „romantique déçu“ — романтик-растрита. Этот век великой социальной борьбы и научных завоеваний потряс спокойствие поэтов, кричал им о незаконности всякой мечты, о несостоятельности всяких, даже духовных, привилегий, о невозможности спасти мир, исходя из аристократического духа, без координации сил всего общества. Красный призрак коммунизма стал пугать старый мир еще до того, как о пришествии его провозгласили творцы научного социализма.

И кому же было почувствовать тревожно его приближение, как не поэтам! Ведь, на то они и пророки, а пророки, это — те, которые чувствуют рождение мира новых отношений в недрах старых тогда, когда об этом еще не знают остальные. И недаром Байрон, поэт, именем которого открывается история этого замечательного века, поэт, окинувший землю орлиным взором, не отыскавший в ней ничего значительного, поэт, страстно стремившийся к небу и проклинаявший это вечно молчаливое небо, кончил тем, что беззаветно отдался интересам земли и погрузился в борьбу этих „ничтожных“ интересов. Диккенс-романист стал публицистом, когда стоял английского пролета-

риата нельзя было больше не слышать. В Шатобриане всю жизнь боролись поэт и революционер, в Сеп-Симоне — мечтатель и эмпирик, из романтиков и самого жестокого мотыльщика романтической школы, не рассказав о душевной драме мыслящей личности XIX века. Сужаборцев, угрожавших, как ему казалось, изгнать соловьев, „беспочто проклял этот красивый мир, в котором „человека эксплуатировал человек“.

III.

Это были предтечи Брюсова. Но тогда, до нашей революции это были драмы, в наши дни это стало трагедией. И Гейне, и Байрон еще могли смотреть на войны и революции сквозь волшебную призму, окутывать их романтической дымкой. Октябрьская революция разбила последние иллюзии. Здесь требовался особый героизм, чтобы отказаться от своего аристократического первородства. И немногие аристократы духа могли решиться на это. Наша революция сказала, что черная работа есть действительно тяжелая, будничная, повседневная работа, а не игра в отречение. Брюсов был единственным, кто пошел на это. Его изумительный подвиг не в гражданском мужестве, не в том, что он принял на себя ненависть, неизбежно связанную в те времена с переходом в коммунизм. Величие его подвига в том, что он отрекся от привилегий поэта, что он, не желавший сойти с высоты, на которой он по праву занимал такое славное место, спустился вниз, где занял скромное место, и ни разу с тех пор не поднял голову кверху своего взора с тоской и раскаянием. Быть в числе первых на вершине или в числе второстепенных у подножья — таков был выбор, представивший Брюсову. Он принадлежал к парам среди поэтов, и к рядовым — среди деятелей Главпрофобра. И он отказался от короны в одном из самых светлых царств и взял винтовку, как простой солдат в той армии, которая выполняла самую тяжелую работу. Конечно, он был ниже в качестве сотрудника Наркомпроса, чем в качестве поэта.

Помню наши студенческие споры и наш литературный кружок, в котором принимали участие вместе с Брюсовым Бальмонт, Фриче, Курский, впоследствии один из редакторов „Золотого Руна“, Шулятиков и многие другие, — кружок, описанный покойным поэтом в его автобиографии. Как-то вечером после собрания мы возвращались домой и продолжали спор. Брюсов говорил об искусстве, противопоставлял всякой общественности и дисциплине „чистые звуки“, вдохновение и каприз поэта, как единственную ценность и единственную реальность. Я спросил его, что бы он стал делать, если бы ему пришлось быть преподавателем словесности. Его ответ был приблизительно таков: „я читал бы на уроках только стихи, все программы ничего не стоят, впрочем, я никогда и не стал бы заниматься программами“.

Прошло с тех пор четверть века. Я снова встретил Брюсова, на этот раз в Государственном Ученом Совете. Он держал в руках „программу“, обсуждал каждую деталь и поражал всех своим знанием не только программ, но и всех декретов Совнаркома и всех постановлений коллегии Наркомпроса.

Два полюса: Брюсов — титан поэзии и Брюсов — честный рядовой член Гус'а. Великан, добровольно ставший каменщиком. Когда-нибудь ученые исследователи расскажут о душевной драме, которой сопро-

вождался этот „перелом“, и пролетариат оценит этого человека из другого мира, сложившего к подножию пролетарского дела все сокровища своей души.

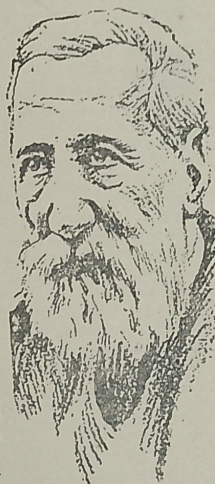
О чем же говорит нам эта безвременная прекрасная могила? Какие поучительные уроки должно извлечь молодое поколение из истории этой славной жизни? Учитесь у Брюсова-поэта, помните завет его юных лет о великом назначении поэта, но выше всего чтите его бессмертный подвиг „отречения“. Велик дар поэта, и немногим дано обнажить красоту своей души, но безмерно выше жертва поэта, сумевшего осуществить знаменитый завет Белинского: „Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи, что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности! Прочь же от меня, блаженство, если оно — достояние мне одному из тысяч!“ И он сказал: „не хочу один блаженствовать в земле обетованной, когда еще закрыты входы остальным в райские сады ее“. Завидна участь того, кто родился избранныком, но много завиднее — того, кто нашел в себе величие духа, чтобы отказаться от своих прав и разделить тяжелый труд с массами, когда этого потребовала история. Вот те заветы, которые будут звучать из этой могилы векам суровой борьбы, предшествующим грядущему счастью человечества. Окопы не цель, а средство, но как велик тот, взору которого была открыта цель, но он заставил себя полюбить окопы и слиться с ними. Среди благородных жизней, принесенных в жертву задачам пролетариата, жизнь Брюсова — драгоценнейшее из сокровищ. Среди друзей, пришедших служить рабочему классу из другого мира, он был прекраснейшим другом. Помните Брюсова-поэта, но выше всего чтите и учитесь у Брюсова-революционера.

П. С. КОГАН

Памяти Анатоля Франса.

Едва мы опустили в могилу прах Брюсова, как литературная Москва узнала о смерти Анатоля Франса. Было нечто общее между обоими писателями. И тот, и другой принадлежали к числу величайших эрудитов нашего времени. И Анатоль Франс был глубоким знатоком

литературного мира. И он чувствовал себя свободно среди всех веков и народов, среди самых разнообразных культур. И он, встретившись с Октябрьской революцией, почувствовал в ней грандиозный размах, беспредельность замысла, которые нашли отклик в его до толе скептической душе. Известно, что проницаемость — наиболее характерная черта его творчества. Усвоивший все достижения человеческой мудрости от первобытной культуры до Вольтера и Гейне, быв свидетелем жизни почти целого века, века, богатого научными завоеваниями и социальными сдвигами, — Анатоль Франс ни на чем не остановил своего взора с полным признанием. Да и мог ли тот мир, в котором ему пришлось пройти свой жизненный путь, доставить материал для удовлетворения запросов требовательного аристократического духа. С улыбкой мудреца смотрел он на окружающее, поражая своими изумительными сарказмами противоречия капиталистического общества, ясно видя безысходность того тупика, в который оно зашло, несостоятельность его усилий разрешить проблемы, выдвинутые ходом истории. Уже дело Дрейфуса заставило этого кабинетного мыслителя выйти из состояния равновесия, подойти к злобе дня, над которой он всегда возвышался, и выступить с пером публициста. Чем гнуснее проявляла себя ложь существующего строя, тем труднее было Анатолю Франсу оставаться на своей недостижимой позиции ученого и эстета. Первый поход коалиции европейских империалистической войны, Анатоль Франс после некоторого периода патристических увлечений присоединился к той светлой дружине, которая сохранила разум среди всеобщего одичания. Октябрьская революция

Анатоль Франс.

была для него тем же, что и для других возвышенных умов нашей эпохи. Не будучи политиком, как гуманист и интеллигент, Анатолий Франс принимал не повседневность революции, не так наз. „ужасы“ ее. Он был захвачен силой ее обличения. Она на практике осуществляла то, что он сам делал в своих мудрых творениях. Она до основания разрушала все устои изоглавшегося общества, наносила смертельные удары капиталистическому строю, так упорно цепляющемуся за формы жизни, отдающие одураченное человечество во власть небольшой кучке хищников.

Оставляя до следующего номера оценку творчества и значения Анатолия Франса, у его свежей могилы хочется подчеркнуть это великое духовное единство его и Революции, единство, связующее дело русской Революции с идеалами, которые были возведены благороднейшими гениями предшествующей культуры.

В. ВЕШНЕВ.

Товарищ Сосновский и гражданин Пильняк.

I.

Как-то так вышло—это впоследствии подробно выяснят историки литературы, что Пильняка превратили в первоклассного художника слова вообще, и в первоклассного писателя пролетарской революции, в частности. Теперь для многих становится ясным, что Пильняк—беллетрист весьма сомнительный и отнюдь не первостепенный, а к пролетарской революции его произведения имеют такое отношение, какое, приблизительно, имеет отношение бутерброд к Берингову проливу, с той только разницей, что бутерброд можно съесть и в Беринговом проливе не без приятности, а так-называемые рассказы и романы Пильняка далеко не во всяком революционном месте окажутся уместными.

Пильняк—Козьма Прутков нашего времени. Остроумные три писателя создали Пруткова, как образное выражение самодовольной литературной пошлости. Некоторые товарищи коммунисты решили: пролетарская революция должна иметь своего поэта, его нет, а потому его надо выдумать. Не только Пруткова, но даже самого господ бога можно выдумать, по известному изречению Вольтера. И выдумали его недурно! Но выдумать поэта революции никак невозможно.

Затея эта была бы вполне невинной, если бы она не имела дурных последствий. Эти дурные последствия сказались прежде всего на самом Пильняке. Конечно, еще из незабвенных „Плодов раздумья“ Пруткова известно, что „поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канитель смыву виртуоза“, но все-таки писателю, сколь необходима канитель смыву виртуоза, но все-таки следует соблюдать меру. Козьма Прутков—лицо все-таки как никак мифическое, совершенно несуществовавшее, а Пильняк—вот он! За живого человека иногда вчуже жутко становится. Станет иногда в позу и рявкнет „коммунистическое“ изречение:

— Я—большевик, но не коммунист!

Поедет в Лондон наблюдать нравы самой капиталистической дряхлости и порадует товарищей коммунистов своей неподражаемой наблюдательностью и прозорливостью речей:

— Англичане считают, что свинья—самое чистоплотное животное.

Пильняк—Прутков любит изрекать. Редакция „Всемирной Иллюстрации“ произвела анкету среди московских литераторов о Пушкине, надо и вот Пильняк изрек: „Я думаю, что, чтобы сказать о Пушкине, надо было бы и перечитать его, и подумать, и о нем почитать, и это есть единственный правильный путь, потому что Пушкин стоит этого труда.“

Мне очень твердо кажется, что история России началась не этими днями и конца ее еще очень не видно,—и знаю, что на глыбе российской истории и культуры Пушкин—большой камень, всегда нужный". („Всемирная иллюстрация", № 3—4 за 1924 г.).

— Любите ли вы сыр?—спросили раз ханжу.

— Люблю,—он отвечал.—Я вкус в нем нахожу.

Изречений у Пильняка много, и все они сводятся к одному: хоть и произошла в России Октябрьская революция, а в ней осталось все по-старому, как было в 17 веке, триста лет тому назад—вот нам! Ничегошеньки не изменилось...

И до какой степени нудно и скучно все это перепевается из рассказа в рассказ, из романа в роман, из статьи в статью! Что бы ему помнить свое же собственное изречение: „Если у тебя есть фонтан, заткни его—дай отдохнуть и фонтану". Но нет... Беру книгу: „Писатели об искусстве и о себе". Пильняк пишет: „...сейчас утро, воскресенье, и меня разбудил колокольный звон, к обеду, что ли. Я приехал в Коломну из Лондона вчера, и мне рассказывали: где-то тут в пожарном депо лежит убитый бандит Гринка Шпак народу его показывают за шесть миллионов с каждого", и так далее. Откуда это? Оказывается, это есть и в романе, печатаемом в „Красной Новь" (см. стр. 27 „Красная Новь", кн. I, 1924 г.). Когда читал „Голый год", то нашел там не один десяток знакомых страниц: оказывается несколько рассказов попали в роман целиком. Рассказы вырываются из романов и повестей и печатаются под отдельными заглавиями, а романы и повести состояли из прежде напечатанных рассказов. Это Пильняк называет особым литературным приемом—„смещением планов". Но не относится ли это скорее к „смещению" литературных прав, называемому в просторечии несколько иначе?

Новый роман называется „Материалы к роману". Роман представляет собой бесформенную груду отрывков из авторских писем, дневника, подслушанных анекдотов, случайных рассуждений, воспоминаний. Почему это называется беллетристикой, произведением художественной прозы—неизвестно. Сплошная публицистика. И притом—крайне претенциозная, самодовольная, сумбурная и убогая.

Во что верит Пильняк, этот „писатель революции"? Он любит об этом говорить. Он пишет: „вот чего я не признаю:—не признаю, что надо писать захлебываясь, когда пишешь об РКП, как делают очень многие, особенно квази-коммунисты, придавая этим нашей революции тон неприятного бахвальства и самохвальства,—не признаю, что писатель должен жить „волей не-видеть", или, по-просту, врать, а врать получается, когда не соблюдена статистическая какал-то пропорция (например: у нас европейски-оборудованная Каширская электростанция, но пол-России еще живет без керосина,—так вот толковее писать, что у нас Россия сидит во мраке по вечерам, чем писать, что у нас произведена электрификация; или другой пример: я помню, в двадцатом году в „Гудке" было напечатано—„победа на трудовом фронте: лоборечники рабочими погружено 17 вагонов дров".—Мне думается, если припомнить английские грузоподъемные краны, вернее было бы сказать—„разгром на трудовом фронте"; я не коммунист, и, поэтому, не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически,—и признаю, что коммунистическая власть в России определена не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я с коммунистами, т.е. поскольку коммунисты с Россией, постольку и я с ними (сейчас, в эти

дни, стало быть, больше, чем когда-либо, ибо мне не по пути с обы- вателем); признаю, что мне судьбы РКП гораздо менее интересны, чем судьбы России, РКП для меня только звено в истории России". („Пи- сатели об искусстве и об себе", стр. 83).

В этих словах—типичнейшее сменовехство правого национа- никовских колебаний. Приведенные слова есть только крайняя левая точка. Правая же его точка—это ничем не прикрытое опозоривание Руси 17 века. Он захлебывается, когда описывает дремучую природу медвежьих уголков—она напоминает ему седую древнюю Русь. То он (в угоду большевикам—я с ними постольку, поскольку...) а потом вдруг, сбиваясь с тона, пишет:

— „Россия?—но ведь весь мир жил тысячелетия покойно, без железных дорог, машин, заводов, и был счастлив не меньше, чем те- перь... Россия—мужичья, хлебопашеская, каюнная, тихая, в заворон- пахал землю, не спешил, был перед богом и солнцем,—был под солн- цем, шел по зеленой мураве с сохой, пел прекрасные свои песни, и в Москву ездили раз в год и неделями, и сказки слушали неделями, и любили прекрасно, и тогда было счастье, тогда была духовная жизнь,— и ветры, и земля, и небо, и непогоды—знали,—и прибавилось ли счастье, что вот изобрели сыр, которого мужики и до сих пор не могут нюхать, и паровоз, от которого не зря шарахаются лошади, ибо он их убьет, а люди к которому подходит, как к чумовому, крестьян, и кабары, где позорится прекраснейшее человеческое—любовь?.. Вот пришел этот наш завод, и забываются старые песни, шинков стали естни, дети у рабо- чих не рождаются, они вымирают в первом поколении, у каждого рабочего по три любовницы, и каждая работница—проститутка, и вечером все перекрестки гудят похабными частушками". („Кр. Новь", кн. I, 1924 г., стр. 22).

Смесь народничества, славянофильства и мракобесия. Все эти три вещи очень часто сплетались в разных российских идеологиях в свое- образный, но неизменно—скучный узор. То Пильняк („мне не по пути с обывателем", „я с коммунистами") сожалеет, что в России нет англий- ских грузоподъемных кранов, что еще „разгром на трудовом фронте", нет электрификации, пол-России еще живет без керосина, то горько горюет о том времени („мне судьбы РКП гораздо менее интересны: судьбы России")—о том времени, когда в России не было желез- ных дорог, машин, заводов, мужик пахал сохой и тогда было счастье, была духовная жизнь?

Эта двойственность, даже тройственность, вообще путаница, про- ходит через всю пильняковскую публицистику, ничего общего не име- ющую с художественным творчеством. Что это—новаторство? Но в чем? Беллетристика имеет свою форму. Ее можно ломать, менять, изменять, но она, при всех этих изменениях, должна оставаться беллетристкой. Пильняк превратил беллетристику в бессвязную болтовню и хочет оста- виться беллетристом, продолжает навязывать свои вещи рассказами, по- вестями, романами.

Новаторство в области идеологии? Но, ведь, наши славянофилы середины XIX в. были куда оригинальнее! Их мировоззрение было куда выдержаннее и стройнее.

II.

Правда, Пильняк свой последний роман назвал скромнее: „Материалы к роману“. Попробуем отнестись к нему как к материалам, как к сырью. Можно ли из этого сырья построить какой-нибудь роман? Вероятно, можно. Но, во всяком случае, не роман о революции.

Пильняк сообщает в своих материалах только факты. Вот, говорит, что было, и не делает никаких выводов, а перемежает свои сообщения грустными воспоминаниями о 17 в., когда „было счастье“.

Например. Хотите знать, что такое сельскохозяйственная коммуна? Сообщает:

Коммуна.	Деревня.
Десятин пахоты — 200 72
озимых засеяно — 24 20 (больше не
людей — 31 75 позволяло
лошадей — 14 11 место).
коров — 13 12
свиней — 8 —
домов — 3 18
едят с мясом — конский щавель
сеялки, веялки, плуги сохи, бороны.

И к этому прибавляет: „Культурного сельского хозяйства нет ни тут, ни там. Деревня сдавала по разверстке: зерно, масло, мясо, яйца, шерсть, картошку. Коммуна ничего не сдавала“.

Приехала комиссия ревизовать коммуны, но „коммунары“ убили членов комиссии. Читатель может сам сделать вывод: в коммунах живут паразиты и бандиты, даже власть против них бессильна. И на протяжении всех этих „материалов к роману“ Пильняк сообщает все темное, дикое, грязное, что есть, что осталось в Советском Союзе, показывает, как кошмарно-недепо предомляется вся новая революционная идеология в народном сознании. И как бы всем этим говорит: да, революция произошла, но в быте, в сознании, в душе народа ее нет и, слава богу, что нет: теперешняя Русь осталась благословенной Русью 17-го века.

Вот что такое Пильняк. И прав Вл. Вардин („На посту“, № 5), прав Г. Горбачев („Очерки современной русской литературы“), прав П. С. Коган („Литература этих лет“) и правы многие другие, которые произвели решительно отрицательную оценку творчества этого Прутова нашего времени.

Да, конечно, в нашем Союзе есть много тьмы и грязи. Но чтобы говорить об этом, нужно соблюдать „какую-то статистическую пропорцию“. Но зачем Пильняку соблюдать эту пропорцию, если он, увидевши в чем-нибудь движение вперед, очень этим огорчается и возмущается.

Есть в нашем Союзе неисправимо жизнерадостный человек. Жизнерадостных людей у нас очень мало, а среди писателей почти нет. Они лишь только — только нарождаются. Этот неизменно-жизнерадостный человек тщательно обозревает неизмеримые союзные просторы и выискивает подлинно-хорошее, радостное, светлое, глубоко-утешительное. И всегда находит!

Этот неизменно-жизнерадостный человек — Л. Сосновский. Он выпустил книгу „Дела и люди“. Характерно, что эта книга прошла или проходит совершенно незамеченной. Я не читал о ней ни одного отзыва. Правда, эта книга составлена из статей, напечатанных, глав-

ным образом, в „Правде“ за период 1918—1923 г. г. Но эти статьи, собранные воедино, представляют цельную и внушительную картину.

В предисловии к этой книге т. Сосновский пишет: „Подрастает новое поколение, не пережившее само Октября, ни после-октябрьских лет. Новое поколение сможет узнать правду о минувших годах лишь по рассказам других. Не претендуя на большее, я предлагаю рассматривать мои статьи, собранные в сборник, как сырой материал“.

Тов. Сосновский легко мог бы назвать свою книгу, как Пильняк: „Материалы к роману“. С гораздо большим правом, чем Пильняк. Можно ли написать роман по книге т. Сосновского? Я думаю, что можно, и, во всяком случае, это вышел бы настоящий революционный роман. Тов. Сосновский тоже соблюдает „статистическую пропорцию“. Прежде всего он показывает, какая перемена произошла в „Рассее“ (в подзаголовке книга называется „Рассей“). Для примера он берет Калужскую губернию, которую лично посетил. Он описывает тамошние коммуны — „Декабристов“ и „Розу Люксембург“. Они совсем не похожи на пильняковские „коммуны“. Пильняк видит и замечает одни „коммуны“, а тов. Сосновский — другие. Каждый применяет по своему „статистическую пропорцию“. Но это еще что! А вот кто управляет губернией? Тов. Сосновский, строго соблюдая „статистическую пропорцию“, делает интереснейшее сопоставление. Он приводит наиболее яркие фамилии калужских губернаторов с 1779 года до революции 1917 г.: князь П. П. Долгорукий, князь О. Д. Оболенский, граф Д. Н. Толстой, князь П. Д. Голицын, д. ст. сов. А. Г. Булыгин, князь Ф. Д. Горчаков, камер-юнкер Чевыкаев. „А сейчас — пишет т. Сосновский — Калужской губернией управляет председатель губисполкома Алексей Кириллович Самсонов, булочник-печарь, из крестьян Калужской губернии. За губернатором надо было раньше поставить, скажем, начальника гарнизона, какого-нибудь бригадного генерала. Сейчас губернский военный комиссар и начальник гарнизона — рабочий-литограф Н. Е. Алмазов. С разрешения господ-дворян, я позволю себе, за неимением другой подходящей параллели, с предводителем дворянства сопоставить председателя Губ. Ч. К. слесаря Н. Д. Осипова, из крестьян Калужской губернии. Вместо прежнего полицеймейстера, начальника губмилиции, малая Г. В. Дюжинов (как и все малаяры — богомазы, родом из Владимирской губернии). И так далее. Вот новые люди для современных романов!“

А какие интересные сообщения эпизоды т. Сосновский в своих „материалах к роману“, и с каким беллетристическим мастерством, как умеет их густо приправлять социальным перцем! Прошу разрешения привести только один такой эпизодик, который доставит большое удовольствие всякому, кто не читал этой замечательной книги.

„Около здания Губисполкома — рассказывает т. Сосновский — постоянно стоит извозчик — лихач. Резвая лошадь, дутые шини, суконный армяк „с турнюром“, клеенчатая извозничья шляпа, подстриженные в скобку волосы.“

„Это — бывший помещик Унковский, потомок тех Унковских, что устраивали судьбу крестьян в 60-х годах, при Александре II.“

„Пожалуйте, товарищ, прокачу!.. — предлагает он губвоенному Алмазову.“

„Что вы, товарищ Унковский!.. Весь город знает, что вы за конец берете 50.000 руб. Сразу скажут, что Алмазов взяточником стал.“

„Дружелюбно прощаются. Военная власть и извозчик. Бывший чумазый литограф, всегда перепачканный краской, и бывший лохотенный родовитый барин, чей прекрасный белый дом красуется и сейчас под горой.

„Спросите Алмазова или Самсонова, кто были их собственные предки? Не ответят. Пройдите в Лаврентьевский монастырь (ныне концентрационный лагерь) и вы увидите там, на почетном месте, у храма вереницу памятников из мрамора. Все: Унковский, Унковская, Унковские... Династия почтенная. От дворянской треуголки со шпатель и извозничьей шляпе и кнуту“.

Описал т. Сосновский только новые дела и новых людей. Книга большая, матерьялу в ней много. И все это факты. То, что было и что есть. Многие в ней смахивают на анекдот и чем больше на него смахивает, тем сильнее впечатление пропадает, ибо это все было и есть так, как в книге. Какое в этой книге движение, какой темп жизни, какая лирика! Книга т. Сосновского развешивает фантазию, которую творят сама жизнь в своих глубоких и заповедных недрах. А Пильняк морщится на эту фантазию жизни, зовет к пресноте и плесени былого и, изображая наши живые, текучие, как ртуть дни, тщетно силится вдохнуть жизнь в свой вымысел и фантазию.

Д-р А. А. БЕРКОВИЧ.

Половой вопрос.

(Сборн. стат. под ред. С. М. Кальмансона. Изд. „Молодой Гвардии“, 1924 г.)

„Переваривая молодяк в идеологическом отношении, партия должна обратить серьезнейшее внимание на физическое воспитание молодежи“.

(Из тезисов тов. Н. Бухарина к XIII съезду партии „О работе среди молодежи“).

„Молодое поколение должно быть своевременно ознакомлено с физиологией и общественной гигиеной пола,—нужна половая грамотность, как и политическая. Это минимум того, что мы должны дать“.

Л. Троцкий.

Общественно-половые отношения, взаимоотношения нашей молодежи, семейная жизнь, половое воспитание и просвещение детей и юношества еще не достигли той необходимой четкости и ясности, которые помогли бы строить разумный, здоровый, новый быт на пути к нашему идеалу, к коммунистическому обществу.

Везде и всюду говорят, пишут, спорят и нередко страдают из-за далеко еще не разрешенной проблемы половой жизни, которая волнует даже наших юных пионеров, как об этом мельком упоминал в своей речи на съезде т. Бухарин.

Этот вопрос ставится не только теоретически, но чаще практически: „как жить теперь, как быть сегодня?“

Но если, к сожалению, никто еще пока не может предложить лекарственной панацеи на все мучительные запросы, то все же мы должны, помимо трудностей и несовершенств нашего материального благосостояния и быта, остановиться прежде всего над выяснением и изучением истинного положения вопроса в нашей современной действительности и тщательно искать новых путей правильного разрешения столь серьезной и жгучей проблемы, как половая жизнь, установить ее нормы, законы и требования, ее уклоны и извращения, и вытекающие отсюда опасности со всей возможной научной объективностью.

В этом направлении должны сыграть известное значение два популярно-научных сборника, как изданный также „Молодой Гвардией“ под редакцией Б. Ярославского „Вопросы борьбы и жизни“, так и разбираемый нами — „Половой вопрос“.

Книга эта начинается статьей нашего выдающегося педагога и врача, проф. А. Б. Залкинда „Половой вопрос с коммунистической точки зрения“.

Автор рассматривает половую проблему, как социальную, классовую для всех исторических эпох, всегда находящуюся в той или иной зависимости от состояния производительных сил и общественно-производственных отношений.

В противовес разлагающей обстановке разрушенного феодально-капиталистического прошлого со всем его упадочничеством, «огарками», савинщиной, любовными «историями», сумасшествиями, самоубийствами и, наконец, «распутинами» — молодой, революционный класс, добившийся власти, наоборот, ищет новых путей в деле оздоровления своей жизни, он требует радикальнейшего пересмотра и в области половой морали, в области старых правил полового поведения.

Получив гнилое половое наследство от буржуазной «культуры», трудовые массы нередко еще и по сей день находятся под дурманом, уродующим наш быт со всеми нашими сценами ревности, мести, издевательств и убийствами и пр.

Прежняя половая всепропитанность, яд которой всюду разбросан и в художественной литературе, искусстве и кино и одобрен иногда хитро замаскированной и утонченной порцией порнографии продолжает еще очень часто отравлять нашу молодежь, вызывая в ней раннюю влюбчивость, избыточную половую любознательность, преждевременное начало половой жизни, похотливые страстишки и вожделения, а отсюда или проституция с венерическими болезнями, сифилисом и пр., или довжнуство и возвращение девушек из своей среды с неизбежными последствиями: беременностью, абортom и женскими болезнями, детоубийством и пр. пр.

Указывая на еще сильное влияние исторической инерции, по которой мы шли и еще порядочно будем идти под давлением старых уклонов, унаследованных навыков и инстинктов, так называемых безусловных рефлексов человеческого организма, толкаемые классовым врагом в половую пропасть, кишащую миазмами буржуазной похоти со всеми ее заманчивыми соблазнами и мишурой, т. Залкинд говорит, что пора «сорвать половой фетишизм с современного сознания и поставить половое на должное, в общем довольно серьезное, но далеко не первое место. Надо отнять все то, что волей класса обманщика оно украло у человеческого творчества».

И далее, касаясь социального, классового героизма, он подчеркивает, что ему должно быть зазорно питаться половым вожделением, рождаться «любовью», которая поневоле «обличает» социальное.

«Необходимо, чтобы коллектив радовался, сильнее привлекал к себе, чем любовный партнер. Коллективистическое истинно революционное туснеет, когда слишком распухает «любовь».

Обосновывая свои положения о месте полового элемента в связи с творческими, героическими, коллективистическими и революционными сторонами человеческой деятельности, т. Залкинд отмежевывается от известного основателя венской школы З. Фрейда, который всю творческую силу связывает с самостоятельной ролью полового богатства и который считает, что сексуальность человека заложена в его природе уже с момента рождения ребенка.

Тов. Залкинд же подходит к этому вопросу не с психо-биологической точки зрения, а с марксистской, доказывая, что вовсе не только половая энергия есть источник творческой деятельности человека, а, наоборот, эта самая половая энергия сама была приобретена «на ущерб отправлениям питания, умственной и трудовой жизни и пр. и, наконец, общества в целом».

«Слишком пышно развернувшийся сейчас интерес нашей современной молодежи», требует срочной политико-педагогической ликвидации, являясь по существу скорее буржуазной отрыжкой.

На вопрос, как быть в борьбе с паразитически разбухшей сексуальностью, с современным половым «наводнением», автор указывает, что обычные социальные нормы классового, революционного поведения в интересах коммунистической целесообразности не сбывают с пути жаждущей победы современной нашей молодежи, всегда дадут ей возможность разрешить самые трудные задачи, в том числе и половую путаницу, а для этого нужно быть диалектическим материалистом, т. е. не терять исторической перспективы, действовать по четко выработанному плану (активизм) организованно и совместно с коллективом.

Для преодоления же навязанного развращающим прошлым воспитанием, ранними, ненужными приступами полового возбуждения, надо «жадно впитаться в окружающую нас жизнь, в развешивающуюся революционную борьбу», тогда та половая энергия, которая уходила на примитивные, низшие, почти животные инстинкты повысится в своем качестве и превратится в творческую социальную энергию, т. е. «сублимируется», употребляя термин З. Фрейда.

Касаясь практического разрешения проблемы, т. Залкинд считает, что период полной социальной и биологической зрелости, соответствующий 22—23 годам для мужчины и 20—22 годам для женщины, — есть естественный момент начала половой жизни, основанной на полном осознании ее классового значения, на хорошо проверенном любовном чувстве с обеих сторон, при взаимном равенстве, уважении и ответственности друг перед другом.

В заключение, обращаясь к коммунистическим и предкоммунистическим организациям: комсомолу и юным пионерам-ленинцам, как проводникам всего лучшего, светлого и здорового также и в деле создания нового полового быта, тов. Залкинд заканчивает свою статью следующими полными веры в победу словами:

«Развивая с ранних лет революционные идеалы, научную остроту, товарищеский дух, боевой героизм, организованность, равенство в отношениях полов, — закаляя покретающийся организм физическими упражнениями, — молодая коммунистическая организация, под руководством старшего своего брата — РКП, возьмет под свой безусловный контроль половую жизнь юных строителей революции, оздоровит, организует, выправит ее».

Революция побеждает. Победим и мы в этом вопросе! Хотя при характеристике и изложении работы т. Залкинда нам пришлось уделить наибольшее внимание и место, по нало беспристрастно признать, что она является, бесспорно, наиболее ценной как по научному своему содержанию, так и по выдержанности общественно-политической линии и жизненной реальности своих предложений.

Обращаясь же к сборнику в целом, необходимо прежде всего указать, что бросается в глаза даже самому нетребовательному читателю следующая весьма серьезная несогласованность в наиболее важном для молодежи вопросе, который этот коллективный труд и предназначается в первую голову.

Речь идет о начале половой жизни. В самом начале, на 3-й странице, «из доклада врача С. М. Калмансона на диспуте по половому вопросу» в 3-м пункте читаем: «III. Половая жизнь с 21—22 лет у женщин и 24—26 лет у мужчин, т. е. со времени полного формирования организма — полезна».

На стр. 16 у А. Б. Залинда: «Действительная же половая жизнь начнется лишь тогда, когда ей и надлежит нормально начаться, т.е. к периоду полной и социальной и биологической зрелости (годам к 22—23 для мужчины и 20—21 годам для женщины». — Мнение, к которому мы присоединяемся как по социальным мотивам, так и физиологическим.

На стр. 57. В статье врачей Л. А. и Л. М. Василевских «Половая жизнь человека»: «заканчивается... процесс созревания организма, в среднем, у мужчин к 25 годам, а у женщин к 21 году; в это именно время должна была бы начаться половая жизнь».

У врача А. Стуковенкова, автора статьи «Гигиена половой жизни», в одном месте (на стр. 110) ссылающегося на непечатанную, между прочим, здесь в сборнике статью «Физиология половой жизни», помещены три не аналогичных даты; так, на стр. 110—111 «юноши заканчивают рост костяка около 27 лет, девушки—около 24 лет. Этот возраст и должен быть той гранью, когда юноша может становиться мужчиной, а девушка—женщиной».

На стр. 113 «совершеннолетие юноши для полового сближения, наступает в 27—30 лет».

На стр. 127: «я вот яро рекомендую воздержание от половых сближений до 22—27 лет для юношества».

У врача С. В. Никулина в статье «Онизм, его причины и борьба с ним», на стр. 166—167: «социальная половая зрелость, т.е. право осуществлять способность к воспроизведению себе подобных... обычно достигается девушками около 18 лет, а юношами—20-ти; но вообще необходимо сказать, что здесь нельзя установить точно один общий срок для всех; так, для крестьянского быта срок может быть несколько позижжен, ввиду большей материальной обеспеченности крестьян, для городского населения, а особенно для лиц, посвятивших себя умственному труду, срок придется несколько повысить».

Совершенно очевидно, что с педагогической, да и со всякой иной точки зрения в популярно-научной книге такая разногласия, да притом без объединяющей вступительной статьи, с попыткой примирить или объяснить происхождение таких противоречий—вещь недопустимая.

Как курьез, сопоставим хотя бы одни мужские даты:

24-26; 22-23; 25; 27; 27-30; 22-27; 20; для крестьянского быта срок несколько понижен; для городского населения, а особенно для лиц, посвятивших себя умственному труду, срок несколько повысить. Итого 9 разных дат, признаваемых, как гигиеническое начало половой жизни; кого же слушать? Надо полагать, что на нашего юношу-читателя это может произвести в лучшем случае лишь досадное впечатление.

Продолжая указывать недостатки и промахи, следует обратить внимание на «Биологический очерк» врача Н. Шварца, в котором на стр. 33 упоминается дважды эпифизарная железа, а на самом деле излагается деятельность мозгового придатка, т.е. гипофизарной железы.

Затем на 32 стр. читаем оригинальную теорию употребления косметики: «У человека, как у всякого животного, есть запах, но человек утерил то обоняние, которое существует у животных, и не воспринимает естественного запаха—вот чем объясняется обливание себя, духами». (Курсив наш А. Б.)

Вообще подобная аргументация не научна и неубедительна особенно для читателей изданий «Молодой Гвардии».

Кроме того, приложенные рисунки в конце книги, иллюстрирующие, главным образом, эту статью, вообще к этому сборнику в целом почти совсем не имеют никакого отношения (особенно бородачатая де-

почка,—это только уникум, очень редкое явление) и могли бы без всякого ущерба быть устранены, а на их место приложить несколько рисунков, касающихся устройства половых органов, венерических болезней и их последствий, женских болезней, аборт и т. п., или же совсем не помещать никаких иллюстраций,—это значительно удешевило бы книгу, т. к. занимают одни эти рисунки 10 страниц.

В смысле сокращения книги ввиду повторений на одну и ту же тему можно привести также несколько фактов.

Так о внутренней секреции и об омоложении пишет в первую очередь автор биологического очерка, затем Л. А. и Л. М. Василевские, а далее у последних авторов (стр. 58—63) об онанизме и специальный очерк врача Н. Никулина, тоже самое о венерических болезнях (75—81 и 124—130) и у врача Стуковенкова. Вот уже перечисленных набралось 17 страниц, а с рисунками—27 страниц. Но можно было бы указать их и вавое более; в общем книгу для общей пользы и большей ясности и понятности можно было урезать, по крайней мере, на одну треть.

К числу неправильных терминов нужно указать на статью врача Г. А. Соломовича «В чем заключается половое воспитание», где на стр. 155: «... аболуционизма, т.е. полного полового воздержания». Здесь надо было употребить другой совершенно термин «абстинентизм». Аболуционизм же в медицине значит—освобождение от регистрации проститутки.

Конечно, все эти дефекты легко устранимы и не имеют по существу принципиального значения, за исключением вопроса о начале половой жизни.

Мы еще не касались небольшой статьи проф. Полиевтова «О совместном воспитании», которая очень содержательна и прекрасно написана.

Все вышеперечисленные статьи указанных авторов, в смысле богатства материала, продуманного научного содержания и социально-политического подхода очень интересны и прочтутся с большой пользой.

В них вполне освещена половая проблема с точки зрения передовых выводов и основ современной науки и советской общественности. Во многих из них строго проведен научно-марксистский метод.

С книгой этой должны ознакомиться в первую очередь наши активисты, поработать над каждой статьей в своих кружках,—желательно под руководством специалиста, врача или педагога, который бы помог им разобраться, с одной стороны, в терминологии, так как она у авторов не согласована и не однообразна, а с другой стороны постарался бы выиснуть с ними же рассеянные повсюду конкретные практические предложения, особенно по вопросам, касающимся полового воздержания до полного (общего) созревания, а также по вопросу о ранних браках.

Собственно этими двумя указанными темами необходимо будет в следующем издании пополнить сборник.

Кроме того, желательно, чтобы к каждой статье отдельно в конце ее был приложен список популярной и научной литературы.

Нужно еще добавить в заключение очень важное пожелание, а именно, чтобы возможно больше была освещена бытовая сторона разбираемых вопросов.

Особенно пора выдвинуть вопрос о взаимоотношениях молодежи обоего пола, «парней» и «девичат». Как надобно каждому из них себя вести, чтобы не пробуждать и не разжигать дремлющего «зверя» полового

инстинкта, о сиденьях на коленях друг у друга в обнимку, отрусиках, о физкультуре и половом „закаливании“, одним словом, о всех наболевших и назревших вопросах среди комсомола в связи с новым бытом.

В заключение пожелаем поскорей разойтись этому изданию и приступить к новому—дополненному и исправленному. Все же, как первый опыт, книга „Половой вопрос“—очень ценна и с радостью будет принята нашей молодежью.

Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Чем вредна политическая экономия А. А. Богданова?

1.

„Начальный курс политической экономии“ (в вопросах и ответах) вместе с рассчитанным на более подготовленную аудиторию „Кратким курсом экономической науки“, (в переработке Ш. Дволайцкого), к сожалению, до сих пор еще являются чрезвычайно распространенными популярными учебными пособиями для массы наших марксистских кружков, школ политграмоты и т. п. К сожалению, потому, что книги Богданова ни в какой мере не могут служить пособием рядовому рабочему, приступающему к ознакомлению с марксистской теорией. Знание законов, управляющих движением общества, его анатомии—экономической науки, является могущественным орудием революционной борьбы в руках рабочего класса. Не кто иной, как Ленин неоднократно повторял, что „без революционной теории не может быть и революционного движения“. „Кто только представит себе, как гигантски разрослось и как разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического, а также революционного опыта, необходим для выполнения этой задачи“—говорит Ленин в „Что делать“. Именно поэтому Ленин с такой беспощадной настойчивостью боролся против „беззаботности и беспомощности в развитии теоретической мысли“, против всяких попыток ревизионистской тихой сапой, невинными поправочками и дополнениями взорвать марксизм изнутри.

Одной из таких попыток, искусно прикрытой марксистской фразеологией и особенно опасной, является экономическая теория А. А. Богданова. Опасность усугубляется тем, что у нас не было до сих пор достаточных сил и средств для удовлетворения колоссальной потребности в марксистском популярном учебнике по политической экономии, и учебники Богданова, в многочисленных изданиях, успели уже не сколько войти в обиход.

Поэтому каждый рабфаковец, член марксистского кружка, школы политграмоты, каждый желающий ознакомиться с учением Маркса, должен знать, что учебник Богданова не поможет, а лишь затруднит ему эту задачу. Богдановщина же в теории неразрывно связана с богдановщиной в практике, ибо нет и не может быть общественной теории, не связанной так или иначе с практическими вопросами классовой борьбы.

2.

В чем же вред политической экономии Богданова?

Прежде всего она неразрывно связана с его системой общественного развития в целом, насквозь проникнутой идеализмом. „Материализм, — говорит Ленин (Эмпириокритицизм, стр. 32.) — вообще признает объективно-реальное бытие (материю) независимо от сознания, от ощущения, от опыта (человечества) и т. д. — материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае, приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) отражение“. Для Богданова же физический мир есть лишь „социально организованный опыт“. Поэтому Богданов разделяет непреходимой пропастью материальные условия производства, то, что он называет „техническими приспособлениями“, „элементами природы“ в процессе производства¹⁾ от экономических отношений, возникающих между людьми в этом процессе. Экономические отношения Богданов относит к разряду чисто психических явлений, ничего общего не имеющих с материей. „Экономика — это трудовые отношения людей, а не физические отношения тел; люди — психические существа, а труд — сознательно-целесообразная деятельность“. Идеология — это... область понятий организующих социальный опыт, т. е. определенная частная сфера социальной психологии; экономика — это другая область той же социальной психологии.

В другом месте Богданов формулирует еще более отчетливо этот психологический характер экономики: „Распределение, — говорит он, — есть процесс чисто идеологический; он происходит только в головах членов общества и состоит в том, что изменяется отношение людей к продукту же труда“ („Основные элементы историч. взглядов“, стр. 187).

Исходя из того же идеалистического разрыва между материальным костяком общества, орудиями труда и экономическими отношениями, Богданов расчленяет производство на три стороны: техническую, экономическую и идеологическую (стр. 14). „Технической стороной производства... человек „организует природу“, экономикой — организуются сами люди и, наконец, весь процесс производства в целом организуется идеологией, речью и мышлением.

Таким образом, весь процесс производства и техническая сторона его, т. е. степень развития производительных сил, и экономика, т. е. общественные производственные отношения, в конечном счете организуются мышлением, сознанием человека.

Разум человека, его речь, его мышление управляют миром. Отсюда один шаг до всеблагого творца, создающего дух человеческий по своему образу и подобию, и прочих истин откровенной и замаскированной поповщины. Не случайно богдановщина сошла в истории нашей партии с тяжелейшей эпохой реакции, после поражения революции 1905 г., „богостроительства“, походом буржуазной науки на основы марксизма и исторический материализм.

Политическая экономия, основанная на идеологии чистой воды, занесенная в дебри психологии, не может служить орудием в руках борющегося пролетариата. Как можно уничтожить частную собственность, если ее существование ограничивается лишь областью наших опийных? — справедливо спрашивает Богданова его критик Аксельрод.

¹⁾ „Начальный курс политической экономии“. Изд. 6-е. Из-во „Пролетарий“. Харьков, 1923 г., стр. 13.

Политическая экономия должна вскрыть нам законы, управляющие костяком общества, его экономическую структуру. Но каждый данный исторический период в развитии общества имеет свои законы, „как только жизнь пережила период данного развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает уже управляться другими законами“ (Маркс). Задачей политической экономии и является изучение этих специальных, особых законов, присущих общественному развитию в отличие от других исторических эпох и изменяющихся вместе с изменением материальных производительных сил. Всем историческим эпохам в развитии общества свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения. Совершенно бесспорно, например, что труд, человека и т. п. Такие общие определения имеют смысл только постольку, поскольку они, выделяя действительно общие моменты, избавляют нас от повторений. Но они совершенно непригодны для объяснения специальных особенностей законов, отличающих данную историческую эпоху в развитии общества от других. „Вся мудрость современных экономистов, доказывающих вечность и гармоничность существующих социальных отношений, заключается в том, что они забывают об этих различиях“ (Маркс) и, вместо того, чтобы объяснять особенные отличительные законы капиталистического производства, твердят о том, что капитал есть накопленный труд, без которого невозможно никакое производство вообще. В результате дикарь, накопивший труд в виде палки, которой он сбивает плоды, благополучно превращается в мадевского Стигнеса, и цель буржуазного экономиста достигнута, ибо оказывается, что капитализм есть способ производства, врожденный человеку от природы, а потому вечный и непреложный.

Сила марксовой политической экономии состоит в том, что она, разрушив и осмеяв банальные плоскости буржуазных экономистов, вроде того, что для производства нужны орудия производства, что рабочий всегда нуждается в средствах существования, и т. д., обнажила действительные законы, движущие общество, определяющие его экономическую структуру, производственные отношения между людьми.

3.

Как же определяет производственные отношения различных исторических эпох „популяризатор“ Маркса — Богданов?

Богданов различает два главных вида производственных отношений: 1) отношения сотрудничества и 2) отношения присвоения. „Отношения сотрудничества состоят в том, что люди работают совместно или вообще заодно; таково соединение труда, таково разделение труда. Отношения присвоения труда состоят в том, что одни люди работают для других, или на других. Таков, напр., обмен, при котором члены общества взаимно присваивают друг у друга продукты труда: если крестьянин и кузнец поменялись продуктами, то на деле выходит, что крестьянин часть своего времени работал для кузнеца, и наоборот. Другой пример — акколатация, при которой один присваивает себе то, что произвел другой, без взаимности, т. е. не отдавая взамен соответствующего количества своего труда“ (Нач. курс, стр. 12).

Рассмотрим первый вид производственных отношений, отношения сотрудничества. Само по себе это определение совершенно бесспорно, но и совершенно бесплодно. Мы не можем себе представить какое-либо человеческое общество, в котором люди не были бы связаны между собой трудовыми связями, т. е. той или иной формой сотрудничества. Робинзон, живущий вне общества и не связанный никакими отноше-

ниями сотрудничества, существует лишь в полнейшей фантазии буржуазного экономиста. Такая фантазия может возникнуть лишь в буржуазном обществе, в котором трудовые отношения между людьми, отношения сотрудничества, скрыты под оболочкой обмена. Политическая экономия за этой оболочкой вскрывает истинные отношения сотрудничества, связывающие формально самостоятельных и разбродившихся товаропроизводителей. Задачей является вскрытие особенностей различных форм сотрудничества, производственных отношений каждой исторической эпохи.

Богданов различает следующие типы сотрудничества: 1) простое, 2) господство—подчинение, 3) специализация, 4) товарищеское сотрудничество (Нач. курс, стр. 20). Очевидно, эти основные типы сотрудничества, производственных отношений, должны представить экономическую структуру различных эпох в развитии общества.

Но так ли это? При первом же рассмотрении схема оказывается выхолащенной и пустой, подходящей к любой исторической эпохе, но не объясняющей ни одну из них. Рассмотрим хотя бы отношения „специализации“. Богданов определяет их как такую „связь людей, когда они, участвуя в одной общей системе труда, выполняют каждый свою особую работу, иную чем другие“. При этом прежде всего смешиваются две совершенно различные по существу формы разделения труда: 1) разделение труда в обществе, напр., между крестьянами, производящими хлеб, и ремесленниками, рабочими, производящими орудия труда, одежду и пр. и 2) разделение труда техническое, внутри данного предприятия, мастерской, в примере Богданова — кузнецы, слесари, токарки, строгальники и проч. Уже одно это смешение смазывает различия между двумя историческими эпохами, ремесленным производством простого товарного общества и первой стадией капитализма, мануфактурой, революционизировавшей производство и создавшей базис для крупной машинной промышленности, именно специализацией, созданием „частичного рабочего“ вместо единого мастера-ремесленника.

Форма производственных отношений определяет все строение общества, правовые и политические надстройки, формы общественного сознания. Могут ли отношения „специализации“ объяснить нам особенности экономической структуры общества данной исторической эпохи? Ни в какой мере не могут; „специализация“, разделение труда в обществе и в мастерской, фабрике, одинаково присущи самым различным историческим и экономическим эпохам. Разделение труда зарождается и развивается в недрах патриархально-родового строя, оно существует и в феодальном, и в рабовском, и в крепостническом обществе. Капитализм обобщает и углубляет его, социализм одинаково немислим без разделения труда. Но исходя из специализации, присущей самым различным общественным формам, мы не можем объяснить специальные законы ни одной из них. Определение оказывается пустой тавтологией (повторением), подобно пошлым истинам буржуазной экономики, что производство всегда удовлетворяет потребности и т. п.

Еще больше путаницы и сумбура вносит второй тип производственных отношений по Богданову — присвоение.

В чем состоит присвоение? „В том, что какая-нибудь вещь становится **собственностью** отдельной личности или некоторой совокупности людей“ — определяет Богданов (Нач. курс, стр. 23).

Присвоение человеком вещей по Богданову является основным типом производственных отношений. Так как никакое производство немислимо без производственных отношений, возникающих между людьми в его процессе, то присвоение становится условием существо-

вания производства. Эту истину, давным давно открытую буржуазной политической экономией, Маркс называет тавтологией, пустым повторением очевидного. „Всякое производство есть присвоение индивидуумом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством ее.“

В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства (Маркс). Но присвоение приобретает обобщенный характер, присвоение ступенчатого развития общества. Переход от земледелия к т. п.

Но это присвоение, как небо от земли, отличается от присвоения капиталистом прибавочной стоимости, неоплаченного труда рабочего. Феодал также присваивает неоплаченный барщинный труд своих подданных, но это присвоение опять-таки обладает особыми законами, отличными от присвоения капиталистического. Понимание этих различных форм и дает нам марксова политическую экономию.

Как же различает формы присвоения Богданов?

Он разделяет присвоение, во-первых, на непосредственное и меновое (Нач. курс, стр. 24). По этому разделению попадают в одинаковое положение помещик, отбирающий у крестьянина хлеб безвозмездно в виде барщины, и крестьянин, присваивающий, по извечной терминологии Богданова, заработанное своим горбом. И тот и другой, ведь, присваивают хлеб на сапоги, производят меновое присвоение совершенно так же, как и капиталист, покупающий путем обмена на заработную плату рабочую силу пролетария.

Правда, Богданов не отрицает, что присвоение капиталистом продуктов труда рабочих имеет характер эксплуатации. Но из его схемы это отнюдь не следует. Вся загадочность капиталистического способа производства в том и состоит, что в нем все производственные отношения выступают в форме обмена равными меновыми стоимостями. Рабочий обменивается с капиталистом путем продажи рабочей силы, прибавочная стоимость распределяется между различными группами капиталистов в процессе обмена в виде ренты — цены земли, процента — цены капитала, торговой прибыли — надбавки на цену продукта и т. д. За этими внешними формами обмена Маркс вскрывает действительные производственные отношения основных классов капиталистического общества.

Схемы Богданова, по которым распределение продукта первобытно-коммунистической общины между крестьянином и феодалом, рабочим и капиталистом, смешивается в одну кучу под пустой формулой присвоения, способны лишь затемнить и запутать познание законов общественного развития.

4.

Политическая экономия Маркса исследует прежде всего исторические законы, присущие данной эпохе в развитии общества, в отличие от других, изменяющихся вместе с изменением базиса общества — его производительных сил. Маркс вскрывает силы, двигающие развитие данной общественной формы, приводящие ее к гибели. Законы, имеющие силу для всех исторических эпох, недостаточны для объяснения специальных исторических форм; они имеют ценность лишь постольку, поскольку, по выражению Маркса, фиксируя общее, избавляют нас от повторений. Характерной чертой всей системы Богданова является как

Отношениям господства—подчинения Богданов противопоставляет товарищеское сотрудничество, такое, при котором и распорядителем и исполнителем являются совокупность его участников (Нач. курс, стр. 21). В системе Богданова этот тип сотрудничества определяет коммунистическое общество. Но товарищеское сотрудничество с таким же успехом укладывается и в рамки антагонистического капиталистического строя. Капитализм, особенно в последней его стадии финансового капитала, знает „товарищеское сотрудничество“ внутри самого класса капиталистов. Разве группа капиталистов, объединенных в синдикат, акционерное общество, трест и т. п. не представляет собою группу, организующую производство на началах „товарищеского сотрудничества“? По системе Богданова этого уже достаточно для того, чтобы приравнять эту последнюю, наиболее противоречивую форму капитала, к коллективизму.

Ничего, кроме путаницы и грубейшего смешения всех понятий, схема производственных отношений Богданова внести не может.

Классический образец такой путаницы и скрытой апологетики представляет его определение сущности капиталистического производства: „Основу трудовой организации в современном капиталистическом предприятии составляет авторитарное сотрудничество сверху, товарищеское—снизу“.

В этом определении заключается все, что угодно, кроме основных специфических особенностей капиталистического способа производства, пронизанного бесконечным сплетением противоречий и классовых антагонизмов.

6.

Это затушевывание, смазывание антагонистических тенденций в общественной организации красной нитью проходит через всю экономическую систему Богданова. Исходным пунктом его системы—его социально-трудовое приспособление человека к окружающей его природе. В большом „Курсе политической экономии“ (том II, вып. I, Общая теория капитализма, стр. 6) Богданов формулирует свою исходную точку зрения следующим образом: „С одной стороны, затраты трудовой энергии общества или его производительная деятельность, с другой стороны, распределение в его среде продуктов этой деятельности должны быть организованы таким образом, чтобы каждая его часть выполняла свою функцию, жизненно-полезную и нужную для целого, и чтобы при этом оставалась способною к дальнейшему выполнению такой функции. Тогда мы имеем дело с настоящей социальной системой“.

Явления равновесия, приспособления к окружающей среде в системе Богданова затушевывают, отодвигают на задний план дисгармонию, диспропорциональность в общественном хозяйстве, обусловленную его анархичностью. Капиталистическое хозяйство носит анархический, неорганизованный характер, вследствие частной собственности на орудия производства. Основное производственное отношение, формы собственности на средства производства, определяет форму общественного процесса производства.

Но Богданов в основу производственных отношений кладет не форму собственности на средства производства, а отношения сотрудничества, роль организаторов и исполнителей. Поэтому на передний план выдвигаются именно эти организованные моменты в общественном хозяйстве.

Он рассматривает общество, „приспосабливающееся“ к природе, как единое целое. Различные классы общества выступают у него не как борющиеся группы с непримиримо-противоположными интересами, а скорее, как различные части единого организма. В отличие от Маркса, видящего в обществе, прежде всего, историческую борьбу всех людей в процессе приспособления. Дialectические законы развития общества, постоянную смену производственных отношений, вместе с изменениями производственных сил, Богданов заменяет метафизическим, неизменным приспособлением человека к природе. Его система напoлнoм историю человечества. Под кажущейся марксистской фразеологией Богданов преподносит нам теорию, стирающую грани между борющимися классами, идеалистскую теорию „организаторов“—капиталистов и „исполнителей“—рабочих, худшую апологетику капитализма. По справедливому замечанию т. Каменева¹⁾ „рабочий, приступив после тогo, а, наоборот, должеa будет переучиваться, забыть богдановскую мудрость, чтобы начать учиться марксизму“.

¹⁾ Л. Каменев. „Между двумя революциями“. Стр. 284 (изд. „Новая Москва“, 1922).
13*

Б. Т. ГОРОЩЕНКО.

Почему и как летает планер.

За последние 20 лет человек сумел воплотить в жизнь древнюю мечту, он научился летать и не только научился, но даже далеко опередил своих первых учителей птиц.

Кампания по созданию воздушного флота, ведущаяся в настоящее время на всем протяжении СССР, сделала свое дело. Не думаю, найдется ли теперь человек, не знающий современных успехов авиации, не понимающий их огромного значения. Мало того, мы свидетели чрезвычайного стремления масс, особенно молодежи, к непосредственному участию в деле авиации, а такое участие вполне возможно и достижимо.—Я говорю здесь о планеризме.

Все, читающие газеты, знают о полетах на планерах, слышали о состязании планеристов, но вряд ли большинство отдаст себе отчет о том, что такое планер и какова его история.

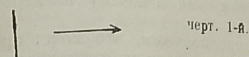
Все летательные аппараты, построенные до сих пор человеком, способны подниматься и передвигаться лишь в пространстве, наполненном воздухом.

Воздух, легкое газообразное вещество, являющееся смесью, главным образом, трех газов: азота 78%, кислорода 21% и водорода 1%. Он охватывает землю слоем толщиной до 800 километров, становясь с высотой все более разреженным. Однако, говоря о легкости воздуха, мы не должны забывать, что он все же имеет вес и даже довольно значительный: так воздух, наполняющий комнату шириной 5 метров, длиной 5 метров, и высотой 4 метра весит почти 13 килограмм, т.е. немного менее пуда. Когда воздух спокоен, мы его не замечаем, но лишь подымается ветер, присутствие воздуха делается очевидным. Сильный ветер способен свалить с ног человека, поднять крышу, даже перевернуть железнодорожный вагон. Присутствие воздуха столь же заметно, если мы сами начинаем быстро двигаться, он как бы препятствует этому движению, высуňte руку в окно железнодорожного вагона и вы почувствуете, как воздух будет с силой стремиться отбросить ее назад. Эти известные всем факты доказывают, что при движении воздуха развиваются значительные силы, которыми нужно лишь уметь воспользоваться.

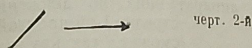
Возьмем продолговатый лист бумаги или картона и будем его быстро двигать слева направо так, как указано на чертеже 1-ом.

Если движение быстро, то мы почувствуем, как сила сопротивления воздуха начнет отгибать картон назад. Повторим то же движение, но поставим лист под углом (черт. 2-й). В этом случае действие воздуха будет двояким. С одной стороны, его сопротивление, хотя слабее

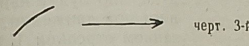
чем в первом случае, однако, препятствует движению, отгибая картон назад, с другой—воздух будет приподымать наш лист вверх. Правильность такого утверждения ясна для всякого запускаящего бумажный змей. Змей вначале своего полета располагается так же, как наш лист картона.

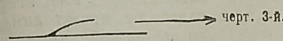
черт. 1-й.

черт. 2-й.

черт. 3-й.

черт. 3-й.

- 1) из полотна, натянутого на деревянную раму,
- 2) сплошь деревянное,
- 3) металлическое,
- 4) металлическое с деревянными частями, на планеры, собственно

говоря, ставятся почти всегда крылья первого рода.

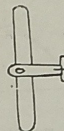
При движении летательного аппарата, снабженного крыльями, воздух, набегая на них, с одной стороны, задерживает движение вперед, с другой—подымает крылья вместе с аппаратом вверх, совершенно

так же, как он приподымает полоску картона или змей. Ясно, что для нас важна и полезна подъемная сила воздуха, его же сопротивление, наоборот, вредно, так как оно препятствует движению. Чем больше сила подъема, по сравнению с силой сопротивления, тем лучше. При больших наклонах крыла подъемная сила велика, но велико и сопротивление. Найдено, что первая сила, полезная нам, в наибольшее число раз превосходит вторую, вредную, тогда, когда крыло лишь слегка наклонено, примерно так, как указано на чертеже 4-м.

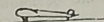
Поэтому-то наклон крыльев самолета и планера во время их полета почти незаметен.

Если мы посмотрим сверху на чаще всего встречающийся тип планера, то он нам представится в виде двух крыльев (планов), большого впереди и маленького сзади, соединенных туловищем, называемым фюзеляжем, в передней части фюзеляжа обычно помещается летчик (черт. 5-й).

черт. 5-й.

черт. 6-й.

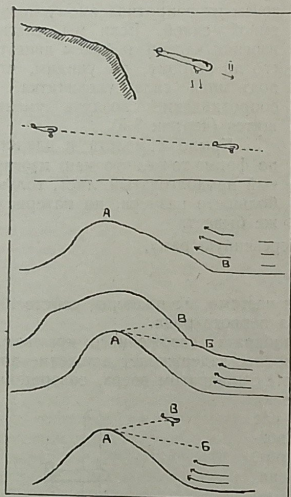

черт. 7-й.

Если смотреть сбоку, то аппарат будет иметь вид, показанный на чертеже 6-м или же такой, как на чертеже 7-м. Разница ясна, 1-й планер имеет одно большое крыло и называется моноплан (однокрылый), 2-ой имеет пару больших крыльев, одно под другим и называется биплан (двукрылый). Роль маленького заднего крыла я объясню ниже, теперь же остановлюсь на том, как и почему планер может летать.

В начале наших рассуждений предположим, что полет производится в совершенно тихую погоду при полном отсутствии ветра. Представим, что пущенный с какого-нибудь склона планер очутился в воздухе и принял положение, показанное на чертеже 8-м. Сила тяжести будет стремиться опустить аппарат вниз, но движение по

черт. 8-я.

черт. 9-я.

черт. 10-я.

черт. 11-я.

черт. 12-я.

время медленно спускающийся, может летать часами, не только не спускаясь, но, не пользуясь силой мотора, даже подымаясь вверх. Разгадка этого кажущегося противоречия лежит в ветре, и на ней мы подробно остановимся.

Представьте себе, что вы находитесь в железнодорожном вагоне и идете к выходу в то время, когда поезд медленно подходит к станции. Если вы будете проходить по вагону в направлении обратном движению поезда с той же скоростью, с которой идет поезд, то для вас, глядящего на вас с станционной платформы, вы будете казаться неподвижным. Чем объяснить этот известный факт? Дело в том, что ваше действительное перемещение складывается из двух движений, во-первых, поезда по отношению платформы станции, во-вторых, из вашего собственного движения по отношению вагона, в котором вы едете. Если эти движения направлены в разные стороны и по своей

силе не смогут, так как в этом направлении слишком велико сопротивление воздуха, оно будет наименьшим при движении, показанном стрелкой II-й. По этому пути и полетит аппарат, подобно тому, как лист картона, пущенный наклонно к земле, всегда падает не прямо вниз, а по наклонной линии.

Во время полета, как я указывал, воздух, набегающий на крылья, будет приподнимать их, замедляя движение планера вниз и аппарат начнет спускаться по очень пологой линии. Пролетая за 1 секунду 10—12 метров, он спустится менее, чем на 1 метр.

Однако, у каждого, прочитавшего эти строки, невольно явится сомнение, каким образом, планер в своем полете, все

скорости равны, то фактически, по отношению к неподвижным предметам, движения вовсе не будет и человек, идущий в вагоне с той же скоростью, с которой поезд подходит к станции, в направлении противного движению вагона, со стороны будет казаться неподвижным.

Такое сложение движений должно применяться всегда, когда какой-либо предмет, двигаясь самостоятельно, вместе с тем перемещается совместно с окружающей его средой. Так лодка, плывущая по реке, хотя и увлекается течением, но если не грести посмотришь на воду, то движение заметно не будет, так как лодка по отношению к воде неподвижна, она движется вместе с нею и передвигается вдоль берега с такою же скоростью, с какой течет река.

При гребле движение лодки по отношению к воде не зависит от течения и происходит так, как будто его вовсе нет; если мы сравним течение реки с поездом, а едущего пассажира с лодкой, то для всякого ясно, что на его ходьбу по вагону не влияет движение поезда. Из предыдущего, очевидно, что для того, чтобы определить передвижение лодки вдоль берега, нужно сложить или вычесть ее собственную скорость со скоростью течения. Складывать будем в том случае, когда лодка плывет по течению и вычитать при обратном движении. Так, если течение достигает 5 метров в секунду, грести же грести против течения со скоростью 6 метров в секунду, то лодка по отношению к берегу проплывет: $6 - 5 = 1$ метр (в секунду), при собственной скорости лодки, равной 3 метрам в 1 секунду, она вперед вовсе не продвинется, а, наоборот, будет относиться течением на $5 - 3 = 2$ метра.

Я не даром так подробно останавливался на плывущей лодке, с ней всегда можно сравнить планер, летящий в воздухе, только в данном случае течение реки необходимо заменить течением воздуха, т.е. ветром. Подобно лодке, планер, пролетающий в тихую погоду за 1 минуту 10 метров, будет по отношению к воздуху также летать и при ветре, однако, если противный ветер дует со скоростью хотя бы 8 метров, то перемещение планера вдоль земли за это время окажется равным не его собственной скорости, т.е. 10 метрам, а всего лишь $10 - 8 = 2$ метрам. Правда, в 1 секунду планер пролетит 10 метров, но одновременно вся масса воздуха вместе с аппаратом продвинется в противоположном направлении на 8 метров, в результате по отношению к земле он пройдет всего 2 метра.

Выше мы показали, что планер в своем полете не только движется вперед, но, кроме того, все время спускается. На чертеже 9-м дан путь аппарата, пущенного с какого-нибудь возвышения над ровным местом при спокойном воздухе. Поднявшийся ветер в данном случае замедлит или увеличит, смотря по своему направлению, скорость планера вдоль земли, но он не сможет изменить его постоянного снижения.

Теперь представим себе, что ветер дует не над ровной местностью, а набегаёт на гору (чертеж 10). Обходя препятствия, вся масса воздуха между пунктами А и Б будет не только продвигаться справа налево, но и подниматься вверх.

Пусть где-нибудь над склоном горы летит планер, по отношению к воздуху он будет продвигаться вперед, спускаясь вместе с тем каждую секунду примерно на 1 метр, вся же масса воздуха, двигаясь по склону, поднимается.

Предположим, что наша гора имеет 100 метров высоты и воздух, расстояние от ее подошвы до вершины, проходит в 50 секунд, тогда $\frac{100}{50} = 2$ метрам. В таком случае планер, его подъем в 1 секунду равен

спускающийся относительно воздуха в 1 секунду на 1 метр, по отношению к земле спускаться не будет, а, наоборот, в каждую секунду подымется на $2-1=1$ метр. С ним будет происходить то же, что с человеком, спускающимся по пожарной лестнице в то время, когда ее продолжают выдвигать вверх. Если подъем лестницы будет происходить быстрее, чем спуск по ступенькам человека, то в результате, относительно земли, он будет, хотя медленно, но подыматься. Приведем еще один пример. На чертеже 11-м изображена река. А, Б и В три пункта ее берега, тремя стрелками показано направление течения. При сильном течении человек, плывущий по направлению от А к Б, будет снесен течением и через некоторое время попадет не в пункт Б, а в точку берега В. Таким же самым образом планер, пущенный со склона холма (черт. 12-й) в пункте А, через некоторое время очутится в воздухе не в точке Б, а в точке В, он будет подобно пловцу отнесен ветром. Таким образом до тех пор, пока скорость снижения планера остается менее скорости подъема воздуха, аппарат не будет спускаться, а, наоборот, подыматься выше. Эта особенность полета планера позволяет держаться на нем в воздухе подряд несколько часов, но, конечно, при двух условиях: во-первых, местность, над которой производится полет должна быть гористой, во-вторых, необходим ветер, образующий у склонов гор восходящие потоки воздуха.

Подводя итоги всему сказанному, мы видим, что при отсутствии ветра или даже при ветре на ровной местности, планер, пущенный с какого либо возвышения, будет, двигаясь вперед, медленно спускаться, как говорят, **планировать**, если же полет совершается при ветре над горой, то аппарат сможет двигаться, не понижая своей высоты над землей и даже подымаясь, такой полет называется **парением**. Необходимость гор для долгих полетов не должна смущать русских планиристов, особенно живущих в равнинных местностях республики. Специально построенные легкие планеры позволяют использовать каждый холм и совершить с него, если не парение, то хорошие, длинные планирующие спуски.

Теперь перейдем к тому, как управляется планер в воздухе и каково значение его главных частей.

Многу выше было указано, что каждый планер имеет три основных части: передние большие крылья (их называют еще плоскостями), фюзеляж и задние небольшие плоскости (см. черт. 13-й). Роль больших крыльев ясна из предыдущего, они основа каждого планера и без них полет невозможен. Плоскость меньшего размера, помещаемая в конце туловища аппарата и составляющая его хвост, может поэтому менять свой наклон и принимать любое положение из показанных на чертеже 15-м цифрами 1, 2, 3.

Эта подвижная плоскость называется **рулем высоты**. Иногда подвижной делается лишь часть ее, в таком случае неподвижный участок носит название **стабилизатор**. Если летчик во время полета планера захочет спуститься, ему естественно необходимо наклонить аппарат на нос и этим заставить его быстро скользить вниз. Пользуясь рулем высоты, спуск достигается очень просто; достаточно поворотом ручки управления, связанной тросом (провоолокой) с рулем высоты, поставить его в положение, указанное на чертеже 15-м цифрой 3, тогда, в виду значительного наклона плоскости, воздух начнет ее усиленно приподнимать, вместе с тем подымая хвост и придавая всему аппарату наклонное положение, необходимое для спуска. Ставя руль высоты в положение 1-ое, мы добьемся обратного явления, хвост опустится, а нос планера подымется. Действие руля высоты необходимо не только для

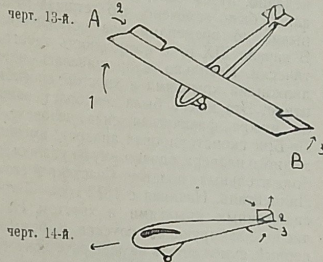
спуска и подъема; им достигается, кроме того, продольная устойчивость. Сильный порыв ветра всегда может поставить аппарат на дыбы, поднять его переднюю часть; для того, чтобы привести планер в равновесие, необходимо сейчас же увеличить подъемное действие воздуха на хвост, т.-е. поставить руль высоты в наклонное положение, показанное цифрой 3. При порыве же ветра, прибивающем нос аппарата к земле, придется воспользоваться 1-м положением руля, и действие воздуха, показанное на чертеже стрелкой, выравнивает аппарат.

Порыв ветра может быть и боковым, тогда он, приподымая, хотя бы правое крыло, будет валить аппарат на сторону. Совершенно непланера достигается тем, что задние концы крыльев делаются, как показано на чертеже 14-м, на шарнирах подвижными и носят название **элеронов**. Если ветер, действуя по направлению стрелки 1-ой, кинуть аппарат, летчик, пользуясь опять-таки ручкой управления, поставит элероны, как показано на рисунке, тогда действие на них воздуха, направленное по стрелкам 2 и 3, заставит крыло А опуститься, крыло В поднимется и приведет планер в равновесие. Для боковой устойчивости у планеров часто не делаются элероны, тогда их заменяют задние гибкие концы крыльев, связанные с управлением и действующие совершенно так же, как элероны.

Планер, снабженный элеронами и рулем высоты, способен сохранять устойчивость даже при бурной погоде; на хорошо построенном аппарате летчик всегда сумеет парировать самые неожиданные порывы ветра.

Необходимо добавить, что в хвосте аппарата ставится еще небольшая вертикальная плоскость—**руль направления** (черт. 13-й) Его действие совершенно схоже с действием руля лодки и на нем я останавливаться не буду. Этот руль позволяет планеру делать повороты, описывать круги, восьмерки. Управление им обыкновенно производится ногами.

Нам остается описать последнюю существенную часть планера, необходимую не для самого полета, а для подъема с земли и спуска на нее. В полет планер пускается совершенно так же, как змей. К передней части аппарата прикрепляется веревка, несколько человек, держа ее, бегут по склону холма или горы против ветра и тянут за собой планер, последний некоторое время скользит на земле, а затем, приобретя необходимую скорость, подымается, в эту минуту летчик особым приспособлением освобождает аппарат от веревки и полет производится так, как было описано выше. Из сказанного ясно, что каждый планер должен иметь приспособление для разбега на земле. Эти приспособления, называемые **шасси**, бывают различны. Иногда на ось, прикрепленную к передней части фюзеляжа, надеваются колеса или, могущие вращаться, футбольные мячи, иногда колес не ставят,

а вместо них укрепляется лыжа, благодаря которой аппарат скользит по земле при подъеме и спуске.

Я указал выше, что руль высоты и элероны связаны троссами с ручкой управления. Она обыкновенно устраивается в виде вертикально укрепленной у сиденья летчика трубки. Благодаря особому шарниру ручка может качаться как вперед и назад, так и вправо и влево. Первые движения передаются на руль высоты, вторые на элероны или гибкие концы крыльев. Ноги летчика упираются в рычаг, укрепленный посредине и связанный с рулем направления. Все управление планером сводится к движению руки в 4 стороны и к легким движениям ног.

В предыдущих строках мы ознакомились с основами полета планера и его существенными частями, теперь же коснемся истории планирования и его последних достижений.

Еще два года тому назад планизм был почти забыт, все внимание устремилось к моторному летанию — к самолету. Незнакомым с историей авиации может даже показаться, что планер изобретен недавно, путем снятия с самолета мотора. Однако, это не так. Очень давно было замечено, что летящая птица машет крыльями не бесперывно, но временами она останавливает их и скользит в воздухе. В начале XIX века возможность такого полета была доказана математически. Невольно напрашивалась идея аппарата, снабженного неподвижными крыльями и хвостом, способного парить в воздухе, подобно птице. Эта мысль была тем более заманчива, что для такого полета не нужна физическая сила человека. Уже в 1857 году англичанин Ле-Бри сконструировал аппарат, имеющий все основные части современного планера, однако, ему не удалось совершить сколько-нибудь продолжительных полетов. Счастливей его оказался немецкий техник Отто Лилиенталь. Начиная с 1872 года Лилиенталь строит ряд планеров, снабженных крыльями и хвостом. На них он совершил громадное число планирующих спусков и, безусловно, мог гордиться тем, что первый сумел летать на аппарате тяжелее воздуха. Правда, Лилиенталь не удавалось долго планировать, его лучшие спуски продолжались около 25—35 сек., при чем планер пролетал до 350 метров, однако, и такие результаты были громадны для того времени. В 1896 году Лилиенталь погиб при одном из своих полетов, но его дело не заглохло и стало особенно развиваться американцами — профессором Шанютом и братьями Райт. Последние добились особенно хороших результатов: лучший их полет длился 1 мин. 12 сек., а наибольшее пройденное расстояние достигло 630 метр. Наконец, Райты решили поставить на свой планер мотор, превратив его тем в самолет. В 1903 году они впервые поднялись на воздух с помощью мотора и тем открыли новую эру в истории воздухоплавания.

Хотя самолет целиком вырос из планера, его успехи приостановили развитие планизма. Все изобретатели и конструкторы занялись авиацией, и она на наших глазах в какие-нибудь 10—15 лет достигла колоссальных успехов. Однако, планизму суждено было возродиться и, как ни странно, в этом возрождении сыграл значительную роль Версальский мир. Последним бою частью германского воздушного флота была уничтожена и само производство самолетов ограничено крайне стеснительными условиями. Кроме того, разоренная страна была не в силах вести в крупном масштабе работы в области опытного самолетостроения. Часть немецких авиационных работников обратились тогда к планизму и, применив в этой области те знания,

которые накопились за блестящий период развития авиации, достигли поразительных успехов.

В Германии с 1920 года стали устраиваться планирные состязания в Роне. Результаты этих состязаний наглядно показывают развитие безмоторного летания.

Возьмем несколько цифр.

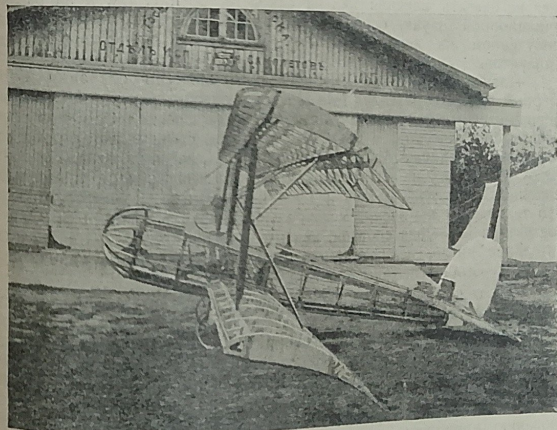
Продолжительность полета в 1920 г.	—	2 мин. 30 сек.
" " в 1921 г.	—	5 мин.
" " в 1922 г.	—	3 час. 10 мин.

Последний полет произведен планером „Вампир“ Ганноверского Авиационного Общества.

Пройденное расстояние за 1 полет (лучшее)	в 1920 г.	—	1 83 километра
	в 1921 г.	—	3,9
	в 1922 г.	—	10

Кроме того, в 1922 году был совершен ряд парящих полетов, при которых планеры подымались значительно выше своего взлета (до 350 метров). Состязания 1923 года не дали лучших результатов, зато после их окончания планер „Консул“ Дармштадтской Высшей Технической Школы совершил полет в 19 километров по прямой линии, поставив этим мировой рекорд дальности полета, а летчик Шульц добился также мирового рекорда, продержавшись на своем аппарате 8 ч. 36 мин. Успех планизма в Германии не мог не возбудить к нему всеобщего интереса. Ряд состязаний во Франции и Англии показал, что безмоторный полет достиг высокого совершенства и в этих странах.

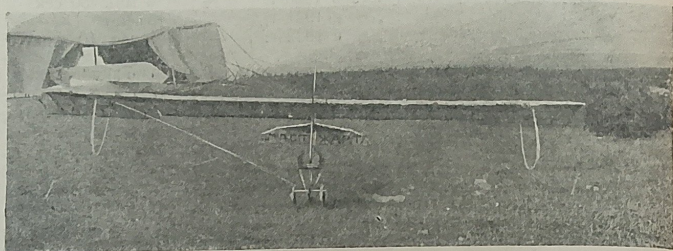
В особенном положении должен находиться планизм в России. С одной стороны, нам трудно конкурировать с Западом в силу своей

Ост. в планера, строящегося под руководством Планирной Секции В. Н. О. Ак. Возл. Фл.

общей авиационной отсталости, с другой—планеризм нам нужен более, чем кому бы то ни было.

Во-первых, дешевизна постройки планера, ее относительная простота, позволяет приблизить дело воздушного флота к массам, привлечь их к непосредственной активной работе.

Планер рабочего кружка „Мастиярт“.

Во-вторых, планеризм сможет подготовить непосредственно летный персонал, дав первоначальное обучение полетам.

И, наконец, в третьих, конструирование и постройка планеров приносит непосредственную пользу авиационному строительству и науке. Проба в воздухе аппаратов новых форм, применение в постройке планеров различных деталей своеобразных конструкций не может не оказать влияния как на самолетостроение, так и на развитие авиационной науки, особенно нуждающейся в опытном материале, полученном из непосредственных наблюдений полетов различных аппаратов.

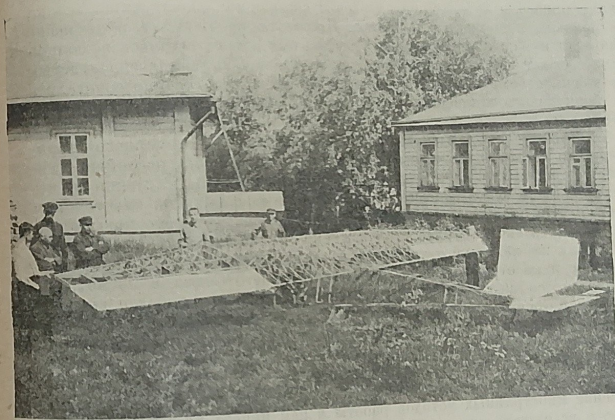
Планеризм в СССР возродился со времени создания ОДВФ. Первый этап его развития был завершен опытно-показательными планерными испытаниями, организованными спортсекцией ОДВФ в ноябре месяце прошлого года в Крыму. Соревнования были в свое время освещены на страницах „Молодой Гвардии“, и я на них останавливаться не буду. Не могу не отметить лишь 2-х полетов планера т. Арцеулова, длившихся 41 мин. 10 сек. и 1 час 2 м. 30 сек., которые показали, что технически мы вполне можем культивировать планеризм. Однако, соревнования 1923 года собрали, как это и можно было ожидать, незначительное число, исключительно московских планеров, из которых в воздухе были испытаны лишь 5.

1924 год принес совершенно другую картину. Мы не знаем еще результатов, протекающих сейчас планерных состязаний, но число участвующих аппаратов само говорит за то, что планеризм пустил в Республике глубокие корни. Непосредственно в Москве 13 кружков, руководимых Планерной секцией В.Н.О. Академии Воздушного Флота, построили и отправили на состязание 16 аппаратов. В кружках велась не только постройка планеров, но и занятия по теоретическому обоснованию принципов полета, дававшие всем практическим работам кружков научный фундамент.

Не говоря о планерной секции ВНО Академии Воздушного Флота, проводившей инструкторско-организационную работу и построившей

4 планера, основным ядром планерного строительства в Москве явились массы рабочей и учащейся молодежи. Кружки Центрального клуба, РЛКСМ, Хамовнического района, Мастерских Тяжелой Артиллерии, Завода Автопринадлежности, 1-й Образцовой Типографии, МОГЭС, Миусского Травматического парка, завода Дукс, Авто-Базы, Совнаркома, Ломоносовского Института, МИПС, Высших Технических курсов НКПС и 50 й Трудовой Школы 2-й ступени вполне закончили постройку планеров и участвуют в текущих состязаниях. Кроме перечисленных выше планерных организаций, входящих в объединение Академии Воздушного Флота, кружки—Нарофоминский, Звенигородский, Богородский, Подольский и МВТУ дали еще 6 аппаратов. Таким образом, от Москвы на состязания принимают участие 22 оригинальных планера.

Сделанное перечисление наглядно показывает высокую интенсивность работы Московских планеристов, еще более отраднo то, что состязания этого года являются действительно всесоюзными, так как в них, кроме Московских, участвуют более 20 аппаратов, посланных в Крым местным ОДВФ из разных концов СССР.

Постройка планера Богородским кружком.

Планеризм нужен авиации, нужен Республике, он стоит на пути к блестящему развитию и, несомненно, является мощным рычагом создания авиационной культуры и сближения широких масс с делом Воздушного Флота.

К. Х. КЕКЧЕЕВ.

Центральный Институт Труда ВЦСПС.

По преданию, за тысячу лет до нашего времени, наши предки-славяне призвали чужеземцев варягов и сказали им: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет“. Прошло свыше 1000 лет, а неумение навести порядок и организовать жизнь, быт и труд осталось в полной силе. Советская власть получила от паризма очень тяжелое наследство: вопиющая бедность и некультурность населения странно сочетались с громадными природными богатствами страны и ее огромными возможностями.

Ковчилась гражданская война и настала эпоха мирного строительства, и вот в это время особенно остро сказалось российское неумение работать. На это неоднократно указывал В. И. Ленин и неустанно с ним везде боролся; вся коммунистическая партия вместе с ним вела с этим злом непрерывную борьбу; наконец, вопрос о повышении производительности труда стал важнейшим вопросом нашего времени.

Как же надо работать? Есть ли наука об этом?

Если не ограничиваться пределами нашего Союза, а посмотреть, что делается за-границей, то можно увидеть наряду с более высокой техникой прекрасную организацию труда, основанную, с одной стороны, на научных данных, с другой — на многолетнем опыте. Поэтому, естественно, встает вопрос о перенесении к нам, в Советскую Россию, новых для нас форм организации труда.

Однако, при этом надо твердо помнить, что механическое перенесение иностранных методов работы к нам ничего хорошего дать не может, вследствие огромной разницы между условиями жизни и труда за рубежом и у нас. В СССР на иное надо обращать внимание и иначе вводить научную организацию труда, или, сокращенно, НОТ.

Наиболее большими местами у нас являются малая квалификация нашей рабочей силы и ее неумение организовывать труд. Поэтому задачи подготовки (и переподготовки) рабочей силы и реорганизации работы в предприятиях и учреждениях для Советской России наиболее важны и актуальны.

Над их разрешением работают многие учреждения в СССР; важнейшим и крупнейшим из них является Центральный Институт Труда (см. рис. 1), созданный в 1920 году Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов; российские профсоюзы в качестве представителей правящего класса в СССР не только близко принимали к сердцу вопросы организации промышленности, но и активно работали в этом направлении.

№ 9

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ТРУДА ВЦСПС

207

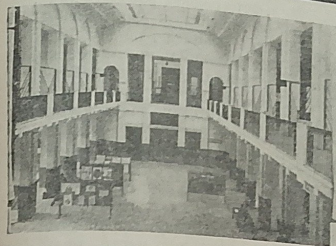

Рис. 1. Главный зал Центрального Института труда.

Одним из проявлений этой работы и явилось создание ЦИТ'а; с момента своего основания, ЦИТ четко и ясно поставил себе две задачи:

1) переподготовку квалифицированной рабочей силы страны и 2) реорганизацию предприятий и учреждений на научных основаниях.

Для решения первой задачи А. Гастевым, заведующим Институтом, была выдвинута методика

скользящего и надежного обучения основным операциям (вначале речь шла об основных операциях слесарно-кузнечного дела). Эта методика заключалась в детальнейшем анализе каждой операции и в планомерном обучении отдельным элементам этой операции, начиная от простого и кончая сложным и трудным (см. рис. 2). Применение методики ЦИТ'а имело место на курсах инструкторов производства (сделано уже 10 выпусков), причем оказалось, что достаточно 3-х месяцев для обучения человека основным слесарным и кузнечным операциям.

Обычно, практика была такова, что партия, профсоюзы и некоторые наркоматы (НКПС, НКТ и др.) командировали в ЦИТ людей, либо совершенно незнакомых со слесарным делом, либо имевших целью переподготовку.

В настоящее время эта методика, подробно описанная в книге ее автора „Трудовые установки“, принята Главпрофбром для фабзавучей.

Основные начала разработанной Гастевым методики обучения оказались применимыми не только к операциям по обработке металла, но и к ряду других операций вплоть до операций, основой которых является труд не физический, а умственный. Это как раз имеет место на так-называемых курсах операторов, где идет тренировка наблюдательности, исполнительности и других качеств, необходимых организатору-администратору.

Вторая линия работ, это так называемая консультационная линия. Работы в этом направлении ведутся уже не в самом здании института, а вне его, непосредственно на местах производства, на фабриках и заводах, а также в учреждениях.

Работа ведется многими способами, но общая схема такова: опытная станция ЦИТ'а (2—3 человека) производит вначале так называемое обследование предприятия и выясняет его слабые стороны. Наиболее часто пользуются при этом

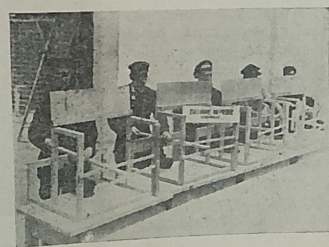

Рис. 2. Разработка методов массового обучения слесарным операциям.

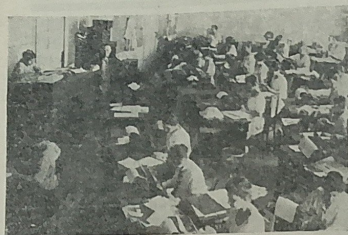

Рис. 3. Машинное бюро Центросоюза, над реорганизацией которого работала орг-станция ЦИТа.

«фотографией рабочего дня», сводящейся к систематической записи на бланках наблюдений моментов начала и конца отрезков работы. При обработке такой фотографии обычно удается установить очень многое: выясняется количество и продолжительность прогулов и потерь времени среди рабочего дня, их причины, степень загрузки людей-станков. Весьма часто опытные станции пользуются также методом хронометража, т.е. записи продолжительности отдельных операций и их элементов; такая запись, умело и беспристрастно обработанная, является ценнейшим материалом для суждения о так называемых нормках выработки; иногда на заводах ставятся систематические наблюдения и эксперименты, имеющие целью выяснение больных мест в исследуемом предприятии или учреждении. После обработки результатов исследования опытная станция дает конкретные указания, что надо изменить, чтобы работа шла лучше и производительность стала выше.

Однако, в последнее время опытные станции начинают расширять свою деятельность, уже не ограничиваясь исследованием и дачей советов заводоуправлению, но и активно внедряясь в предприятие и проводя до конца намеченный план реорганизации.

Чтобы показать, как разносторонняя деятельность консультационного отдела, перечислим здесь некоторые консультации:

В минувшем году обследовалась работа Центросоюза (см. рис. 3), ПУР, изучался труд сельскохозяйственных рабочих (в Тимирязевской Академии), заготовительное, упаковочное и стекольное отделения оптового склада Фарматреста; опытная станция была при ГУМе, где она обследовала 36 магазинов и обращала особое внимание на постановку учета товаров; опытная станция при Таганской тюрьме занималась обследованием мастерских, станция на электроламповой фабрике изучила и предложила реорганизовать почти весь ход производства; были опытные станции при типографиях, при Моск. Комму. Хозяйстве (отдел благоустройства). В настоящее время ряд новых орг-станций ведет интенсивную работу в текстильной промышленности.

Предметы исследования самые разнообразные, и может на первый взгляд получиться впечатление разбросанности; однако, это не так, и практика показывает, что методы научной организации труда, действительно, могут быть применены весьма широко.

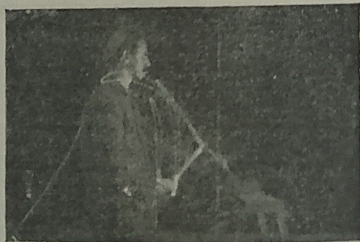

Рис. 4. Циклограмма рубки зубилом, лампочки укреплены на молотке, у основания среднего пальца и на запястьи.

Работа станций развивается с каждым днем и уже сейчас совершенно определенно выяснилось, что тщательно продуманная реорганизация предприятия дает огромные экономические результаты, оставляющие далеко за собой небольшие расходы по содержанию станций. Так, для примера, можно указать цифры по одной станции:

В области метания угля (МКХ) предложение станции вызвало резкое сокращение штатов и удешевление аппарата на 28.848 рублей; даже такая, казалось, простая вещь, как отвозка мусора, и та поддалась реорганизации, дав сокращение расходов на 259.210 рублей ежегодно.

В заводах выгоды существования орг-станций еще более значительны, т.к. рекомендуемые ими методы работы ведут к сокращению накладных расходов и удешевлению продукции. Если считать учебную и консультационную работу фронтом, обращенным вовне, то лабораторную работу можно назвать тылом; здесь идет разработка новой, и не только у нас, науки — **трудосведения**; эта наука и очень сложна и чрезвычайно обширна, но вместе с тем без ее разработки нельзя говорить о подлинной научной организации.

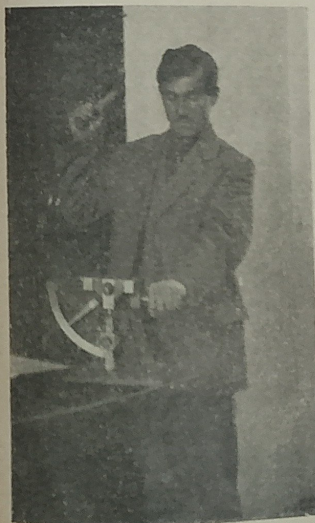

Рис. 6. Испытание мышечной памяти при помощи импульсометра.

Рис. 5. Запись энергограммы.

Наиболее важной лабораторией являлась до сих пор **био-механическая**, ставившая себе целью детально изучить рабочие движения и их так изменить, чтобы производительность работы была выше; для изучения рабочих движений ЦИТ применяет т.наз. метод циклограмм, заключающийся в съемке на неподвижную пластинку светящихся электрических лампочек, прикрепленных в определенных точках тела испытуемого; полученный на пластинке световой след подвергается в лаборатории промериванию и вычислению; в результате лаборатория находит более экономные, в смысле затраты сил, движения (см. рис. 4).

Физиологическая лаборатория изучает обмен энергии в организме при различных положениях и движениях тела и дает „нормальные“ положения и „нормализованные движения“. Она же ведет физиологический контроль над прохождением курсантами курсов, при помощи изучения состава крови и отчасти мочи. Главнейшая же задача — это дать физиологическое объяснение упражняемости, и тем самым подвести прочные основы под применяющуюся методику обучения.

Психофизиологическая амбулатория исследует всех поступающих на курсы Ин-та; стало общеизвестным, что между строением тела человека и пригодностью его к профессии есть определенная связь, и поэтому чрезвычайно важно определить, годен ли данный кандидат в курсанты еще до начала занятий. Амбулатория измеряет его (рост, длину ног, вес, объем грудной клетки), исследует деятельность сердца и легких, изучает состояние мышечной силы и мышечной памяти (см. рис. 5 и 6), испытывает психические способности и выносит решение об его пригодности или, наоборот, непригодности к работе на курсах инструкторов производства.

При исследовательском отделе имеется единственная в СССР научная библиотека, содержащая богатейший литературный материал в виде иностранных книг и журналов.

Однако, ЦИТ не ограничивался только переподготовкой рабочей силы и введением научно-обоснованных методов работы; он вел широкую пропаганду в газетах („Правда“, „Труд“, „Коммунист“ в Харькове и др.) и журналах; созданное им издательство и книжный магазин разбросали по необъятному СССР тысячи книг и брошюр и тем самым способствовали проникновению идей НОТ'а в широкие массы населения. Через музей Института прошла не одна тысяча посетителей, познакомившихся на практике с принципами, методами и результатами введения НОТ.

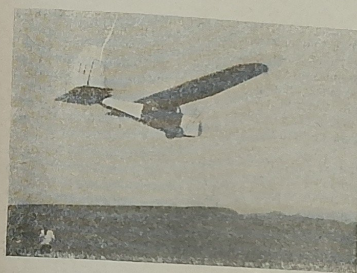
В заключение, следует отметить, что в небольшой статье можно лишь бегло коснуться работы Института; подробное ее освещение можно найти в органе ЦИТ'а — журнале „Организация Труда“, издаваемом ВЦСПС.

Как раз в настоящий момент ЦИТ стоит на переломе. Задачи, поставленные перед ним профсоюзами и партией, настолько велики, что форма Института оказывается уже недостаточной и важнейшие функции ЦИТ'а — переподготовка рабочей силы и реорганизация предприятий и учреждений — передается другой организации — более мощной — акционерному обществу „Установка“; это общество создано совместно ВЦСПС, ВСНХ, НКТ и НКПС и имеет своей задачей применять достижения ЦИТ'а лишь в широком масштабе, как этого требует обстановка настоящего дня. Самый же ЦИТ превращается в огромное исследовательское бюро при „Установке“.

Вторые Всесоюзные планерные испытания.

Г—НО.

Одним из крупнейших событий текущей авиационной жизни Республики безусловно явились недавно окончившиеся вторые Всесоюзные планерные испытания. Испытания, организованные спортсменкой О. Д. В. Ф. С. С. С. Р., должны были подвести итог работе в области планеризма в 1924 году и послужить этапом к ее дальнейшему развитию и углублению.

Рекордный полет „Москвича“.

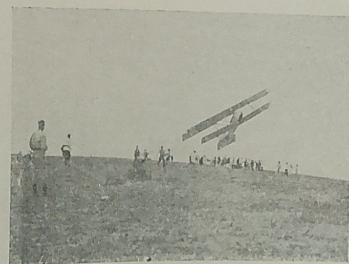
Местом испытаний явились склоны гор Кара-Оба (высота около 0 метров) и Узын-Сайт (высота свыше 100 метров), расположенных в 18 верстах от Феодосии. Первая гора была использована для учебных полетов и планирующих спусков, вторая — для больших планирований и парения. Испытания закончили собой почти весь сентябрь, начавшись 3-го и окончившись 28-го.

Первое, что необходимо отметить в протекавших испытаниях, это большое число участников. В Феодосию прибыло 49 планеров; 4 из них, из-за задержки в пути, не могли быть собраны к сроку, и непосредственно в испытаниях участвовали 45 аппаратов. Не перечисляя подробно организаций, построивших планеры, укажу только, что в громадном большинстве аппараты явились результатом работ кружков рабочей и учащейся молодежи, и только 5 строились в авиационных мастерских. Из 45 указанных планеров 23 дало М. О. Д. В. Ф., 11 — Украина и 11 — провинциальные О. Д. В. Ф. Общий уровень планеров оказался вполне удовлетворительным; по приблизительной оценке 18 аппаратов показали очень хорошие летные качества, 18 совершали непродолжительные полеты и лишь 9 оказались непригодными для полетов. Неудача планеров последней группы, в большинстве случаев, объясняется не безграмотностью конструкций, а полным отсутствием на местах необходимых материалов, вызвавших перетяжеление аппаратов. Всего на испытаниях было совершено 572 полета, общей длительностью 26 час. 30 мин. 20 сек.

Переходя к конкретным достижениям испытаний, остановимся на трех важнейших.

Учебный планеризм.

Вопрос учебного планеризма является для нас основным. Рассчитывая на широкий захват

Одна из катастроф во время состязаний; планер падает на крыло.

массо делом планерного строительства возможно лишь в том случае, если окажется очевидным, что аппарат, построенный каким-либо кружком, может быть использован им в любой местности для обучения полетам участников постройки. До настоящего времени не были выяснены, по-первых, тип планера, способного летать при слабом ветре с небольших склонов, во-вторых, самый метод обучения полетам. Испытания ответили на оба указанных вопроса. Не останавливаясь подробно на постановке учебных полетов, укажу только, что Академия Воздушного Флота дала 2 почти образцовых учебных аппарата. Эти планеры, построенные без специальных мастерских, цехов учебных аппаратов. Эти планеры, построенные Образцовой типографией, совершили свыше 180 полетов со склонов высотой от 10 метров, при слабом ветре; на них, по сравнению с временно выработанным методом, обучалась группа товарищей, ранее не летавших, из которых 4, закончив курс, получили звание пилотов-планеристов.

Рекордные достижения.

В области продолжительных парений ряд аппаратов достиг блестящих результатов. Летчик Юнгмейстер, на планере М. О. Д. В. Ф. "Москвич", конструкции инженера Лучинского, совершил 23 сентября полет длительностью 5 час. 15 мин., поднявшись над местом вылета на 307 метров. Этим полетом был поставлен всероссийский рекорд длительности и высоты. Отличные полеты произвели летчики Зернов на планере "Ларионович", построенном слушателем Академии Воздушного Флота Артамоновым и планером кружка Высших Технических Курсов Н. К. П. С., и Яковлук на планере К. П. И. Р., Киевского Политехнического Института имени Раковского; первый парил 4 ч. 29 м. 45 с., второй—4 ч. 15 м.; оба дали высоту над местом вылета, превышающую 200 метров. Кроме перечисленных полетов, не уступающих достижениям немцев, французов и англичан, многие планеры совершили парения продолжительностью до 1½ часа.

В области инженерии и чисто научной испытанию дали обильнейший материал и опыт. Здесь нельзя не отметить отличных полетов планера тов. Б. Чарановского, построенного в Акад. Физ. Указанный планер имеет совершенно оригинальную форму, представляя из себя одно лишь толстое крыло, параболического очертания, без корпуса и хвоста. Внимательные исследования летных качеств планера Чарановского будут продолжены после окончания испытаний и, возможно даже, послужат причиной переворота в самолетостроении.

Значительно омили испытания жертвы, неизбежные, к сожалению, в деле завоевания воздуха. Благодаря поломкам планеров в воздухе, погибли выдающиеся летчики т.т. Клементьев и Руднит. Их смерть,—тяжелая утрата для Республики,—должна и будет возмещена еще большим подъемом в области планерного строительства, толчком к которому безусловно являются протекающие испытания.

Золото из ртути.

А. И.

Мечтой средневековых алхимиков было получение золота из неблагородных, дешевых металлов, между прочим и из ртути. А вот совсем недавно, оказывается, эта мечта алхимиков сбылась. Берлинский профессор Мите со своим сотрудником Штамрейхом случайно заметили, что в кварцевой ртутной лампе при продолжительном пропускании (до 200 часов) электрического тока на стенках оседает какой-то металлический налет. Мите решил исследовать ртуть из этой лампы. В ней оказалось в 5 килограммах около ½ грамма металла, который был по всем своим свойствам одинаков с золотом. Тогда он для проверки очистил тщательно предварительно ртуть, в ней не было никаких следов золота, влил ее в лампу, заставлял последнюю снова долго работать, и вот опять в ртути накопилось золото.

Мы должны сделать заключение, что при прохождении электричества через ртуть в ней образуется золото. Атомы ртути каким-то образом преобразуются в атомы золота. Чтобы объяснить процесс превращения атома ртути в золотой, обратим прежде всего внимание на тот факт, что золото и ртуть в Периодической Системе элементов занимают соседние места: золото (с атомным весом 197,2) находится в 81 клетке, а атомный номер ртути—82. Атомный вес ртути—200,6; но еще в 1920 г. английскому физiku Астону удалось доказать, что ртутные атомы встречаются лишь с весами в 197, 198—204 (с атомными весами, выражаемыми целыми числами). Обычная же ртуть (ат. вес 200,6) представляет смесь совершенно однородных химически элементов, с различными целыми атомными весами от 197 до 204. Такие элементы называются теперь **изотопами**, т. е. занимающими одинаковое место—одну клетку в Периодической Системе элементов. Дробные атомные веса других элементов объясняются подобным же образом.

Весьма важно, что самый легкий из изотопов ртути (с ат. весом 197) имеет тот же атомный вес, как и атом золота. Атомы с одинаковыми весами, но принадлежащие различным элементам, следовательно, обладающие различными химическими свойствами, называются **изобарами** ("одновесными"). Атом золота и самый легкий атом ртути оказываются изобарами. Отсюда видно, что превращение ртути в золото может происходить без изменения веса атома.

По современным воззрениям всякий атом состоит из ядра, заряженного положительным электричеством, и из электронов, отрицательно заряженных, вращающихся вокруг этого ядра. Самый простой, а вместе с тем и самый легкий атом—это атом водорода. Устроен он следующим образом: ядро его имеет один элементарный положительный заряд. Вокруг этого ядра, на большом по сравнению с размерами ядра расстоянии вращается с громадной скоростью один электрон. Ядро однократного атома является наименьшей частицей, несущей на себе

наименьший заряд положительного электричества, это есть атом положительного электричества, его принято теперь называть протоном. Электрон в свою очередь есть атом отрицательного электричества. Масса электрона оказалась почти в 2000 раз меньше протона. Таким образом, масса атома оказывается сосредоточенной в его ядре.

Атомы других элементов также состоят из положительного ядра и вокруг последнего вращаются электроны. Число этих электронов возрастает по мере передвижения по Периодической Системе от легких атомов к тяжелым. Оказалось, что число электронов равно в точности порядковому номеру элемента в Периодической Системе: у водородного атома—1, у гелия 2, у лития—3 и т. д., у золота—81, у ртути 82, и т. д., наконец, у самого тяжелого из известных атомов, урана—92.

Ядра атомов в свою очередь состоят из протонов и связующих их электронов. Так, ядро гелия состоит из четырех протонов и двух соединяющих их электронов. Масса ядра гелия будет в четыре раза больше массы водородного ядра протона, а это так и должно быть, т. е. атомный вес гелия по отношению к водороду равен 4. Заряд ядра гелия, как легко рассчитать, оказывается равным двум положительным зарядам.

В ядре атома сосредоточена вся его главная масса, следовательно, вес атома зависит от его ядра или от числа протонов, находящихся в этом ядре.

Химические свойства атома, по современным воззрениям, зависят от заряда ядра и от числа и расположения внешних электронов атома.

Превращение атома ртути в атом золота, как мы указывали, может не сопровождаться изменением атомного веса. Отсюда, можно заключить, что в ядре остается одно и то же число протонов.

Но при этом превращении атом должен изменить свои химические свойства. Следовательно, должен измениться заряд ядра и измениться число и расположение внешних электронов. Вспомним, что порядковый номер золота—81, а ртути—82. У атома ртути было, следовательно, 82 наружных электрона, а у атома золота их должно остаться всего 81. Один электрон при превращении атома ртути в атом золота остается лишним. С другой стороны, заряд ядра атома ртути был +82, а заряд атома золота должен быть +81. Таким образом, превращение ртутного атома в золотой должно сопровождаться уменьшением на единицу положительного заряда ядра. Это можно сделать двумя способами: или отнять от ядра один положительный заряд (протон) или, наоборот, прибавить к нему один отрицательный заряд (электрон).

Мы видели, что у нас остался лишним один наружный электрон. Вот этот-то электрон под действием электрического тока, по мнению знаменитого английского химика Ф. Содди, в изотопе атома ртути (197) проникает в его ядро, в то же время остальные наружные электроны соответствующим образом перегруппируются и ртутный атом преобразуется в золотой.

Таков процесс превращения ртути в золото.

Факт превращения ртути в золото имеет большое научное значение. Однако, практического применения такой способ получения золота иметь не может. Слишком дорого, оказывается, обходится такое золото, добытое из ртути. Нечто подобное было и с получением искусственных бриллиантов. Способ их получения найден, но искусственные бриллианты обходятся значительно дороже, чем естественные.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемые товарищи!

В № 5 журнала „Молодая Гвардия“ помещена статья тов. Я. Гиндина: „Ленин, как строитель пролетарского государства“. В этой статье столкновения в Коллегии Наркомтруда между т. Шляпниковым и покойным В. П. Ногиним.

Сообщение это может породить ряд неправильных заключений у читателей о роли т.т. Шляпникова и Ногина в этом конфликте, почему я решил написать пару слов по этому поводу.

Мне пришлось по поручению ЦК РКП быть председателем комиссии по рассмотрению разногласий, обнаружившихся между т.т. Шляпниковым и Ногиним. Разногласия эти носили гораздо более серьезный характер, чем устройство на службу родственников тов. Шляпниковым, как это пытается представить тов. Гиндин.

Момент был чрезвычайно сложным, организационная линия комиссариата далеко еще не выявилась. Центральный аппарат Наркомтруда после эвакуации из Ленинграда в Москву сильно порасстатался, а Московский Областной, во главе которого стоял упорный организатор В. П. Ногин, не так легко срабатывался и прищартовывался к Центральному.

Рассматривая все недоразумения и несогласованность в работе, ЦК пришел к заключению о необходимости назначить во главе Наркомтруда т. В. В. Шмидта, предприняв этим самым уход и т. Шляпникова и В. П. Ногина.

Все это я сообщал для того, чтобы у наших молодых товарищей не составилось впечатление о том, что конфликт, потребовавший назначения комиссии ЦК РКП, заключался в каких-то разногласиях из-за увольнения двух родственников т. Шляпникова.

Такое изложение „истории“ может породить больше кривотолков, чем пролить правильный свет на грандиозное строительство нашей революции.

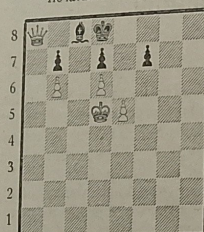
Г. Ломов.

ШАХМАТЫ

Под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского

Задача № 7.

Н. Д. Григорьев (Москва).
Печатается впервые.

a b c d e f g h

Мат в 3 хода.

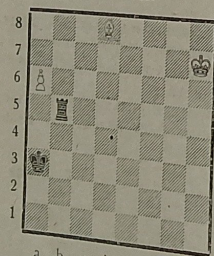
Бел.: Кр d5 Ф a8 п b6, d6, c5.....(3)

Черн.: Кр d8 С c8 п b7, d7, f7.....(5)

Этюд № 7.

А. А. Троицкий (Чернозёрье, Пена, г.).

Из сборника его этюдов, только что вышедшего в свет.

a b c d e f g h

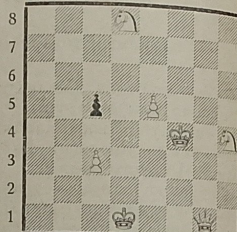
Белые выигрывают.

Бел.: Кр h7 С d8 п a6.....(3)

Черн.: Кр a3 Л b5.....(2)

Задача № 8.

А. В. Немцов (Москва).
„Кр. Газета“ 1924 г.

a b c d e f g h

Мат в 3 хода.

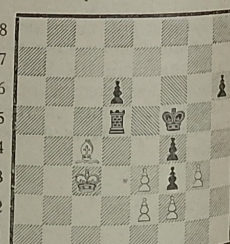
Бел.: Кр d1 Ф g1 К d8, h4 п c3, e5(6)

Черн.: Кр f4 п c5.....(2)

Этюд № 8.

А. С. Селезнев (Москва).

Из недавних этюдов, помещенных в иностран. печати.

a b c d e f g h

Белые выигрывают.

Бел.: Кр c3 С c4 п e2, e3, f2, g3.....(6)

Черн.: Кр f5 Л d5 п d6, f3, f4, h6.....(4)

№ 9

ШАХМАТЫ

217

Партия № 7.

Играна 11-го сентября 1924 г. в пятнадцатом туре турнира—чемпионата СССР. Премия первая приз за красоту.

Жертва ладьи, ведущая к форсированному разгрому.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ.

Б. М. Верлинский.

Г. Я. Левенфиш.

1. e2—e4
2. К g1—f3
3. С f1—b5
4. С b5—a4
5. К b1—c3
6. О—О
7. С a4—b3
8. d2—d3
9. К c3—d5
10. К d5—e7+
11. К f3—e1

- e7—e5
- К b8—c6
- a7—a6
- К g8—f6
- С f8—b5
- d7—d6
- О—О
- К c6—a5
- Ф d8—e7

Белые стремятся к открытию линии f, однако, они не учитывают того, что открытие этой линии на руку черным.

11.
12. a2—b3
13. f2—f4
14. e4—f5

- К a5—b3
- К f6—d7
- f7—f5!

Белые вынуждены брать пешку, т. к. черные играют fe, после чего пешка e4 становится чрезвычайно слабой. Теперь для черного слона c8 открывается сильная диагональ a8—h1.

14.
15. К e1—f3

- Л f8—f5

Плохо было 15. fe, т. к. тогда после 15... Лf1+; 16 Кр:f1 Кe5; 17. Кр g1 С g4; 18. Ф d2 Л f8 и черных получается сильная атака.

15.
16. С c1—d2

- С c8—b7

Ничего не давало e4, т. к. после 16. К d4 белые отыгрывают пешку.

16. С c1—d2

Белые провоцируют черных побить на f4, имея в виду ничейную комбинацию. Однако, эта комбинация приводит к совершенно неожиданному для них продолжению.

16.
17. К f3—d4

- e5:f4!

Уже беря эту пешку черные должны были быть готовы к предстоящему пожертвованию ладьи.

17. К f3—d4
18. К d4—f3

- Л f5—g5

Белые рассчитывают или отыграть пешку f4 или вынудить повторение ходов.

18.
19. h2—h3

- Л g5—g4
- Л g4:g2+!!

И другие ходы не спасают.

22.
23. Ф e2—g2
24. С d2—c3

Если 24. Ф:g3 f4; 25. Л:f3 С:f3+, черные легко выигрывают, имея при разноцветных слонах две лишние пешки.

24.

Последний удар приволяющий непосредственно к мату.

25. Ф g3:b7
26. К h1—g1
27. Кр g1—f2

И мат в 2 хода.

Партия № 8.

Играна 11-го сентября 1924 г. в пятнадцатом туре турнира—чемпионата СССР.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТИЯ.

А. Ф. Ильин-Женевский.

В. И. Непаронов.

1. e2—e4
2. d2—d4

- e7—e6
- Кf8—c6

Этот довольно причудливый ход встречался в турнирной практике. На 3. f4 последовало бы d5; 4. e5 К a5 и затем как в нормальной французской партии c5.

3. К g1—f3
4. К b1—c3
5. С f1—d3
6. С c1—g5
7. С g5:f6
8. О—О

- d7—d5
- С f8—b4
- К g8—f6
- h7—h6
- Ф d8:f6
- С b4:c3

Грозило взятие пешки на d5.

9. b2:c3
10. Ф d1—e2

- О—О

Угрожая при случае сыграть e5, однако, не форсируя это движение пешки, чтобы не дать черным возможность контратаки с переводом ферзя через e7 на a3 или посредством f6.

10.
11. К f3—d2

- С c8—d7
- Л f8—d8

Пассивный ход. Однако, черным трудно придумать какую-либо игру, т. к. они не знают будут ли белые продвигать пешку e5 или нет.

12. e4—e5!

-

Теперь, когда все подготовлено, белые открывают свои карты.

12. Ф f6—e7
13. f2—f4
Уже грозят f5.
13. f7—f5
14. g2—g4! Ф e7—h4
15. g4 : f5 e6 : f5
16. Kp g1—h1
Ход 16 e6 выиграл бы пешку после Л e8;
17. С : f5, однако, черные ходом 17... Ф f6!
сейчас же бы отыгрывали ее с превосход-
ным положением.

16. Л d8—f8
17. Ф e2—g2 Л f8—f7
18. Л a1—e1
Угрожая вишкой. Брать пешку d5 было
бы не хорошо, т. к. после К b4! открывало
бы черному слону важную диагональ e6—h1.

18. К c6—d8
19. Л e1—e3 Ф h4—e7
20. Л e3—h3 Кp g8—f8
21. К d2—f3
Угрожая ходом К g5 выиграть качество.

21. К d8—e6
22. К f3—h4 Ф e7—a3
23. С d3 : f5
С падением этой важной пешки черным
нет спасения.

23. Ф a3 : a2
24. С f5 : e6 С e8 : e6
25. f4—f5 Ф a2—c4
26. Л h3—f3 С e6—e8
27. e5—e6! Л f7—f6

28. Л f1—c1 g7—g5
29. f5 : g6 Л f6 : f3
30. g6—g7+! Кp f8—g8
31. Ф g2 : f3
Нельзя было 31. e7!, т. к. тогда 31...
С f5! и черные все защитили, даже ладью f3.

31. С e8 : e6
32. К h4—g6!
Решающий удар! От угрозы Ф f8+ с ма-
том в 3 хода, нет слонной защиты.

31. Кp g8—h7
32. К g6—f8+ Кp h7—g8
34. К f8 : e6 Кp g8—h7
Белые объявили мат в 3 хода.

ХРОНИКА В СССР.

По окончании турнира—чемпионата СССР
была образована комиссия в составе Е. Д.
Боголюбова, В. И. Ненарокова и А. И. Ра-
биновича для присуждения призов за кра-
снейшие партии турнира. I-й приз получил
Г. Я. Левенфиш за партию с Б. М. Верлин-
ским (выше мы приводим эту партию),
II-й—Ф. П. Богатырчук за партию с И. Л.
Рабинвичем и III-й—А. Ф. Ильин-Женев-
ский за партию с А. С. Сергеевым.

В ближайшем будущем предполагается
устройство матча Москва—Рига на 4—6
досках. На первой доске будут играть чем-
пион Латвии, недавний победитель между-
народного шахматного турнира Парижской
Олимпиады—Г. Маттисон и чемпион г. Мо-
сквы В. И. Ненароков.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статья т. Микусона „Китайский узел“ в настоящем номере была уже
напечатана, когда получилось сообщение о Пекинском перевороте. Даль-
нейшее освещение событий в Китае будет сделано в ближайшем номере
журнала.

Редакция.

В № 7—8 журнала „Молодая Гвардия“ замечены опечатки,
из коих наиболее существенные:

Страница.	Строчка.	Напечатано.	Следует.
213	—	А. Лавров	А. Лаврова
275	5 снизу.	управления	упражнения
277	25	буржуазные	бумажные
294	14	образец	абзац
		фашизм	футуризм

Ответственный редактор А. В. Мандельштам—Одиссей

„КРАСНЫЙ ЭСУХА“

ЭТО ОТДЫХ ЧИТАТЕЛЯ.

„Красный Журнал“

Дает в каждом номере рассказы, стихи и очерки
лучших авторов; очерки путешествий, открытия и
новости техники, обзоры театра, кино и литера-
туры, жизни заграницей и спорт.

„Красный Журнал“

В каждом номере помещает не менее 30—40 фото-
графий всех важнейших событий.

„Красный Журнал“

Выходит два раза в месяц в объеме 16 страниц,
богато иллюстрированного текста.

„Красный Журнал“

Стоит в любом киоске только 20 копеек, а в ме-
сяц 1 руб. вместе с газетой „ГУДОК“.

„Красный Журнал“

Выходит на-днях и уже принимает подписку в Кон-
торе „ГУДКА“: Солянка, Дворец Труда, комн. 360.

ВСЕ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ, ВСЕ МОГУТ ОТДОХНУТЬ ЗА ИНТЕРЕСНЫМ
„КРАСНЫМ ЖУРНАЛОМ“.

ЗНАЧКИ „КИМ“

ВНЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ МОЖНО
ПОЛУЧИТЬ КАЖДОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЛКСМ
ТОЛЬКО В Базе Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Цены значков—снижены.

1. Эмалевый — винтовой до 35 коп.
2. Эмалевый на булавке до 30 коп.

Заказы высылаются наложенным платежом Торго-
вым Сектором Издательства.

Старая пл., дом № 10/4. Тел. 1-81-01.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Москва, Старая площадь, 10/4.

НОВЫЕ КНИГИ О КИМ'е

Вышли из печати:

- В.л. Мпрошевский. Хрестоматия по истории международного юношеского движения (2-е дополненное издание).
Вечер КИМ'а в комсомольском клубе. Клубный сборник, составленный Политпросветот ЦК РАКСМ.
Кузьмин. КИМ (популярная брошюра для рабочего подростка).
Пять лет КИМ'а. Краткий конспект по истории КИМ'а под редакцией Политпросвета ЦК РАКСМ.
Очередные задачи КИМ'а. Памятка комсомольского пропагандиста под ред. Политпросв. ЦК РАКСМ.
Волков. Детское коммунистическое движение на Западе.

Печатаются:

- I конгресс КИМ'а. (Материалы о Берлинском конгрессе КИМ'а в 1919 г.).
Стенограмма IV конгресса КИМ'а.
Е. Герр. Что такое КИМ (популярная брошюра для крестьянской молодежи).
Комсомол в тюрьмах. Сборник, посвященный зарубежным комсомольцам — пленникам буржуазных правительств.
Джузеппе-Берти. Итальянский комсомол.

Готовятся к печати:

- О. Тарханов. История КИМ'а.
Мутон и Матини. Французский комсомол.
О. Виган. Германский комсомол.

Заказы направлять в Торговый Сектор Издательства „Молодая Гвардия“ Москва, Старая пл., 10/4. Тел. 1-81-01.

С заказами обращаться в торговый сектор издательства
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА, Старая площадь, 10/4, телефон 1-81-71.